

№ 8 (1414) апрель 1986
ISSN 0139-3690

РАЙКОМ
ПОСЛЕ
6 ВЕЧЕРА.

Сервис
по-прижски.

ПУБЛИКУЕТСЯ
ВПЕРВЫЕ:
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ.

XXVII съезд КПСС продемонстрировал всему миру верность коммунистов заветам великого Ленина. Продолжая ленинские традиции, партия откровенно и смело сказала о проблемах и недостатках нашего сегодняшнего хозяйствования, поставила перед лицом общественной совести и разума то главное, что необходимо для успешного продолжения коммунистического созидания, полноценного воплощения в жизнь ленинских заветов.

Мы уверены, что недостатки, которые мешают нам жить, будут преодолены. Но ничто, как известно, не происходит само по себе. Все зависит от нас. Мы сами должны измениться. Перестроить себя, перестроить наше отношение к жизни.

Пожалуй, сегодня, как никогда, успех общего дела зависит от конкретного вклада каждого из нас, от того, что мы можем предложить своего — интересного, нового, конструктивного в процесс непростых, нелегких преобразований.

«Мы должны всякий труд построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда...» Это сказал Ленин.

Огромные, величественные, созидательные планы страны требуют сопричастности каждого молодого труженика к любому самому маленькому поручению. Таким отношением к делу и формируются активность и сознательность наших юных граждан, когда единство слова и дела становится нравственной нормой.

Однако, мы это признаем честно и откровенно, многие комсомольские организации не добились коренного поворота в работе с молодежью. Значительная часть комсомольских работников по-прежнему уходит от решений актуальных вопросов, продолжая проявлять лишь «кабинетную активность».

Партия требует внедрения в жизнь новых, перспективных, по-настоящему молодежных форм и методов работы, ибо процесс ускорения без этих новых форм просто невозможен.

Отмечая день рождения В. И. Ленина, мы вспоминаем его всегда современные слова о том, что в праздники и юбилеи следует в первую очередь акцентировать внимание на нерешенных вопросах и проблемах. И сегодня партия Ленина, следуя этому завету, сосредоточила свои усилия на преодолении недостатков, которые мешают нашему движению к качественно новому состоянию советского общества.

Партия ждет от комсомола инициативы и деловитости, дисциплины и организованности, энтузиазма и самоотверженности в труде и учебе, нравственного совершенствования в повседневной жизни. Об этом было сказано на съезде. В этом сила нашего общественного строя. Сила социализма.

XXVII съезд КПСС требует от нас...

ыслить по-новому, хозяйствовать по-новому... Вот что необходимо в первую очередь для выполнения выдвинутой XXVII съездом КПСС задачи — за период до двухтысячного года удвоить промышленный потенциал страны. Эта задача требует от каждого из нас смелых, решительных действий, инициативы, готовности брать ответственность на себя.

В комплексе факторов, от которых зависит успех дела, важная роль принадлежит современным методам организации коллективного труда. Возрастает роль бригады как воспитителя и среды воспитания. Именно здесь формируются такие качества личности, как чувство коллективизма, высокая сознательность, дисциплинированность.

В. И. Ленин в работе «Великий почин» писал: «Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся...»

Эти ленинские слова вспоминаются мне каждый раз, когда речь заходит об опыте бригад Северского трубного завода, работающих по принципу «Трудовой и общественной дисциплине — коллективная гарантия».

Как зарождалось это движение? В конце 1969 года мартеновцы обсуждали результаты работы своего цеха. Они были неплохими. Но тревожило растущее число нарушений трудовой дисциплины. Ведь что такое, к примеру, потеря от прогулов? Это не только пустующее рабочее место, простоявавшее оборудование. Нет человека на работе — коллектива вынужден меньшим числом выполнять задание, спешно перераспределять силы. Нагрузка увеличивается, это приводит к нарушениям технологической дисциплины, к браку. Значит, к дополнительным потерям.

Передовые сталевары А. Вершинин, А. Комаров, Н. Тиунов предложили взять под рабочий контроль состояние дисциплины в цехе и сообща отвечать за нее. Допустят кто-то производственный брак, нарушит технологию или общественный порядок — вся бригада добровольно отказывается от части тринадцатой зарплаты.

Мартеновцев поддержали трубопрокатчики. Предложение обсудили во всех цехах, на расширенном заседании парткома. Инициатива была одобрена.

Она родилась непосредственно в рабочей среде, пошла «снизу», а не «сверху» и была естественным проявлением желания рабочих бороться за порядок.

Хочу подчеркнуть, что возникновение этого почина далеко не случайно. В нем, безусловно, назрела общественная необходимость, он в интересах всех — государства, каждого коллектива, каждого человека.

Психологически важный фактор: рабочие ставят подпись под обязательством и тем самым выражают взаимное доверие, уважение, в какой-то степени дают друг другу «аванс», который надо «отработать». И нарушитель больше боится потерять не в деньгах, а в авторитете. Эта подпись — еще одно напоминание, что ты член коллектива, отвечаешь за всех, как и все за тебя. А значит, и за производительность труда, за качество продукции, за экономию, внедрение новой техники, культуру производства. Ведь все это звеня одной цепи, начинающейся с дисциплины, с порядка.

«Быстрых результатов мы, конечно, не ждали, — рассказывал мне электрозварщик Северского завода Виктор Николаевич Дорожкин, — но верили, что они обязательно будут. Не получали премию из-за нарушителя, лишались звания «Коллектив высокой трудовой и общественной дисциплины», переживали, конечно... Обидно было не за десятку потерянную — за бригаду, за честь ее. И снова брали обязательства, терпеливо работали с людьми. Воспитание ведь процесс сложный, кропотливый.

Это не прокатный стан, который настроил — он и поехал. Тут выдержка нужна, внимание, постоянная забота. Главное — не быть равнодушным.

Неравнодушие — черта не врожденная, это результат воспитания. Коллективная гарантия ставит жесткий щит перед безразличием. И отношение людей к производству, друг к другу заметно меняется. Люди начинают по-настоящему болеть за план, за качество, больше заботиться об экономии материалов.

Подчеркну и такой аспект. Движение «Трудовой и общественной дисциплине — гаранту коллектива», на мой взгляд, не может закрепиться и развиваться в тех бригадах, где не сложился достаточно стабильный коллектив, где не наведен элементарный порядок на производстве. Но я глубоко убежден, что для этой формы воспитания социалистической дисциплины труда должны не только созреть производственные условия, но и перестроиться психология рабочего человека. Вот почему одной из главных задач в развитии движения северских трубников мы считаем помочь рабочим коллективам «дозреть» до коллективной гарантии. Сегодня в области, думается, уже пройден пропагандистский этап этой работы. Теперь предстоит активно распространять, то есть организовывать, это массовое движение. На каждом предприятии надо создать дисциплинирующие условия труда и быта, помочь людям в ломке устаревших понятий, в осознании высокого нравственного смысла коллективной гарантии дисциплины.

Конечно, наивно было бы ожидать, что сам факт существования обязательств избавит нас от всех бед, связанных с нарушениями дисциплины. В связи с этим вспоминаются слова председателя совета бригадиров Свердловского инструментального завода Александра Ивановича Чернова. «Бывает, — говорил бригадир, — подписываем обязательство по коллективной гарантии и забываем о нем. До тех пор, пока кто-нибудь не нарушит дисциплину. Известные ме-

ОТВ

ры воспитания не применяем, надеемся на почин. А ведь где нарушение может произойти, где коллектив еще не сложился, нужно всем — администрации, общественным организациям цехов — активно заниматься профилактикой нарушений, помогать бригаде выполнять свое обязательство».

Во многих бригадах обязательство вместе с рабочими подписывают и мастера, начальники участков, цехов. Таким образом укрепляется связь руководящих кадров с низовыми звеньями трудовых коллективов.

На Северском заводе это практикуют уже давно. Там с самого начала стремились, чтобы линейные мастера не остались в стороне. Личный пример хозяйственного руководителя — сильный воспитательный фактор. В какой-то степени это подстегивает и самих руководителей быть более собранными, ответственными, дисциплинированными.

Очень важным моментом считаю то, что рабочие объединили в своей гарантии такие понятия, как трудовая и общественная дисциплина, поставив их на один уровень. Производственные вопросы и проблемы воспитания нужно решать в комплексе. Каков человек в быту, таков, как правило, и на работе. Разъединять эти понятия нельзя.

В июле прошлого года ВЦСПС и

Госкомтруд СССР принял совместное постановление о почине передовых коллективов Свердловской области по развитию движения «Трудовой дисциплине — гарантию коллектива». Отрадно сознавать, что почин получил широкое признание. Но почему из формулировки исчезло слово «общественной»? Получается, остановились на полдороге...

Потери рабочего времени, вызванные прогулами, на Северском трубном в пятнадцать раз меньше, чем в среднем по области. Цифра впечатляющая. Может возникнуть вопрос: неужели подписание обязательства по коллективной гарантии, когда материальное наказание исчисляется всего десятью — пятнадцатью рублями на каждого члена бригады, может дать такие результаты?

Работа, подчеркиваю, ведется комплексно. Принцип коллективной гарантии действует лишь в сочетании с другими воспитательными мерами, усиливая их. На заводе продуманы меры по сокращению потерь рабочего времени, укреплению дисциплины и закреплению кадров. Большое внимание уделяется внедрению новой техники, прогрессивных форм организации и стимулирования труда. Одновременно решаются со-

циально-бытовые вопросы, что способствует оздоровлению атмосферы в коллективе, создает хороший рабочий настрой. Целенаправленное теперь занимается воспитанием мастера, бригады, начальники смен и цехов. Активизировались советы бригадиров, товарищеские суды. Причем вся эта работа ведется строго конкретно, а не по принципу «ховата».

Один из многих сторонников северского почина — Свердловский инструментальный завод. Предприятие это на хорошем счету. Четверть работающих здесь — трудовые династии, текучесть кадров небольшая (в два раза ниже, чем средняя по городу и по всей инструментальной отрасли). Число нарушений трудовой дисциплины на заводе было невелико, зато серьезное беспокойство вызывали частые нарушения общественного порядка. После того, как стали работать по почину северцев, положение заметно улучшилось, и с 1983 года число этих нарушений стало снижаться.

Раз в неделю у секретаря парткома собирается координационный совет по профилактике нарушений общественного порядка, в который входят представители профкома, комитета ВЛКСМ, ад-

министрации, начальник опорного пункта по охране общественного порядка, работники отдела кадров, народные контролеры. Обсуждают, что сделано с начала месяца, разбирают нарушителей. Если три года назад звание «Коллектив высокой трудовой и общественной дисциплины» завоевали 17 бригад, то в прошлом году — 53.

Были и сейчас еще есть скептики, сомневающиеся в целесообразности и законности действий коллектива, применяющего материальные санкции... к самому себе. Что им ответить? Главный аргумент — добровольность таких действий и санкций. Добровольность, отличающая и наши коммунистические субботники, которые, если рассуждать формально, тоже не вписываются в нормативные рамки. На субботнике мы зарабатываем деньги и перечисляем их в фонд пятилетки.

Укрепление трудовой и общественной дисциплины приводит в общем итоге к улучшению производственных показателей предприятия, а значит, и к увеличению фонда материального поощрения. Это дает возможность направлять дополнительные средства на материальное стимулирование работников завода. На Северском трубном за одиннадцатую пятилетку зарплата повысилась на 11,8 процента.

Какова же механика воздействия на коллектизы, допускающие нарушения дисциплины?

При нарушении одним из членов бригады трудовой или общественной дисциплины вся бригада лишается части тринадцатой зарплаты, при повторном нарушении — до 20 процентов. Если год прошел без нарушений, бригада получает десять процентов надбавки к годовой премии. Обратите внимание: речь идет о премии, а не о заработке. Нарушителю прогул обходится примерно в 250 рублей (годовое вознаграждение — 100—150 рублей, месячная премия — 115 рублей, дневная зарплата — около 15 рублей). В 1969 году прогульщики в мартеновском цехе не получили 18 тысяч рублей (72 случая), в

рейшей адаптации молодых рабочих. На техническое обучение молодежи предприятие расходует сотни тысяч рублей ежегодно. Но все это многократно окупается. Производственному и политическому росту молодых кадров способствует активная работа наставников. У северцев каждая группа их базового ПТУ закреплена за определенным коллективом, каждый кабинет училища — за цехом. Учащийся ПТУ со второго курса проходит практику именно в той бригаде, куда его распределят после училища. Рабочие присматриваются к новичку, помогают ему, и когда он приходит сюда работать, чувствует себя в коллективе уже своим человеком.

Группы учащихся берут обязательства жить и работать по принципу коллективной гарантии. Выполнившим обязательство вручается премия до трехсот рублей на группу и присваивается почетное звание «Группа высокой культуры труда и учебы». Училище считается одним из самых престижных.

— На завод у нас приема «с улицы» практически нет, только из базового училища, — рассказывал мастер Свердловского завода Герой Социалистического Труда Василий Максимович Брянцев. — Это наша смена, наши кадры. Что заложим в них, то и получим. Кто в этом заинтересован больше, чем мы?..

В 1983 году Свердловский обком партии, обобщив опыт движения северцев, принял постановление о дальнейшем его распространении. Было проведено социологическое исследование, разработаны рекомендации.

По итогам прошлого года, в движении по области участвуют 384 предприятия. 21 630 бригад (30 процентов к общему числу бригад), 281 855 человек. В 1984 году было соответственно 17 тысяч бригад, 232 тысячи человек.

На Северском заводе 98 процентов бригад работают по принципу коллективной гарантии.

В движение включились предприятия Красноярского края, Днепропетровской, Куйбышевской, Калужской, Тюменской

ПРАВО НА ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

Владимир ЖИТЕНЁВ,
секретарь Свердловского
обкома КПСС,
делегат XXVII съезда КПСС

За время действия почина «Трудовой и общественной дисциплине — коллективную гарантию» на Северском трубном заводе общие потери рабочего времени сократились в 7 раз, прогулы — в 8, число нарушений общественного порядка — в 2 раза, текучесть кадров — на 30 процентов.

Когда нарушителей дисциплины спросили, какое из наказаний они воспринимают наиболее болезненно, подавляющее большинство ответило: осуждение товарищей.

Работа по коллективной гарантии будит в человеке стремление к действию, стремление стать еще лучше, чтобы иметь моральное право спросить с других.

1984 году, когда нарушителей стало в семь раз меньше, — 2,5 тысячи рублей. За 1984 год в мартеновском цехе в бригадах, имеющих прогулы, частично снижено годовое вознаграждение 133 работникам, в расчете на одного человека — 16,5 рубля. В то же время годовое вознаграждение за выполнение обязательства по коллективной гарантии было увеличено 229 работникам, в среднем — на 10 рублей. Таким образом, сумма годового вознаграждения по цеху увеличилась на 137 рублей, следовательно, в целом коллектив потерь не имеет.

Это материальная сторона дела.

Если же сравнить моральный и материальный факторы, то, конечно, моральный приобретает решающее значение. Когда нарушителей дисциплины на Северском трубном спросили, какое из наказаний они воспринимают наиболее болезненно, подавляющее большинство ответило: осуждение товарищей. Как смотреть им в глаза, когда их наказывают из-за тебя?..

Известно, как много в трудовой биографии человека зависит от его первых шагов на производстве. Встретит он внимательное, доброе отношение в бригаде — быстрее освоится, легче постигнет высоты мастерства и, что очень важно, воспримет лучшие традиции коллектива.

У северцев многое делается для ско-

и других областей. Целесообразность и полезность его доказала сама жизнь.

При распространении опыта случаются, конечно, и перегибы. На некоторых предприятиях почин в буквальном смысле внедряется в приказном порядке. Или, например, за нарушение дисциплины бригаду полностью лишают годовой премии. В итоге — вместо воспитания нарушителей от них стараются избавиться. Естественно, что такое «распространение» почина не приносит пользы, а лишь дискредитирует его.

В заключение скажу следующее. Движение растет, ширится, совершенствуется. Это одна из полезных форм воспитания, формирования личности в атмосфере взаимной требовательности, подлинной культуры труда и поведения, нетерпимости к пьянству, ко всякого рода нарушениям дисциплины. Инициатива северцев сочетается с основными требованиями директивных документов, помогает обеспечить наибольшую отдачу каждого на своем месте, активное участие всех членов коллектива в управлении производством.

Распространение опыта северцев особенно важно сейчас, когда по всей стране идет перестройка хозяйственного механизма, когда партия во главу угла ставит задачу активизации человеческого фактора, наведения порядка во всех областях нашей жизни.

есть часов вечера. Пустеют райкомовские коридоры, оставают «докрасна» раскаленные от бесконечных звонков телефоны. Пора бы и райкомовцам отдохнуть от суетолок прошедшего дня, но они не торопятся по домам.

— Значит, так,— Константин Шавель, второй секретарь Советского райкома комсомола Минска, обвел глазами работников аппарата, собирающихся его кабинете.— Еще раз уточним адреса... Главное внимание— общежитиям, подростковым клубам. Ну, а ты, Костя,— обращается Шавель к заведующему отделом спортивной и оборонно-массовой работы Константина Басько,— посмотри со своими ребятами молодежные кафе, бары. В 21.30 собираемся опять здесь, в райкоме.

Честно говоря, давно хотелось «повариться» в котле райкомовских будней. Чтобы не со стороны, а изнутри, глазами самих комсомольских работников взглянуть на все «срочное», «неотложное». Разобраться, что же происходит сегодня в штабе районной комсомолии. Коснулся ли его свежий ветер перемен или жизнь течет все по тому же равнинному, накатанному руслу, как и пять, и десять лет назад?

Советский райком ЛКСМБ—знал я об этом и раньше—далеко не та «комсомольская глубинка», о которой писала «Смена» в последнем номере прошлого года. Это самая крупная в республике районная организация, включающая в себя 155 первичек, на комсомольском учете здесь 55 тысяч человек. Но и лидером во всех отношениях эту комсомольскую организацию не назовешь. В общем, «нормальный», типичный райком.

Пришел я сюда вечером не случайно. Хотелось убедиться, что райком комсомола не контора, где отсчитывают положенные часы от звонка до звонка. Может быть, самая важная работа тут и начинается после работы.

...Райкомовцы разошлись по разным адресам. И мы с Шавелем вышли на улицу. Встречный ветер сбивает с ног.

— Заглянем на опорный пункт,— предлагает Константин, поднимая воротник пальто.

Ярко освещенное крыльцо. В дверях столкнулись с молодыми людьми с красными повязками на руках—патруль идет на дежурство. Участковый инспектор Александр Михайлович Гладырев, поздоровавшись с нами, продолжает разговор с парнишкой лет восемнадцати, в потрепанных джинсах, подпоясанных кожаным ремнем с металлическими заклепками, в куцей курточке на «молнии».

— Так говоришь, никакого отношения к той компании не имеешь?— спросил участковый.— А ремень этот тоже, скажешь, просто так надел?

Парень хмыкнул, но ничего не ответил. Отвернулся, всем видом показывая, что ему надоела беседа.

Почему же он здесь оказался? Дружинники заметили, как несколко ребят писали на стене дома названия рок-ансамблей. Публика известная— любители рок-музыки, у каждого из которых свой опознавательный знак: браслет, медный обруч или вот ремень с заклепками— «металлические мальчики».

— Ты на каком курсе, Сергей?— спросил Шавель.

— Ни на каком,— хмуро буркнул парень.— Выгнали меня из института.

— И ты так спокойно говоришь об этом?

— А что? Я бы и сам бросил, если бы не родители... Хотят, чтобы у меня диплом был. А по мне лучше слесарем, чем так...— Подумал с минуту и добавил:— Уеду в Пинск, там у меня бабушка. Или к тетке в Воркуту подамся.

«НЕЛЬЗЯ СЕЙЧАС ДЕЙСТВОВАТЬ ПО СТАРИНКЕ!» — УБЕЖДЕН НИКОЛАЙ ТИТОВИЧ, СЕКРЕТАРЬ КОМИТЕТА КОМСОМОЛА МИНСКОГО РАДИОТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА.

Письма из райкома

ЗНАТЬ,
ЧЕМ
ЖИВЕТ
МОЛОДЕЖЬ,
УСЛЫШАТЬ
КАЖДОГО,
УМЕТЬ
ПОНЯТЬ,
ПОМОЧЬ—
СЕГОДНЯ
ЭТО
ГЛАВНОЕ
ДЕЛО
КОМСОМОЛЬСКОГО
РАБОТНИКА.

Вечерняя Смена

Леонид ЕКЕЛЬ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

Сам не знает, чего хочет. Запутался, видно, парень. Константин написал номер своего райкомовского телефона и протянул Сергею.

— Позвони завтра. Что-нибудь придумаем.

— Спасибо. — Парнишка аккуратно свернул записку и сунул ее в карман куртки.

— А чем тебе нравится рок? — спросил его Шавель.

Сергей недоуменно пожал плечами.

— Н-не знаю... Ритм подходящий, взбадривает...

Константина не впервые слышать подобные откровения от юных «меломанов». Одно название — «металлические», а поговоришь с ними по-хорошему и понимаешь: никакие они не металлические, а живые, ранимые, словом, обычные ребята. Любят рок-музыку? Что ж из этого? Новое время — новые ритмы. Беда в том, что порой все их интересы замыкаются на роке. Они назубок знают названия наших и зарубежных ансамблей, а спроси, что происходит в родном городе, чем живет их комсомольская организация, — не ответят. Да-да, многие из этих «металлических» — комсомольцы, исправно платят членские взносы, ходят на собрания, но, что греха тайти, не причастны они к комсомольским делам.

Нё верится, что они равнодушны ко всему, кроме своих увлечений. Может, комсомольские вожаки просто не хотят, не умеют прислушиваться к их мнению? Ведь сколько еще таких вот «тихих» комсомольцев остаются без внимания и помощи. Значит, надо всерьез разобраться, на кого рассчитана тогда комсомольская работа. Получается, что воспитываем только актив.

Кто сказал, что все эти «меломаны» и «фанаты» неуправляемы?! Наоборот. Они жаждут объединения и объединяются. Только на какой основе?.. А как было бы здорово открыть для них клуб, куда пригласить знающих, авторитетных музыкантов, спортсменов!..

Об этом мы говорили с Костей Шавелем по дороге в райком. У кафе «Сузорье» секретарь райкома замедлил шаг, мечтательно вздохнул:

— Нам бы с десяток таких кафе, вот тогда бы развернулись по-настоящему.

«Сузорье» («Созвездие») — предмет гордости не только комсомольцев Советского района, но и всего города — существует уже восемь лет. И каждый вечер желающих попасть сюда не меньше, чем на хороший спектакль. Но принять в своих стенах кафе может всего-навсего 80 человек — слишком мало для такого города, как Минск.

В чем секрет такой популярности? Секрета никако-

вечер — время для работы, но не с бумагами, а с людьми.

го нет, просто в культурной программе «Сузорья» умело сочетаются развлекательное и познавательное начала. Здесь с успехом действуют клубы любителей искусства, студия самодеятельной песни, клуб творческой молодежи. Только на выступлениях слайд-студии побывало более 30 тысяч человек.

В тот вечер мы с Константином были в гостях у любителей живописи. Руководители объединения — Андрей Ставров и Наташа Коваленко — показывали былинный цикл Константина Васильева. Один слайд сменяется другим, звучит музыка, каждая картина сопровождается немногословным, но точным комментарием — все это создает неповторимую гармонию, которая не может не волновать.

— Ну, как впечатление? — с нескрываемой гордостью спрашивает меня Шавель. — А ведь Андрей и Наташа не искусствоведы, он физик, она преподаватель ПТУ. Энтузиасты.

Да, сейчас вся программа «Сузорья» держится на энтузиастах. Райком комсомола здесь как будто и ни при чем. Но кто искал и находил энтузиастов, помогал им, кто решал и решает самые разные проблемы, то и дело возникающие в работе кафе? Конечно же, райкомом комсомола.

Скажем, такой вопрос: как оснастить кафе современной аппаратурой? Без нее «Сузорья» может превратиться в очаг культуры вчерашнего дня. Очень нужен, например, видеомагнитофон. Ведь есть ребята, которые могли бы снимать интересные фильмы о жизни молодежи района, брать видеointервью. В общем, не для забавы нужна эта «игрушка», но...

Но по безналичному расчету видеотехнику не отпускают.

— Парадокс, — горячо говорит Константин, — средства на приобретение «видео» у райкома есть, а купить не можем.

Еще бы Шавель не горячиться. В прошлом году, в ноябре, он, будучи на семинаре в Москве, «пробился» на прием к заместителю министра электронной промышленности СССР. Пришел в министерство просить, чтобы Советскому райкому комсомола Минска разрешили приобрести по «безналичке» хотя бы один видеомагнитофон. Замминистра, как видно, проникся заботами секретаря райкома. Пообещал: «В порядке исключения... Хотя это почти невозможно».

А недавно райкомовцы с радостью узнали: заместитель министра сдержал свое обещание — будет в «Сузорье» видеомагнитофон.

Радость ребят понятна, но и у работников райкома, и у меня все же остаются «нетактичные» вопросы. Почему хорошее дело делается «в порядке исключения»? Почему бы не узаконить иной, более приемлемый для комсомольских организаций порядок приобретения видеаппаратуры?

...Время — около десяти вечера. Опять мы с Костей Шавелем в райкоме.

— Все вернулись? Ну что ж, рассказывайте.

— Мы с Людмилой были в общежитии техникума связи, — бойко начала Валентина Маковец, инструктор орготдела. — Бытовые условия там хорошие, а вот воспитательная работа...

— Извини, Валя, — прервал ее Шавель. — Для того, чтобы узнать, какие бытовые условия в общежитии, туда не надо ходить вечером. Не забывай, нас сейчас интересует другое.

— Я как раз и хочу перейти к организации досуга. Были мы на лекции. В красном уголке человек двадцать. Делают вид, что слушают. А слушают нечего — прописные истины о вреде алкоголя. Недаром большинство предпочитает сидеть у телевизора.

— А если в это время идет интересная передача? «Мир и молодежь», например, — тогда как? — не без подвоха спросил кто-то.

— Да и насчет «прописных истин» надо бы поосторожнее, — резонно заметил другой. — Всем ли они так уж хорошо известны?

Валентина не на шутку растерялась. И было от чего. Многие из нас грешат резкостью и прямолинейностью. Но со стороны работника райкома субъективизм в оценке той или иной ситуации недопустим: он может привести к ошибкам, к искажению истинного положения дел. Тут-то и помогает коллективность — вот такой открытый, товарищеский обмен мнениями.

— Я, конечно, не против интересных телепередач. — Валя обрела свое прежнее спокойствие. — Просто за ребят обидно. Многие приехали из деревень и ни разу не были ни в театре, ни в филармонии.

— Что ты предлагаешь? — спрашивает Шавель.

— Пригласим их на вечер отдыха в наше лучшее общежитие, пусть посмотрят, что можно сделать при желании.

— Хорошо бы ребят из «Сузорья» к нам направить. В виде шефской помощи.

— А может, сначала у них самих спросить, что им хочется?..

Опять спор, опять коллективный поиск.

— Ну, а как дела в подростковых клубах? — Шавель задает новый вопрос.

Поднимается Людмила Мотора — она побывала в эжке № 42, над которым шефствует Минское производственное объединение вычислительной техники.

— Думаю, есть о чём поговорить на бюро райкома. К сожалению, никаких сдвигов. Как был один туристский клуб, так и остается. Видно, комитет комсомола объединения не считает работу с детьми и подростками серьезным делом.

— А что у тебя, Костя?

Басько кратко и четко рассказал о рейде оперотряда:

— Побывали в питейных заведениях. Хуже всего в ресторане «Прамень». Он ведь под одной крышей с безалкогольным шоколадным баром, а там всегда много молодежи. Такое соседство, я считаю, нельзя больше терпеть. Надо срочно связываться с общепитом и решать вопрос по существу.

Шавель внимательно слушает коллег и в то же время о чём-то напряженно думает. Сейчас, кажется, самое время поделиться своими соображениями: он же секретарь, а не просто регистратор информации. Да и разве только ради сбора оперативных сведений затягива эта вечерняя акция райкомовцев?

— Я вот о чём думаю, — неторопливо начал Константин, — не распыляем ли мы свои силы? Возьмем сегодняшний вечер. Были мы в разных «горячих точках» района, своими глазами увидели, как молодежь проводит свободное время. И все-таки особого удовлетворения от этого рейда нет. Согласны?..

— Почему же? — Райкомовцы оживились, они не спешили соглашаться с секретарем. — Разве этого мало?..

— Точная информация — уже полдела.

— Теперь хоть знаем, с кого спросить.

— «С кого спросить?» — подхватил реплику Шавель. — Проверяльщики, ревизоры... Никак не расстанемся с этой ролью. А ведь мы прежде всего организаторы, а не контролеры. Легче всего прийти в клуб или общежитие и, как говорится, дать разгон: то не так, это не эдак. А что изменится? Решим ли «указывками» проблему?

— Что ты предлагаешь? — Теперь уже секретарю райкома самому приходится отвечать на этот требовательный, бескомпромиссный и, пожалуй, самый популярный среди комсомольских работников вопрос.

— О зонах комсомольского действия слышали? — в свою очередь, спросил Константин. — Это когда какую-то важную проблему решают сразу несколько комсомольских организаций — всеми имеющимися у них средствами. «Трудные» подростки, например. Кто у нас с ними занимается? И оперотряд, и педотряд, и эжэк с различными кружками и секциями. Цель одна, а действуют зачастую, как лебедь, рак и щука. А что, если у нас на базе того же эжа № 42 создать зону действия, — все более увлекаясь, продолжал секретарь райкома. — В этом микрорайоне две школы, почти две тысячи подростков... Улечь их полезным делом — разве это нам не под силу? А?

Шавель с затянутой надеждой посмотрел на коллег, ждал, что они скажут.

— Идея хорошая, — первым отозвался заворг райкома Женя Акулич. — Но и воз, если уж еще раз вспомнить басню Крылова, нелегкий. Нужен сильный коренник — головная организация, которая бы потянула.

— А объединение вычислительной техники, где сотни комсомольцев, чем тебе не коренник? — тут же подсказала Люда Мотора.

— Правильно! — обрадовался Акулич. — А на подмогу позовем ребят из малочисленных организаций. Это надо обсудить на бюро райкома.

Райкомовцы еще долго спорили, совсем забыв, что сейчас уже поздний вечер. Говорили, между прочим, и о том, почему некоторые комсомольские активисты после рабочего дня, на отдыхе, превращаются в пассивных созерцателей. А может, потому, что и райком в это время нередко уходит от дел, как бы складывает с себя обязанности организатора, руководителя, коллективного вожака молодежи? Так что словами, упреками тут мало поможешь. Нужен пример, нужно и вечером быть в гуще событий, а не в стороне от них — без этого комсомольская работа сейчас просто немыслима.

— Ну, что ж, ребята, — подводит итог Шавель. — На сегодня, наверное, хватит. Завтра еще потолкуем. А до завтра осталось... — Костя смотрит на часы.

— Как в песне, четырнадцать минут, — весело сказал кто-то.

— Райком не дремлет!

ОТ РЕДАКЦИИ. Разговор о «вечерней смене» райкома комсомола мы собираемся продолжить. Обращаемся к вам, уважаемые читатели. Давайте проведем эксперимент: в ближайший вечер, после 18.00, загляните в ваш райком ВЛКСМ. Работает ли он, горит ли свет в его окнах? Чем заняты райкомовцы и активисты? Кто приходит сюда «на огонек»?

Ждем ваших писем.

Советую прочитать...

Уважаемая редакция журнала «Смена»!

Горячо поддерживаю начинание редакции по стимулированию пропаганды и популяризации журнала «Смена» читателями. Из второго номера узнал о вручении И. Н. Лопатиной из Кирово-Чепецка диплома «Смены» за пропаганду и распространение журнала. Хотелось бы поздравить заслуженную учительницу с достойной наградой — первым дипломом «Смены» и пожелать ей дальнейших успехов в труде и личной жизни.

Хочу рассказать еще об одном неутомимом пропагандисте с солидным стажем, о нашем бывшем коллеге, кандидате сельскохозяйственных наук Мии Михайловне Коган. Уже пять лет она на заслуженном отдыхе, но находит время посещать бывших сослуживцев Белорусского НИИ животноводства и каждый раз спрашивает: «Надеюсь, все выписывают «Смену»? А вы читали в последнем номере журнала?...» Все в институте знают, что Мия Михайловна является постоянной читательницей вашего журнала еще с юных лет. Причем эта любовь эрудированной, обладающей многогранными увлечениями и тонким юмором женщины с годами не угасает. Несмотря на то, что Мия Михайловна выписывает и другие периодические издания, просматривает в библиотеках города всевозможные художественно-политические и научно-популярные журналы, предпочтение она отдает все же журналу «Смена». Были времена, когда на ваш журнал было тяжело подписаться, но Мия Михайловна регулярно получала «Смену», пропагандировала журнал и давала читать его всем желающим.

Эту нежную привязанность к журналу она привила своим детям и всем нам, сотрудникам отдела. Да и как было не подпасть под влияние такого упорного пропагандиста, если Мия Михайловна частенько говорила: «А вы читали в последнем номере журнала «Смена»?...» И всегда ее сообщения были интересны для окружающих. Трудно сказать, что нас больше побуждало регулярно выписывать журнал, его интересное и разнообразное содержание, красочное оформление или своевременно задаваемый вопрос Мии Михайловны: «А вы читали в последнем номере журнала «Смена»?...» — но мы дружно подписывались на ваш журнал и тогда, и сейчас, несмотря на несомневаясь в его полезности.

Заканчивая письмо о страстном пропагандисте с полуавтоматом стажем, мне бы хотелось, чтобы очередной диплом «Смены» за многолетнюю пропаганду и распространение журнала получила Мия Михайловна Коган, поскольку более трогательной привязанности к периодическому изданию я не встречал ни у кого.

В. Т. ВАСИН,
старший научный сотрудник
Белорусского НИИ животноводства

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редколлегия благодарит нашу постоянную читательницу М. Коган за активную работу по пропаганде журнала и награждает ее дипломом «Смены». Поздравляем Вас, Мия Михайловна!

Я узнал
столько нового

Дорогая редакция!

Огромное удовлетворение получил я, участвуя в проводимых редакцией конкурсах эрудитов, посвященных таким знаменательным датам, как 40-летие Победы над фашизмом, XII Всемирный фестиваль и другие. Я по-настоящему понял смысл и значение известного олимпийского афоризма «Главное не победа, а участие!». И я никогда не пожалея тех вечеров, что провел среди книг и старых подшивок в поисках информации, в поисках знаний! Словом, увлекли меня необычные конкурсы знаний, победить в которых под силу только истинным эрудитам и знатокам. Они заставили меня полюбить спорт, заново осмыслить традиции наших дедов и отцов, вспомнить забытое. Я сделал альбомы «История Олимпийских игр», «Герои Советского Союза», «Салют, фестиваль!» по материалам конкурсов эрудитов «Смены», и моими материалами пользуются лекторы, студенты, учащиеся.

Валентин ГУЖОВ, Архангельская область

НЕ ПОРАБОТАТЬ ЛИ НА ДОСУГЕ?

ТАК НАЗЫВАЛАСЬ АНКЕТА «СМЕНА», ОПУБЛИКОВАННАЯ В № 3. РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧИЛА СОТНИ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ОТКЛИКОВ. В ПОДАВЛЮЩЕМ БОЛЬШИНСТВЕ ПИСЕМ АВТОРЫ ТВЕРДО ОТВЕЧАЮТ: «ДА, МЫ ХОТЕЛИ БЫ ПОРАБОТАТЬ В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ. Но...»

Сразу оговоримся: публикуемым сегодня обзором мы отнюдь не намерены подвести итог обсуждению этой темы. Письма с ответами на вопросы анкеты продолжают поступать, и было бы ошибкой оставить их без внимания лишь потому, что они пришли позже других. Пока же наша задача — предварительно познакомить участников заочной дискуссии с мнениями друг друга. Быть может, результатами такого знакомства станут новые идеи, новые предложения...

«Спасибо за вовремя начатый разговор, — пишет москвичка С. Никитина. — Только пусть он найдет свое продолжение в другом качестве, на деле. Живу одна, оклад — 135 р. Как говорится, лишнего себе позволить не могу. Пыталась устроиться на работу по совместительству — безрезультатно. Из-за никчемной справки с места основной работы спрос и предложение не находят точек соприкосновения. Дикость! Человек с дипломом, когда хочет заняться на досуге полезным делом, полезным и для себя, и для государства, — вынужден чувствовать себя парией. А ведь если даже грубо прикинуть, москвичи, будь у них возможность дополнительно работать, спокойно обошлись бы без притока рабочей силы со стороны».

Почтальон, уборщица, приемщица в химчистке или ателье, санитарка в больнице, фасовщица в магазине — вот далеко не полный перечень профессий и должностей, в которых хотели бы работать в свободное время, по два-три часа в день, наши читательницы И. Тышкевич из Минска, Е. Попова из Балашихи, Л. Леднева из Можайска, десятки других, не назвавших свои фамилии. Заметьте: они предлагают свои услуги именно там, где ощущается острый дефицит кадров. Но предлагают тщетно... Всезде им отказывают, везде «подводят» наличие диплома о высшем образовании.

«Получается, — пишет читательница из Горького, — что при остром недостатке рабочих рук никто не обращает внимания на желающих работать. Именно работать, на законном основании».

«Необходимо поднять вопрос о пересмотре некоторых законов трудового кодекса, которые ограничивают, а порой делают невозможным устройство на дополнительную работу, в печати же — дать подробные консультации по этому вопросу», — считает И. Тышкевич. Ее поддерживает инженер-конструктор из Жданова: «Надо поощрять в людях, в том числе и в ИТР, желание работать, не попрекать желанием улучшить свой жизненный уровень. Ведь человек зарабатывает (законно) — работая на все общество, а значит, надо дать ему эту возможность».

«Проблема работы в свободное время меня интересует давно, — пишет в редакцию электрик из Владивостока Александр Гладков. — Сколько же рогатых стоит на пути желающего поработать на досуге! У нас во Владивостоке тысячи объявлений: требуются, требуются... А предложишь свои услуги, скажем, эзжу или служебы быть во время отпуска (у моряков он порой до 6 месяцев), — потребуют столько документов да поставят такие условия, что создается впе-

чатление, будто их цель не нанять работника, а отмахнуться от него».

Что же предлагают читатели?

Слесарь-сборщик из Пензы А. Максимов считает, что много возможностей для дополнительной работы есть и на родном заводе. «Вот такой пример: у нас в цехе после нас еще и уборщицы работают с окладом около 80 рублей. Так заплатите нам с напарником хотя бы по 30 р., и мы бы убрали точно так же, если не лучше: ведь нам завтра здесь же работать! (Экономию считайте сами.) Да и в рабочее время сорили бы меньше».

«Больное место любого завода — ремонтные работы, — пишет инженер ОКСа из Горького А. Колсов. — Обычно приглашают или шабашников, или специализированную организацию, что для предприятия почти одинаково дорого. А почему бы не разрешить браться за это дело после основной работы своим же рабочим и ИТР, имеющим соответствующую квалификацию?»

Аналогичные мнения у Людмилы Коробейниковой из Новосибирска, инженера Гневуш из Таллина, многих других. Кстати, и здесь, как видим, наши читатели хотели бы взяться за работу, нужную производству, заводу, государству, а не им лично. Ни в одном письме нам не встретилось «пожеланий» типа: хочу сидеть, ничего не делать и деньги получать. Вопрос о дополнительной работе авторы рассматривают в первую очередь с точки зрения дополнительной же пользы для общего дела.

«Необходимо, чтобы желающие трудиться на досуге получали всю нужную информацию в бюро по труду и устройству», — считает М. Транькова из Ленинграда. А С. Никитина предлагает в каждом районном бюро завести специальные «Карточки спроса и предложения» по профессиям и условиям работы. «Кому же, если не бюро по труду и устройству, обеспечивать дополнительной работой всех желающих? — спрашивает 25-летний слесарь из Москвы. — Там, и именно там, должны сходиться интересы обеих «сторон» — народного хозяйства и каждого работника». «А пока, — сетует библиотекарь из Челябинска, — бюро труда и устройства занимаются своим делом просто несерьезно».

«Предлагаю в каждом городе организовать мастерские молодежной моды, где могли бы работать студенты, молодые матери и т. д. (шить одежду, обувь по сезонам)», — пишет Л. Отбеткина из Волгодонска. Ее сверстница из Куйбышева добавляет: «Можно привлекать студенток и надомниц к выпуску остромодной молодежной и детской одежды, которая была бы тогда разнообразной, несерийной».

Таких писем пока всего два, хотя многие наши читательницы сообщили о себе: «Люблю шить, вязать, с удовольствием делала бы это и для других». Почему же авторы не видят в этом реальный вариант дополнительной работы, заработка — для молодых матерей, временно сидящих дома, студентов?

Причина проста — нет пока, к сожалению, законных и достаточно стабильных путей реализации такой продукции. Но мало ли было в нашей истории непроторенных дорог и мало ли их еще впереди? Давайте вместе подумаем: какой путь был бы тут наиболее верным, для всех удобным, выгодным?

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1414) АПРЕЛЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
моды
нынешнего
лета.

Фото
Владислава
ЛОКТЕВА.

**1 XXVII СЪЕЗД КПСС ТРЕБУЕТ ОТ НАС...
«ПРАВО НА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ».**

**2 ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА. «ВЕЧЕРНЯЯ СМЕНА».
Фotoочек Леонида ЕКЕЛЯ и Сергея ВЕТРОВА.**

5 ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ.

**6 АДРЕС ИНТЕРЕСНОГО ОПЫТА.
«ЭКСПРЕСС» — ЗНАЧИТ БЫСТРО».**

Фото报ортаж Валерия ГУРИНОВИЧА и
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

**8 Рассказ Фазиля ИСКАНДЕРА
«ТРОЕ В СИНИХ МАКИНОШАХ».**

12 «ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРОЗВУЧАЛО: «ПОЕХАЛИ!»

**14 ЗАКОН И ТЫ.
Юрий ФЕОФАНОВ. «ТЯЖБА».**

16 Мария БОГДАНОВА. «ПЛАТЬЕ ДЛЯ БЕЛОСНЕЖКИ».

**18 ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.
Георгий ДАНАИЛОВ. «НЕ УБИТЬ МОЦАРТА».**

20 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА. «ХОТИТЕ ВЫГЛЯДЕТЬ НАРЯДНО?»

21 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ». «И ВИДИШЬ СВОЙ КРАЙ».

**22 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНЫ».
«В МИРЕ ГЕНИЯ».**

24 Олег ШЕСТИНСКИЙ. «КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ».

**29 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Роман Артура КОНАН ДОЙЛА «ДОЛИНА СТРАХА».**

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

XXVII съезд КПСС требует от нас...

K

артинка из прошлого: по улицам старой Риги спешат бравые посыльные. Они деловиты и элегантны, из толпы их выделяют фуражки с красными, желтыми, синими окольшами. Именно с артели посыльных началась девяносто лет назад рижская служба быта. Без «красно-желто-синих» не обходились ни свадьбы, ни дни рождения. Вручить подарок, сделать срочную покупку, отправить заказную почту — везде рижан выручали улыбающиеся, проворные артельщики. Более десятка видов услуг оказывали они.

Сегодня фирма «Ригас экспрессис» — правнучка той досточтимой артели — выполняет услуги 128 наименований. Назовем хотя бы некоторые: ремонт и изготовление мебели, переплет журналов и книг, реставрация зеркал, уход за детьми и престарелыми, репетиторство, музыкальные занятия, оформление интерьера квартиры...

Если взглянуться в родословную фир-

прибегает к ее услугам, более половины свободного времени. Заместитель директора института профессор И. Т. Левыкин справедливо заметил, что проблемы сервиса стали проблемами социально-экономическими.

— Нужно стимулировать обслуживание человека, а не бумажную отчетность, — подчеркнул он. — Разве не показателен факт, что лишь 11 процентов населения страны обращаются к помощи службы быта.

На бытовые заботы население страны ежегодно тратит более ста миллиардов человеко-часов, что эквивалентно фонду рабочего времени свыше сорока миллионов человек, занятых в народном хозяйстве. Снизить эти затраты хотя бы на несколько процентов — значит улучшить баланс трудовых ресурсов, сэкономить людям время для полноценного, творческого отдыха. Именно этим, а не только рублем должны мы определять социально-экономическую эффективность сферы услуг. Но зачастую получается так: предприятия службы быта

**СТО
ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ВИДОВ
САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ
УСЛУГ ОКАЗЫВАЕТ
СЕГОДНЯ ФИРМА
«РИГАС
ЭКСПРЕСИС».**

**столярно-
слесарная
мастерс
„УМЕЛЬЕ“**

мы, можно увидеть, как артель преобразовалась в комбинат, комбинат — в объединение. Фуражки с окольшами сменились чинными котелками, ручные тележки — автомобилями. Неизменным оставалось лишь слово «экспрессис» в названии фирмы. «Экспрессис» — значит быстро, четко, без задержек. И вчера, и сегодня это здесь — ведущий принцип работы. Генеральный директор фирмы Юрий Иванович Шаршапин определил суть бытовых служб категорично, но точно: «Мы — неотложная помощь!»

Увы, принципа этого придерживаются далеко не все работники сервиса. По данным Института социологических исследований Академии наук СССР, сегодня служба быта отнимает у тех, кто

«ЭКСПРЕСИС» —

НОВАЯ РУБРИКА

Адрес
интересного
опыта

кая
руки..

вообще не имеют заказов индивидуальных клиентов, а план — в ажуре.

У бытовых служб три функции: выполнение индивидуальных заказов населения, обслуживание предприятий, организаций и учреждений, выпуск изделий серийного производства — ширпотреба. И понятно, что обслуживать индивидуального клиента, того самого, который стоит в очереди, требует выполнения заказа в срок и качественно, а то и жалобой пригрозит,— дело, с точки зрения работников сервиса, хлопотное и невыгодное. Куда проще отстирать в машинах тысячи комплектов спецодежды, пошить матерчатые сумки, оттиснув на них портреты Пугачевой и Боярского. Вот они, «живые» рубли — план, премии...

«Хитрость», что называется, на виду: услуги, оказываемые организациям, в отчетах непонятным образом становятся «выполнением индивидуальных заказов». Отсюда и «процент охвата населения» и все тот же «вал». Даже в условиях экономического эксперимента главным оценочным показателем по-прежнему остается общий объем реализации. Поэтому индивидуальные заказы даже сейчас не стали для сервиса основной заботой.

Спору нет, нужно стирать белье больницам и детсадам, и токарей нужно

облачать в чистые, гладкие спецовки, но и о «самотеке» (так окрестили бытовики нас, неорганизованных заказчиков) забывать не стоит...

На этом фоне опыт «Ригас экспрессис» приобретает особую значимость — рижане не ищут путей обманчиво легких, их внимание, забота сфокусированы на индивидуальном обслуживании. Больше того, они заинтересованы в заказчике требовательном, пристрастном.

— Здесь срабатывает обратная связь, — пояснил Юрий Шаршапин. — Требования заказчика стимулируют работу фирмы. Спрос рождает предложение... Переключись мы на обслуживание организаций, нам достаточно было бы 6—7 видов услуг, чтобы ходить в передовиках. Работа же с индивидуальным заказчиком требует изобретательности, фантазии. Мы стараемся удовлетворить самые придиличные вкусы.

В том, что слова эти соответствуют истине, каждый из индивидуальных заказчиков может удостовериться сам.

Валерий ГУРИНОВИЧ.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

значит быстро

...Стучат молотки, гудят «циркуляры», заглушая дробь сверлильного станка и тонкое пение дрелей. «Сделай сам!» — девиз этой мастерской.

Каждый вечер Олег Урбан приходит сюда, в полуподвал, надевает синий, пригнанный по фигуре халат, над левым кармашком которого пришита голубая эмблема «Ригас экспрессис». Он инструктор мастерской «Умелые руки». Должность свою называет коротко: «рукодел». И в самом деле, кто он — столяр, слесарь, механик, стекольщик, обивщик? Считая свою специальности, Олег сбился, махнул рукой.

— Рукодел, одним словом. Я и в службу быта пришел потому, что здесь можно еще многому научиться. Например, зеркала реставрировать. Этого еще не пробовал.

Александр Фросов — завсегдатай «Умелых рук»:

— Я здесь смастерил и книжные полки для дома, и кухонную мебель. Выгодно ли? Подсчитайте: в магазине кухонный шкаф стоит пятьдесят рублей, да еще набегаешься за ним. Мне он обошелся в двадцать два. Сделал я его за три вечера...

В кабинете министра бытового обслуживания Латвии Я. Д. Томове-Бекис лопасти вентилятора слились в серебряный круг. Я просил министра удалить мне полчаса, но прошло уже полтора, а тема не исчерпана. Да и как исчерпать ее, ведь говорим о наболевшем.

— Мы должны брать на себя как можно больше бытовых забот населения, не отмахиваясь от «копеечных» услуг. Зачастую мелкий, невыгодный на первый взгляд заказ оборачивается для бытовиков крупной выгодой — привлекаем клиентуру, повышается престиж службы, она становится у населения популярной, к нам идет работать молодежь. Проще говоря, мы развиваемся...

Назначение Шаршапина главным инженером, а затем (спустя всего год!) генеральным директором «Ригас экспрессис» удивило многих. Во-первых, молод, во-вторых, из другой «системы», в-третьих, «на руководстве» не работал.

— Трудно пришло?

Юрий не спешит с ответом.

— Я ведь по специальности инженер. Работал в КБ. Спокойно, гладко, всех знаю, меня — соответственно. Зарплата, прогрессивка регулярно. И вдруг — такое предложение! Мы как привыкли думать: в бытовку идут неудачники. Помозговал, и, знаете, зло взяло: жаловаться на сервис все мастера, а кто делать будет?

Начинал он не с «выбивания» фондов, техники, оборудования, то есть не с просьб. Решил прежде всего разобраться в собственном хозяйстве, навести порядок. Мастерские, приемные пункты, фирмы разбросаны по всему городу. Он обходил их, беседовал с людьми, записывал мнения, претензии, пожелания в общую тетрадь, слушал и... ничего не обещал. Он не стал пресловутой «новой метлой», но людям, привыкшим к личным деньгам, к халтурке, работать с Шаршапиным оказалось неуютно. Уходили, ворча: мол, за голый тариф и курица не несется.

Став генеральным, Юрий Иванович пригласил на должность главного инженера недавнего коллегу по КБ Валерия Кудряшова. После работы они запирались в кабинете и... учились. Инженеры, ценившие точность, расчет, они понимали: необходимо до тонкости узнать новое дело — финансовые, экономические, технологические взаимосвязи, — чтобы дать ему ход, чтобы провернувшись в этом механизме слегка про-ржавевшие шестерни.

— Было все, — вспоминает Кудряшов. — И «голый тариф», и организация новых мастерских, где сам устанавливал и отлаживал оборудование, и «на ковер» не раз вызывали... Но, знаете, оставалось самое главное — ощущение своей нужности. Чувствовал — это только я могу сделать...

Сделали. Пошел план. Средний заработок в фирме (без всяких «левых»)

вырос до 270 рублей. И почти наполовину омолодилась «Ригас экспрессис». Сюда шли ребята с заводов, из проектных институтов, из профтехучилищ, со строек и даже из... филармонии. Фирме требовались столяры и слесари, электрики и переплетчики, зеркальщики и музыканты, художники и токари, стекольщики и педагоги.

Десятиклассница Валя Самлюкова рассказывает:

— У нас в классе многие ищут репетиторов. Даже отличники. Поступить в институт со знанием только школьной программы, особенно по физике, математике, нереально, а найти хорошего репетитора проблема. Да и цены... И вдруг узнаю, что в «Ригас экспрессис» есть! Сначала не поверила, думаю, так... двоечников подтягивают. Но пришла и вот уже четвертый месяц занимаюсь с Надеждой Васильевной Рябининой. Сейчас решают задачи за первый курс мехмата. Видите, как все просто...

Просто ли? Сколько городов облезли по своим журналистским делам, сколько противоречивых суждений слышал о частном репетиторстве, и сам не раз писал об этом, ища альтернативу, а оказалось, вот она, в «Ригас экспрессис». Служба быта взялась за дело, до которого никак не доходят руки у Министерства просвещения.

— Одно обидно: почему нам не идет педагогический стаж? Разве мы не обучаем ребят?

Разделяю недоумение Надежды Васильевны. И вообще что касается «недоумений» — их хватает. К примеру: еще мало знают в городе о возможностях фирм, плохо налажена реклама. Промышленные предприятия продолжают вывозить на свалку отходы, столь необходимые мастерским «Ригас экспрессис». Руководству фирмы приходится ходить по кабинетам, доказывая важность, казалось бы, заведомо выгодного начинания, — так было с репетиторством, с внедрением аэробики. На очереди — коллективное садоводство и огородничество, фирма и здесь готова предложить свою помощь...

Разные предприятия службы быта доводились мне видеть. И огромные, сверкающие стеклом, нержавеющей, под стать министерским апартаменты, и скромные приемные пункты в дальних лесных поселках. За внешним размахом порой скрывалась показуха, а в неказистых с виду сельских домах быта радовалась душа спорой, умелой работе и людской доброжелательности.

«Ригас экспрессис» не сравнился с такими мощными фирмами, как киевская «Светанок», ленинградская «Невские зори», московская «Заря». Да и нужно ли сравнивать?

Учитывая опыт коллег, рижане все же идут по иному пути: чем больше оказано услуг, тем больше выручка, а стало быть, крепче экономический фундамент фирмы.

Перестройка, ускорение — понятия, в полной мере применимые к развитию службы быта, требуют не только определенных материальных средств, не только инициативы, знаний, но, я бы сказал, гражданской, нравственной зрелости. И смелости.

И тут к месту будут слова молодого рижского столяра Владимира Селиванова:

— По подсказке жить и работать проще, но... скучно.

Если считать с почесовиками и совместителями, в «Ригас экспрессис» трудятся более пятисот человек. Каждый третий — комсомолец. «Это, можно сказать, комсомольско-молодежный коллектива», — заметил в разговоре министр Я. Д. Томове-Бекис.

А почему бы, подумалось мне, и действительно предприятию высокой культуры не стать комсомольско-молодежной фирмой? Первой в Министерстве республики.

Но, как говорится, не будем загадывать. «Шестерни» провернулись, обороты наращиваются...

ФАЗИЛЬ
ИСКАНДЕР

ТРОЕ ВСИХ WAKING

РАССКАЗ

M

ы вчетвером сидели на стволе поваленного бука и курили в ожидании машины. Здесь, на лесной поляне, образованной вырубками, стоял сильный запах свежей древесины. Справа, в конце поляны, виднелось деревянное строение, в котором помещались конторка лесорубов и ларек. Сейчас и то и другое было закрыто.

Возле конторки высился сложенные друг на друга розовые свежеошкуренные бревна. Такие же глыбистые, громадные обрубки были разбросаны по всей поляне. Их сюда приволакивают из леса на тракторах, а уж отсюда везут на машинах вниз, в город.

Два тяжелых грузовика, уже нагруженные, стояли у конторки. Оба шофера вместе с местными сванами ушли домой к одному из них. Шофера, бывшие местные сваны, теперь живут в городе, и земляки ждут не дождутся встречи с ними.

Их мы сейчас и поджидали, сидя на стволе поваленного бука. Вместе со мной на стволе сидели Котик Шларба, преподаватель сельскохозяйственного института, художник Андрей Таркилов и его друг из Москвы Володя, тоже художник.

Неделю мы провели на альпийских лугах, а сейчас возвращались в город. Вернее, ребята ехали в город, а я собирался спуститься до нарезанного источника.

Сюда, к пастухам, нас пригласил родственник Андрея, заведующий колхозной фермой. Хотя самого заведующего к нашему приезду на месте не оказалось, мы чудесно провели время, может быть, именно потому, что его не оказалось на месте.

Представляю моих спутников в самых скжатых чертах.

Насколько хорошо Котик, лучше, чем раньше, стало чувствоватьсь теперь, когда он стал несколько хуже. А хуже он стал с прошлого года, когда его сделали заведующим кафедрой у себя в институте. С тех пор он стал как-то осторожней, потерял часть своей непосредственности, точнее, установил за собой непосредственностью строгий контроль. И все-таки он и сейчас парень хоть куда, а разойдется, так и вовсе забываешь, что у себя в институте он заведует кафедрой, одновременно заседая или даже восседая на ней.

По-моему, если человек от природы весел, неглуп, доброжелателен, то его не так-то просто сбить с толку какой-то кафедрой.

Что сказать об Андрее? Достаточно посмотреть на его картины, когда ему удается их выставить, как сразу же видишь, что талант в нем столько, сколько молока в вымени хорошей коровы.

Бойцовский темперамент в его характере сочетается с ужасающей застенчивостью, которую он неизвестно где подцепил. Впрочем, я догадываюсь, откуда это в нем, но скучно было бы выяснять и разъяснять. В боксе таких ребят во время спаринговых боев тренеру не приходится горячить, тем более на ринге.

Надо сказать, что застенчивость его иногда оборачивается невероятной агрессивностью. Обычно он взрывается на проявление хамства.

В последнее время у него был довольно мрачный вид, но здесь, в горах, он сумел сбросить свои заботы и заметно повеселел. Мрачное состояние было вызвано реакцией на его картину, выставленную этой весной в художественном салоне.

Это довольно большое полотно изображало трех мужчин в синих макинтошах, стоящих у моря. В дальней перспективе виднелся призрачный мыс с призрачными, естественно, от большого расстояния, контурами новостроек.

Впечатление от картины двойное, троилось и самой своей множественностью как бы издавалось над зрителем, внушило ему мысль, что всякое его единственное решение будет неверным и потому глупым. В крайнем случае глуповатым.

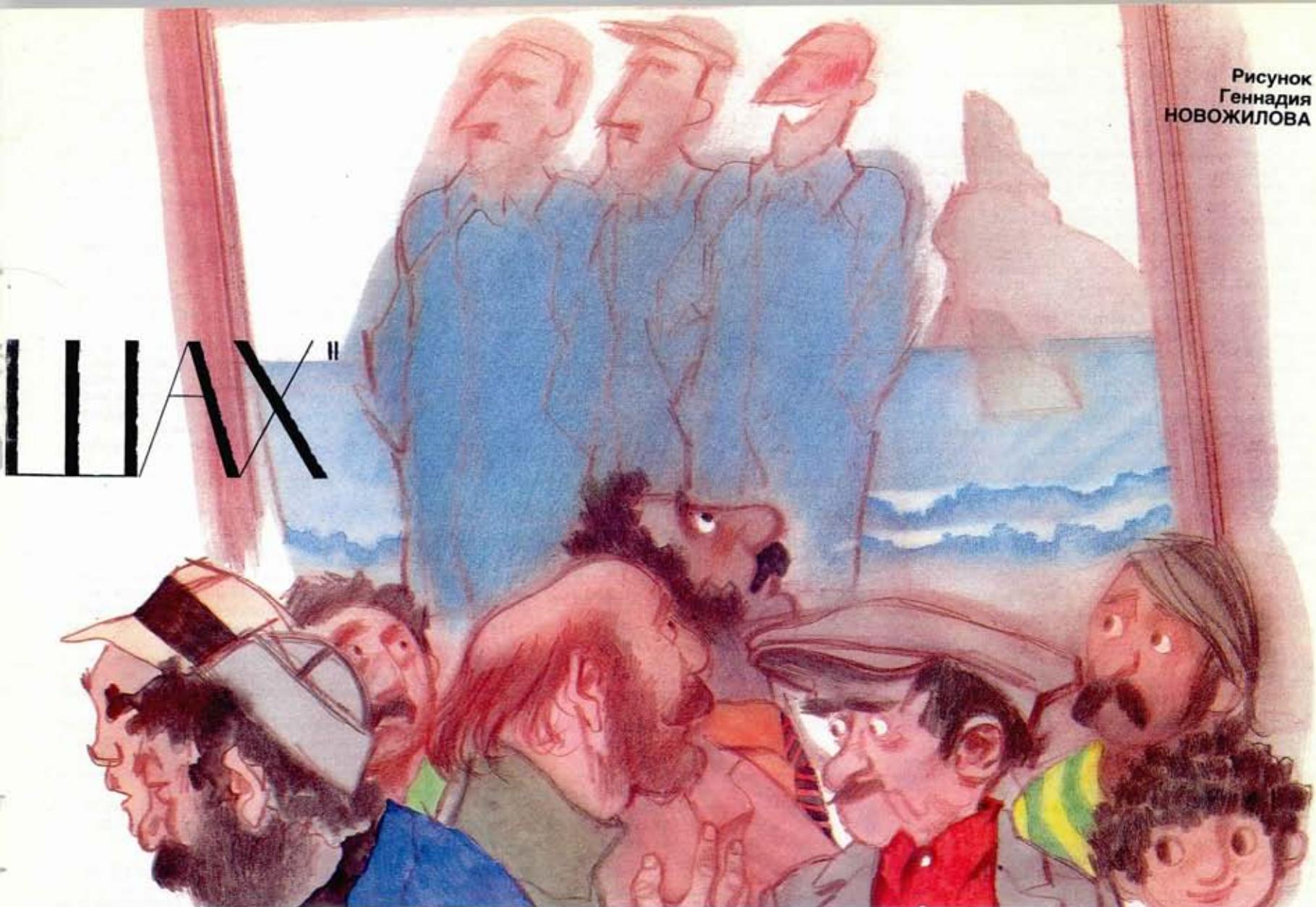
А множественное решение обещает быть умным? Судя по всему, художник и такого обещания никому не давал.

Одним словом, в картине была (на мой взгляд, конечно) какая-то тайна, смягченная или, наоборот, осмеянная иронией художника. Так, у одного из троих из-под длинной штанины виднелась часть каблука, слегка напоминающая копыто, но опять же оставалось неясным, то ли дьявола, то ли осла. Возможно, одновременно и то, и другое, то есть каблук напоминал дьяволистое копыто осла или ослеющее копыто дьявола.

У другого, хотя каблук и не напоминал копыта, но вся нога, по-лошадиному расслабленная (имеется в виду поза задней ноги отдыхающей лошади), так вот вся нога грозила в случае необходимости немедленно окопытиться.

У третьего, наоборот, вытянутые ноги кончались фотографически точно изображены желтыми туфлями с бантами шнурков, посеребривающимися металлическими наконечниками. Ноги были вытянуты и симметрично раздвинуты носками врозь. В самой позе и в выражении лиц этих двоих была та солидность, то спокойное ожидание исхода, какое бывает у людей, стоящих на эскалаторе. В данном случае можно было предположить, что это был эскалатор эволюции видов, только движущийся в обратном направлении.

Но почему же ноги этого третьего с их великолепными желтыми туфлями казались гораздо хуже? Первый раз с мурашками, пробежавшими по спине, я догадался, что дело в неестественно маленьком размере этих самых туфель. Могут ли ноги карлика удержать это взрослое туловище? И вместе с этим вопросом догадка и мурашки по спине. Постой! Да не мертвец ли это, поставленный на попа?

Тогда почему у него такое улыбающееся, жизнерадостное лицо? Господи, да не обменялись ли эти трое головами?

Картина называлась «Трое в синих макинтошах». На все вопросы Андрей морщился по своей привычке или отвечал, что ничего, кроме эффекта перехода цвета темно-синих макинтошей в синь гладко выбритых щек, его в этой вещи не интересовало.

Картина наделала много шума, и в конце концов ее сняли до закрытия выставки. Впрочем, в нашем городе ее все успели посмотреть. В книге отзывов о ней писали больше, чем обо всех остальных картинах, вместе взятых, хотя и среди остальных было несколько хороших полотен.

Большинство отзывов склонялось к тому, что на картине изображены три бюрократа. Честно говоря, я сам склоняюсь так думать, но сказать ему об этом я не решился, поскольку знал, что он может обидеться на такую прямолинейность.

Некоторые отзывы, на мой взгляд, наиболее забавные, я тогда же переписал в блокнот. Вот они.

«Три макинтоша» — Здорово! Здорово! Здорово! (Следовали три подписи, из чего я заключил, что трое друзей по одному разу выклинули свою оценку.)

«Так держать!» (Приказывал некий сухопутный капитан, но расписался как-то уж слишком неразборчиво. Меня этот сухопутный капитан почему-то всегда раздражал больше всех остальных.)

«Картина хорошая, но почему трое именно в синих макинтошах?» (Страстно допытывалась какая-то женщина.)

Иные писали просто черт-те что. Так, например, выступил представитель народного контроля, вызвавший своим отзывом целый каскад разных реплик. Он писал: «Если художник имеет в виду заведующих промтоварными складами № 1, № 2, № 3, то дело не в том, что они щегляют в синих макинтошах, хотя это метко подмечено, а дело в том, что они отпускают налево дефицитные товары, вплоть до «джерси». И не надо было им головы маскировать путем обмена. От перестановки слагаемых, как говорится в народе, сумма не меняется».

«Позор товароведу Цурцумия!!!» — бросил кто-то гневную, но совершенно непонятную реплику. Можно было догадаться, что она написана под влиянием предыдущей записи, но, как впоследствии выяснилось, дело было сложней.

А вот запись молодого представителя рабочего класса. «Хорошая картина и правильная. Пока некоторые в синих макинтошах прохлаждаются возле моря, страйк стоит и будет стоять. Я сразу узнал очертания Оранжевого мыса и начальника нашего СМУ. Он тот, который в сердце, только художник ему другую голову придал. И это мудро. У гидры бюрократизма отруби одну голову — вырастет другая...»

И подпись, и адрес были выведены с polemической отчетливостью.

А вот еще один, последний отрывок из последней записи. «...Я впервые на периферийной выставке и удивлен. Во-первых, почему каждый пишет что хочет, товарищи? Ведь этим могут воспользоваться те, которые разъезжают под видом туристов? Почему сами не догадались, почему все надо подсказывать, товарищи? Ведь я здесь отдыхаю случайно, хотя, разумеется, не случайно в санатории министерства тяжелой промышленности. В Москве, например, сейчас на выставках...» Дальше шло описание того, как, по его мнению, теперь устраивают выставки в Москве, но об этом потом. Товарищ из тяжелой промышленности не только отчетливо подписывался, но и указал номер комнаты в санатории, где он жил, что могло быть понято как приглашение для более подробной консультации.

Должен сказать, что до этой цитаты шел довольно резкий отзыв о самой картине. Думаю, все это повлияло на то, что случилось позже.

Так или иначе, в один прекрасный день в нашей газете прошел слух, что картина Таркилова кому-то наверху не понравилась, что редактор кому-то уже заказал статью по этому поводу и она появится в газете, как только уедет из Оранжевого мыса один молодой принц из еще более молодого африканского государства.

Сначала никто не понимал, какая тут может быть связь между молодым принцем, отдыхающим на Оранжевом мысе, и нашей выставкой, но потом редактор наш, Автандил Автандилович, нам все объяснил.

Оказывается, принц еще не окончательно выбрал между нашим и американским путем развития своего несовершеннолетнего государства. Иногда он у нас отдыхает, иногда на Флориде.

Это во-первых. А во-вторых, имелись сведения, что он коллекционирует картины. И хотя точно никто не знал, какого характера работы он выбирает для своих коллекций, было подозрение, что он из молодых, да ранний.

Конечно, было маловероятно, что принц, просыпаясь по утрам, первым делом хватается за нашу местную газету, но все-таки рисковать не стоило, тем более, что через неделю он собирался уезжать к себе домой...

Я понял, что со статьей, конечно, могут и подождать, но картину с выставки обязательно снимут, тем более что принц ее еще не посещал.

Как раз в это время ко мне приехал приятель из Москвы, и я решил воспользоваться этим случаем, еще раз зайти на выставку. Сам Андрей был в деревне и писал свою сборщицу чая. Предупреждать его о надвигающейся грозе было бесполезно. Он кончал картину и в таких случаях говорил, что только смерть кого-нибудь из близких может быть достаточным поводом для остановки в работе. Я знал, что это не пустые слова.

Как только мы с приятелем вошли в выставочный зал, я сразу же почувствовал тревогу, но почему-то не придал ей значения. Еще пересекая зал, я протянул руку в сторону невидимой за колонной картины и сказал что-то вроде того, что и мы не лыком шить.

Но, увы, картины на месте не оказалось. Я мельком оглядел весь зал, но ее нигде не было. Теперь я понял причину своей тревоги. За месяц пребывания картины на выставке я привык, что возле нее все время происходило небольшое бурление толпы. В какой-то мере она была как камень, брошенный (конечно, несознательно) поперек спокойного течения выставки. И хотя течение не остановилось, да он и не пытался его остановить, но вокруг картины все время журчал живой бурунчик, слышный во всех концах зала выставки.

Сейчас все было тихо. Это-то и вызвало во мне тревогу, но поразило меня не это. На месте картины Андрея висела совсем другая картина, совсем другого художника, правда, примерно такого же размера. Эта была одна из бесконечных иллюстраций к великой поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Картина изображала трех витязей — Автандила, Таризла и Фридона, с маршальской деловитостью обсуждающих способы взятия крепости Каджиэти, которая призрачно, подобно контурам новостроек на картине Андрея, высилась на заднем плане.

И хотя в отличие от синих макинтошей рыцари стояли вплотную к зрителям, а Таризл и вовсе спиной, чувствовалось какое-то дикарское шарлатанство в том, что на месте картины Андрея Таркилова поместили именно эту. Расчет был ясен: если кто-то что-то слышал о «Троих в синих макинтошах», то теперь, увидев трех

виязей, решит, что он чего-то недосыпал или недопонял. Одним словом, получалось, что бюрократов не держим и не собирались держать, а виязей — почему же, виязей, пожалуйста!

Я подошел к администратору, который сидел у дверей за маленьким столиком, презрительно положив на него локти. Всем своим видом он показывал, что оскорблен размером столика и не считает нужным скрывать этого.

Я спросил у него, куда делась картина Андрея Таркилова. Он посмотрел на меня все еще обиженными глазами и с неслыханным нахальством сказал, что не знает такой картины.

Я решил не сдаваться и потребовал книгу отзывов, чтобы доказать ему, что он врет, хотя он и сам прекрасно знал об этом. Он мне ответил, что книга отзывов заполнена и потому ее убрали. Тогда я спросил, где новая, если старая заполнена. Он вытянул руку и молча показал на фанерный ящик, стоявший справа от столика.

Оказывается, отзывы отныне будут бросаться в этот ящик. На столике лежала стопка бумаги и карандаш.

— Во всех крупнейших городах теперь так делают, — сказал он. Как выяснилось позже, негодяй оказался прав. Не знаю, во всех ли, но в одном из крупнейших я это видел своими глазами. Ради справедливости надо сказать, что потом опять появились книги отзывов. Возможно, это был разумный компромисс за счет более продуманного выбора картин для выставок.

Но тогда я этого не знал и принял спорить с администратором. Ставясь друг друга запугивать своей близостью к истине, что почему-то одновременно подразумевало и близость к начальству, мы уже покрикивали друг на друга.

На шум из пристройки внутри зала, загримированной под капитанский мостик, спустился к нам директор салона Вахтанг Бочуа. С некоторых пор он был переброшен на эту работу, хотя и чтение лекций отнюдь не забрасывал.

— Читаю на все прежние темы, минус лекции о козлопутре, плюс лекции об искусстве, — говорил он всем, кто ошибочно полагал, что теперь он забросил лекторскую работу.

В своем неизменном белоснежном костюме он приближался, веселясь на ходу и мягко ступая, как бы боясь вспугнуть скандал.

— О чём шумите? — спросил он, пожав мне руку бодрящим рукопожатием. Узнав, о чём мы шумим, он сказал, что картина снята с выставки по приказу... Он посмотрел на потолок, как бы ища в нем отверстие, сквозь которое картина была вытянута.

Я посмотрел на администратора, но тот никак не смущался. Широко расставив локти на своем узком столике, он снова замкнулся в личную скорбь.

— Если местные ребята будут спрашивать, — пояснил Вахтанг, кивнув в мою сторону, — не говори, что её не было, говори, что художник сам снял на доработку... Это его право... А соблюдать права художника... — пробубнил он и, внезапно наклонившись к ящику, заглянул в его щель, словно знакомясь с общим состоянием отзывов, даже как бы с их поведением в ящике.

И была в его позе чувственная динамика. Возможно, именно так начальник стражи султанского гарема заглядывает во внутренние покои пленительных, но коварных жен своего владыки.

— ...А соблюдать права художника, — уже бормотал он, понизив голос (чтоб не слышали во внутренних покоях), — это наша повседневная обязанность...

Он выпрямился, посмотрел на меня с выражением скромной важности, перевел взгляд на администратора, как бы кивнув ему слегка в том смысле, что надо мечтать, что его мечта о более обширной поверхности стола замечена там, где надо, и уже обрастила деревянной плотью. После этого он молча удалился. Подымаясь по лесенке к своему капитанскому мостику, он еще раз посмотрел на меня, но теперь не только со скромной важностью, но и с мягким упреком, мол, вот не шумим, не кричим, а искусство поощряем, хотя это не так просто, как может показаться некоторым со стороны.

Неделей позже, когда мы с Андреем стояли на одной из наших главных улиц, неожиданно возле нас, вернее, проехав мимо метров десять, остановилась черная «Волга», и человек, сидевший рядом с шофером, поманил нас пальцем. Кстати говоря, Андрей, уже, разумеется, зная о том, что картина снята с выставки, и о том, что вокруг нее идет какая-то негласная возня, пытался встретиться с этим человеком, но встретиться никак не удавалось, а тут он вдруг сам поманил его пальцем. Значит, подумал я, можно надеяться на легкую взбучку без серьезных последствий.

Это был довольно крупный начальник, разумеется, в масштабах нашего края. Среди прочих дел он по должностям и по собственному желанию присматривал за людьми искусства, считая себя знатоком и покровителем муз, что в какой-то мере соответствовало действительности.

У него была странная и в то же время замечательная привычка. Бывало, распечатает как следует того или иного художника за излишний натурализм или, наоборот, за склонность к абстракциям или еще за что-нибудь, а там пригласит этого же художника завтракать или обедать, а то и ужинать, что было особенно заманчиво, потому что тут он не спешил, а рестораторы, зная его в лицо, старались вовсю.

Художниками даже было замечено, что чем сильней он ругает, тем лучше угощения следуют потом. Скажем прямо, некоторые этим пользовались, хотя дело это было рискованное, потому что иной раз отругать отругают, а угостить забудут.

А однажды был такой случай. Один художник, такой серенький реалистик, которого обычно и хвалить рука не подымалась, и ругать было не за что, вдруг решил отличиться.

Вернее, года за два до этого он написал для того времени знаменитую картину «Козлопут на сванской башне». На ней был изображен козлопут, стоящий верхом на сванской башне с приподнятой передней ногой: не то собирается шагнуть, не то собирается проткнуть башню копытом, чтобы доказать, что она прогнила.

Картина была неоднократно хвалима нашей газетой, помнится один абзац, где обращалось внимание на решительно приподнятую ногу козлопута, топчущую сванскую башню как символ вражды народов.

Позже картина была куплена новооткрытым рестораном «Водопой Козлопута» и привисела там вплоть до критики козлопутизации сельского хозяйства, после чего была убрана из ресторана и обругана в печати, между прочим, за ту же сванскую башню, вернее, за ее неправильную трактовку. Оказывается, она никак не символ вражды народов, а, наоборот, символ сопротивления мужественного народа иноземным захватчикам.

Помнится, тогда он приходил к нам в редакцию и жаловался, что вообще сванской башне никакого международного символа не придавал, а просто поместил козлопута верхом на старой крепости, чтобы показать победу нового над старым.

На это ему в редакции нашей ответили, почему же он протестует теперь, когда его ругают за сванскую башню, а когда хвалили за нее, он не протестовал.

— Кто же протестует, когда хвалят? — спросил он, но вопрос его остался без ответа, и о художнике забыли.

Другие о нем забыли, но сам он о себе, оказывается, не забывал. Теперь он решил прославиться совсем по-другому и показал на очередной выставке несколько

странных, в духе абстракции, полотен и даже сам все время стоял возле них с выражением заносчивой скромности.

Художники быстро раскусили этот его жалкий маневр, рассчитанный на внимание Абесоломона Нартовича. (Так и быть, раскрываю его имя, выдуманное, конечно.) Раскусили, значит, и в своей среде высмеяли его лжеабстракции.

Сам же Абесоломон Нартович во время посещения выставки по многолетней привычке прошел мимо его картин, не глядя, да и художники окружали его шумным роем. Но потом уже, когда он осмотрел всю выставку, кто-то ему калнул о проделке этого товарища. Абесоломон Нартович был сильно раздосадован и уже выругал его за лицемерие, а не за художественные ошибки, что не давало повода для гастрономического развития темы.

Обычно, войдя в выставочный зал, он останавливался в дверях и, бросив общий взгляд на выставку, с улыбкой говорил:

— Край у нас солнечный, художников много...

При этом лицо его и большая вальяжная фигура струили солнечную доброжелательность. Он как бы говорил: вот видите, я к вам пришел с хорошим настроением, а дальние зависят от вас...

Начинался осмотр. Обходя картины в окружении художников, он сначала смотрел на картину, потом на автора, стараясь по выражению его лица определить, как сам он относится к своей картине. Разумеется, не в художественном отношении, а исключительно в идеином плане. То есть не передерзил ли, если картина носит на себе сатирический оттенок, не увлекся ли вредными новациями или чужими, вредоносными идеями, впрочем, смехотворными в своей ничтожности.

У Абесоломона Нартовича были три формулы, определяющие степень критического отношения к работе художника.

По первой получалось, что картина интересная, но льет воду не совсем на ту мельницу.

По второй получалось, что картина не лишена любопытства, но льет воду совсем не на ту мельницу.

По третьей получалось... даже страшно сказать, что получалось. Во всяком случае, тут ни о какой даже враждебной мельнице не могло быть и речи.

Чаще всего гастрономическое развитие темы давала первая формула. Вторая в принципе тоже не исключала, ну, а третья не только не давала гастрономического развития, но могла стать началом развития в совершенно противоположном направлении. Единственным достоинством третьей формулы было то, что она в последние годы довольно редко употреблялась.

И вот, бывало, Абесоломон Нартович смотрит на картину внимательно, с прищуром, потом так же внимательно, но без всякого прищуря, на самого художника. И так несколько раз туда и обратно, обратно и туда, и все делается ясно.

Художники договорились никак не подначивать Абесоломона Нартовича, не предварять его мнения, чтобы глас судьбы проявлялся в чистом виде. Но уже после того, как Абесоломон Нартович высказался, можно было его поддерживать или даже возражать, но, разумеется, до определенного предела. Но так как предела точно никто не знал, обычно возражали не доходя.

И если Абесоломон Нартович говорил про картину, что задумана она так-то, но объективно получается, что она льет воду не совсем на ту мельницу, то возражающий обычно говорил:

— Да ведь это, Абесоломон Нартович, с какой стороны взглянуть...

— А ты смотри с нашей стороны, смотри с точки зрения сегодняшних интересов...

Молодые художники особенно пользовались слабостью Абесоломона Нартовича, да и старые, случалось, грешили. Что скрывать, иногда художники, чтобы пообещать в роскошном обществе покровителя муз, нарочно имитировали душевные сомнения, опускали глаза, когда он на них глядел, тяжело вздыхали, когда он, сначала прищурив взор (как бы подготовив инструмент), направлял его на картину.

— Да, брат, ты что-то не туда... — начинал Абесоломон Нартович и если затруднялся ухватить начало критической мысли, то, бывало, художник и сам подсказывал что-нибудь вроде того, что:

— Да вот, Абесоломон Нартович, с Сальвадором, понимаете, Дали пытались полемизировать, да, видно, увлекся...

— Вижу, вижу, — доброжелательно соглашался Абесоломон Нартович, — и это хорошо, мы за полемику... Но трибуну зачем ты ему предоставил?

— Да понимаете, — мнется художник, — пытаются спародировать его метод...

— Опять двадцать пять! — удивляется Абесоломон Нартович. — Пародией себе на здоровье, но трибуну зачем предоставлять? Смотри, что он там делает?

Тут художник подымает глаза, словно заново узнавая свою картину, словно даже заметил, что из-за картины, как из-за трибуны, бесенком высовываясь, неистовствует Сальвадор Дали.

— Ты думаешь, — продолжает Абесоломон Нартович, — ты его высмеял? А ему только и надо было, что трибуну получить... Вот он и кричит сейчас на всю выставку с твоей картиной. А попробуй ты с его картины покричи? Черта с два он тебя туда пустит!

В таких случаях можно было незаметно пристроиться к заблудшему художнику, подхватив ту или иную реплику, чтобы дать растечься критической мысли Абесоломона Нартовича, обхватив руками ваш островок бесплодных заблуждений.

— Ладно, пошли обедать, там поговорим, — наконец бросает Абесоломон Нартович заветную фразу, а иногда добавляет, мельком взглянув на второго оппонента, — ты тоже...

Разумеется, не всегда получалось так гладко. Иногда Абесоломон Нартович долго переводил взгляд свой с картины на художника, и весь его облик выражал мучительное недоумение. Дело в том, что в таких случаях картина ему нравилась, что не соответствовало виноватому, подавленному виду художника. Не в силах соединить эти два взаимоисключающих впечатления, он искал выхода, переводя взгляд с художника на картину. И замечательно в этом случае, что если уж у него возникало хорошее впечатление от картины, то он его упорно отстаивал, несмотря на подозрительный вид художника.

— А по-моему, неплохо, — говорил он вполголоса и смотрел на художника, стараясь взбодрить его или понять, чем он подавлен. Художник виновато молчал или робко пожимал плечами.

Абесоломон Нартович снова бросал на картину энергичный взгляд, стараясь прорваться в ее внутреннюю сущность и найти ее тайные изъяны.

— Нет, в самом деле неплохо, — уверенно повторял Абесоломон Нартович и еще более уверенно добавлял, как бы окончательно подавив своего внутреннего критика, как бы на собственном примере показывая художнику путь от сомнений к уверенности, — просто хорошая, крепкая вещь...

Да что ты думаешь, мы против смелости? — вдруг вскрикивал он, догадываясь о причине подавленности художника.

— Не в этом дело, — молялся художник, не зная, как дальше воздействовать на критическое чутье Абесоломона Нартовича.

— Не бойся своей смелости, — радостно поучал Абесоломон Нартович, — знай, что мы всегда за хорошую смелость...

Крепко скав предплечье художника в знак поддержки хорошей смелости, он уже проходил дальше, уверенный, что восстановил внутренний мир художника.

Вот какой у нас покровитель муз Абесоломон Нартович, или просто Нартович, как его любовно за глаза называют художники. Теперь, когда вы его более или менее представляете, я продолжу свой рассказ об Андрее и его картине.

Когда черная машина, низко прошуршав, остановилась, не доезжая несколько метров до перекрестка, и Абесоломон Нартович, слегка обернувшись, поманил пальцем Андрея, я, стараясь не шевелить губами, тихо сказал:

— Чур, я с тобой.

Андрей ничего не ответил, и мы быстро пошли к машине. Абесоломон Нартович сидел, откинувшись на спинку, а его великолепная большая рука высывалась из окна машины, державно отдыхая.

Я вдруг до щемящей кислоты во рту почувствовал, как я макаю крыльышко цыпленка-табака в огненное сациви, а потом отправляю в рот остреньку цициматку да еще добрасываю туда мокрую, непременно мокрую редиску и отвечаю ему, урча:

— Да ведь это с какой стороны взглянуть, Абесоломон Нартович...

— А ты посмотри с точки зрения сегодняшних интересов,— говорит Абесоломон Нартович и, оглядывая ближайшие столики, добавляет:— Ладно, предлагаю за правильную линию...

— С удовольствием, Абесоломон Нартович, с удовольствием...

Не успела промелькнуть эта картина у меня в голове, как мы уже стояли возле машины. Абесоломон Нартович медленно повернул голову, несколько мгновений смотрел на Андрея, не поворачивая головы, мельком взглянул на меня, как бы принимая к сведению границы зараженной местности на случай, если придется объявить карантин, снова посмотрел на Андрея и медленно развел руками, выражая этим жестом свое катастрофическое недоумение.

— Клевета,— сказал он, и машина отъехала. Слегка высывавшаяся из окна рука его, продолжая высываться, опустилась как бы в державном бессилии помочь отступнику.

— И это все?— только и успел я сказать, глядя вслед уходящей машине.

— Продолжение будет в другом месте,— мрачно пояснил Андрей, а потом, взглянув на меня, нервно хохотнул:— Чур и ты!

В ближайшее время одна за другой с промежутком в два дня в «Красных субтропиках» появились две статьи, где картина называлась не иначе как «Трое в пресловутых макинтошах». Было похоже, что для ослабления ее общего вреда кто-то наложил табу на самоупоминание цвета макинтошей.

Как только картину стали ругать в печати, нашлись четыре человека, признавших свое сходство с персонажами картины и на этом основании подавших в суд жалобу за оскорбление личности. Кстати, Цурцумия в их число не входил.

Впрочем, сам он на сходство с персонажем картины никогда и не настаивал, это другие навязывали ему это сходство, а сам он вообще молчал и даже на выставку не приходил. Правда, прислал жену.

Так вот эти четверо подали жалобу и даже наняли адвоката, нашего местного парня, который обо всем нам рассказал. Интересно, что сначала один из них попросил Цурцумия принять участие в жалобе. Он пришел к нему вечером, когда Цурцумия отдыхал на веранде своего особняка. Цурцумия принять участие отказался, ссылаясь на то, что он вообще суд не переносит как зрелище.

Трое из четырех жалобщиков были жителями нашего города, а четвертый приехал из района. Он оказался директором чайной фабрики из Эндорска. Директор чайфабрики тоже не видел картины, но родственники ему о ней писали, что так, мол, и так, пока ты там сидишь на своей чайфабрике, тебя здесь искали художник. Директор сначала отмалчивался, только спросил у родственников по телефону, кто такие двое остальных на картине. Родственники ответили, что остальных не знают, и, в свою очередь, спросили, что он думает по этому поводу.

— Что-то думаю, но это не телефонный разговор,— печально ответил он родственникам и положил трубку.

А думал директор чайфабрики, что это все дело рук райкома (так он потом рассказывал адвокату), что теперь его будут постепенно снимать с работы. Так как в Эндорске художественных выставок никогда не устраивали, по-видимому, он решил, что это вроде сатирических окон, которые устраивают во многих городах. Наверное, поэтому он интересовался и двумя остальными персонажами картины, может, думал, что там изображены директора других чайных фабрик, и хотел узнать, каких именно.

Оказывается, к моменту открытия нашей выставки он уже имел шесть или семь выговоров от райкома за махинации с чаем. Эти невинные махинации заключались вот в чем. Скажем, привозят колхоз на фабрику сдавать чай первого сорта. Допустим, привезли десять тонн. Фабрика определяет, что восемь из них соответствуют первому сорту, а две проходят по второму. Колхозу спорить некогда и невыгодно (еще к чему-нибудь придерутся), а непринятый чай может быстро испортиться, тогда еще хуже. И он соглашается.

Другой колхоз, у которого недостача по первому сорту, с удовольствием и, разумеется, за соответствующую мзду перепишет эти две тонны на себя, а взамен сдаст нужное количество второго сорта. Дело это стало настолько обычным, что представители некоторых колхозов, привозящих чай, уже сами, так сказать, за собственный счет, идут на сделку. Выбракуйте, мол, столько-то тонн, говорят они, но так, чтобы и нам кое-что перепало, мы тоже люди.

Одним словом, все это, конечно, делается, но партийными органами никак не одобряется.

— Государство от этого ничего не теряет,— пытался оправдываться директор чайфабрики на одном из бюро райкома.

— Поэтому покамест предупреждаем,— вразумительно отвечали в райкоме.

И вот приехал этот директор чайфабрики жаловаться на художника, а заодно и посмотреть на картину. Но картины на выставке уже не оказалось.

С одной стороны, это его обрадовало, но с другой— разожгло любопытство. Он явился на дом к Андрею с тем, чтобы посмотреть на свое изображение и, может быть, заодно узнать, кто остальные. Андрей сказал, что он его знать не знает и никакой картины показывать не будет.

— Или жаловаться буду, или покажешь,— пригрозил он Андрею.

Андрей рассвирепел и просто вытолкнул за дверь директора чайфабрики.

— Ничего, на суде покажешь!— успел тот крикнуть.

В адвокатуре, куда он пришел напинать защитника, он познакомился с остальными тремя жалобщиками: то ли они там толкались, то ли их адвокат познакомил. Ему ничего не оставалось, как присоединиться к этим троим, они ему показали фотографии картины, правда, черно-белые, но зато довольно больших размеров. Тут же, не сходя с места, он себя узнал.

Когда же адвокат вплотную взялся за дело (наш парень, кто его не знает), он обнаружил, что обвинить художника в оскорблении своих земляков будет трудно. Оказалось, что все трое городских жителей, претендовавших на оскорбительное сходство, в сущности, претендовали на сходство с одним из трех персонажей.

Само по себе это совпадение было бы не столь важным, если бы при этом пострадавшие от сходства были бы похожи между собой, что в жизни случается, конечно. Но как назло все трое были совершенно непохожи друг на друга, и в то же время каждый из них в отдельности был похож на одного и того же персонажа.

— Надо же дойти до такого ехидства,— говорили они по этому поводу.

Адвокат предупредил своих клиентов, что защита художника обязательно воспользуется этим коварным обстоятельством.

— Как же быть?— спросили они у адвоката, раздраженные неожиданным препятствием со стороны собственной внешности. При этом, по словам адвоката, каждый из них оглядывал двух остальных, как более виноватых в случившемся.

Тут адвокат сказал, что будет лучше всего, если двое из троих откажутся от обвинения, а третий, присоединив к себе директора чайфабрики, к счастью, он был похож на второго носителя синего макинтоша, и, уговорив Цурцумия, если он похож на третьего, подать совместную жалобу в оскорблении трех самостоятельных личностей.

Никто не мог вспомнить, на кого похож Цурцумия. Этого не мог вспомнить даже тот, который ходил к нему с предложением принять участие в общей жалобе.

— Цурцумия не согласится,— сказал он,— он вообще суд не любит...

— Как не согласится?— удивился директор чайфабрики.— Заставим...

В тот же вечер все они пришли домой к Цурцумия. Тот встретил их, сидя на веранде своего особняка. Он всегда там сидел. Снова выслушав предложение о совместной жалобе, он спросил:

— Сульфидин знаете?

— Смотря какой,— удивились гости.— Сульфидин— лекарство или сын заведующего бензоколонкой, которого тоже зовут Сульфидин?

— Лекарство,— пояснил немногословный Цурцумия,— то, что некоторые организмы его не переносят, знаете?

— Знаем,— удивились гости.

— Вот так же, как некоторые организмы сульфидин, так я не переношу суд,— признался Цурцумия в болезненном свойстве своего организма.

После этого, сколько его ни уговаривали, он твердо стоял на своем. Правда, чтобы смягчить отказ, он устроил хлеб-соль и угостил товарищем по несчастью вместе с их адвокатом. Те приняли приглашение, надеясь во время застолья уговорить Цурцумия.

Но во время застолья не только не удалось уговорить Цурцумия, но и все дело кончилось полной катастрофой. Уговаривая Цурцумия, трое представителей города перешли на самих себя и стали выяснять, кому из них выступать на суде. Решили, что выступать будет тот, кто больше всех похож на модель персонажа картины. Но тут выяснилось, что каждый из них себя считает наименее похожим на модель, что привело к взаимным колкостям и даже оскорблению.

Сначала адвокату удалось спасти дело путем решительного отмежевания от всей городской группы. Он сказал, что пусть все они снимают обвинение, он будет действовать через директора чайфабрики, как самого мужественного человека. (Он-то понимал, что, сколько ни потроши кошелек директора чайфабрики, до дна никогда не допотрошился.)

— Я пойду на него один на один,— сказал директор чайфабрики и, вырвав фотографии картины, которые все еще мусолили в руках, положил их к себе в портфель.

Сказать-то он сказал, но потом ему, видимо, все это не понравилось, и он начал дуться. Дулся, дулся, а потом в конце вечера взял да и сказал, что раз так, и он не будет выступать в суде, что напрасно они его заманили к Цурцумия, хотя к Цурцумия его никто не заманивал.

В конце концов, по словам адвоката, они все пересорились и, свалив все на Цурцумия, разошлись по домам. Совершенно успокоившись, директор чайфабрики в ту же ночь уехал к себе в Эндорск, кстати, забыв возвратить, а может, и умышленно не возвратив фотографии их законным владельцам.

Так об этом рассказывал адвокат, уже успокоившись по поводу упущенного директора чайфабрики. Не знаю, говорил ли я о том, что он наш местный парень, когда-то голупым пацаном вместе с нами бегал на море, а теперь такими делами иной раз ворочает, что страшно подумать.

Последний след общественного негодования по поводу «Синих макинтошей» обнаружился на областном совещании строителей, где начальник одного СМУ сказал, что очень трудно выполнять план, когда художники вместо того, чтобы помогать строителям, высмеивают в глазах рабочих руководство, изображая его как бездельников, целыми днями шатающихся у моря в синих макинтошах.

Но тут, к счастью для Андрея, взорвался один ответственный работник и отхлестал этого строителя, указав, что картина на выставке появилась этим летом, а его строительное управление уже третий год не выполняет план.

Выступление ответственного товарища было понято как строгий намек на прекращение возни вокруг имени Андрея Таркилова. Возня была немедленно прекращена, и Андрей получил несколько хороших заказов. Впоследствии оказалось, что ответственный товарищ никакого намека не давал, а просто раскрыл истинное положение вещей, и без того, впрочем, ясное.

Тут, как говорится, у Андрея пошла карта. Через месяц со времени прекращения возни вокруг «Синих макинтошей» картину Андрея «Отдых сборщицы чая или потный день Колхида» (ее-то он и писал в деревне) московская комиссия отобрала для всесоюзной выставки.

Правда, по дороге в Москву комиссия почему-то потеряла вторую часть названия картины, но это теперь не имело никакого значения. О ней появилось несколько одобрительных отзывов в центральной печати, но это случилось позже, зимой.

Зато наша газета, только узнав, что картину Андрея берут на всесоюзную выставку, и при этом имея на руках гарантированный намек на прекращение возни вокруг «Трех макинтошей», дала о ней большой очерк.

Автандил Автандилович этим очерком хотел показать (и показал!), что умеет вовремя подхватить намек, особенно если он строгий, к тому же он на всякий случай защищал себя от возможных упреков в преследовании талантливого художника. Такое тоже бывало, хотя и редко.

Очерк писал один наш дуропляс, который ко всем этим сложным задачам Автандила Автандиловича сумел приспособить собственную линию, делая вид, что он расхваливает вредного художника, как будто можно хвалить что-то вредное.

Между прочим, нашей общественностью, чуткой к шорохам подсознания и подтекста, сразу же было замечено, что размер очерка на четверть колонки (до подвала) превосходит оба критических выступления. Кроме того, в нем упоминалось и о картине «Трое в синих макинтошах». Правда, о ней говорилось как о неудачном эксперименте, но отсвет более поздней славы как бы слегка облагородил ее. Так или иначе, она снова была названа собственным именем, а не «Пресловутыми макинтошами», как было раньше. Кроме того, возможно, тут сказалось и то обстоятельство, что теперь, в разгар лета, макинтоши, особенно синие, никто не носил. И сама тема как бы потеряла некоторую актуальность. Так или иначе, название картины было полностью и окончательно реабилитировано.

Есть в истории человечества даты, о которых сохранилась память и далекие потомки. Среди них — 12 апреля 1961 года, когда впервые в мире человек отправился в космос. Четверть века минуло с тех пор. Космонавтика за эти годы шагнула далеко вперед, но знание подвига Юрия Гагарина не меркнет. И тем важнее для нас свидетельства людей, бывших очевидцами и участниками этого события.

Л

етчик — космонавт СССР **Георгий ШОНИН**. В марте 1960 года первая группа летчиков, которую стали называть отрядом космонавтов, в основном была сформирована. В нее вошли Павел Беляев, Валерий Быковский, Борис Волынов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов, Евгений Хрунов и я. Кому-то из нас предстояло первым взять на себя огромную ответственность — проложить человечеству путь к звездам.

Академик Олег ГАЗЕНКО. В небольшом здании из красного кирпича на Ленинградском проспекте в Москве я познакомился с кандидатами в космонавты. Тогда еще не было ни Звездного городка, ни Центра подготовки. На одной из первых лекций я, помню, сказал, что они перестали быть летчиками и теперь являются исследователями космического пространства, а потому им надо много читать. Ну надо, так надо: ребята сели в автобус и, взяв с собой меня, поехали в магазин за книгами.

Я пытался рассказывать им что-то о космосе, о специфике космических полетов, но, вероятно, беседы эти не были слишком убедительными.

Во всяком случае, Павел Попович недавно сказал мне, что больше всего из тех встреч ему запомнилось, как они безуспешно пробовали в подражание мне, сидя на стуле, замысловато переплетать ноги. Есть у меня такая привычка. Поскольку никому это не удавалось, то будущие космонавты ужасно хохотали.

Летчик-космонавт СССР Виталий СЕВАСТЬЯНОВ. Меня представили так:

— Инженер Севастьянов будет читать вам курс механики космического полета.

Класс был маленький, и я хорошо помню, кто где сидел. И помню вопросы, что задавались на занятиях и в перерывах. Вопросы эти все время опережали читаемые разделы. Я рассказывал им о полете, а они спрашивали:

— Что за корабль?

Я рассказывал о корабле — они спрашивали:

— Какой двигатель?

Будущие космонавты задавали вопросы, на которые сегодня без труда ответит даже школьник.

Помню вот это:

— А шасси у вашего корабля будут? Наиболее активно задавали вопросы Владимир Комаров и Юрий Гагарин.

Валентина ГАГАРИНА. И вот — Москва, маленькая комната в помещении казарменного типа, почти без мебели. По утрам подъезжал автобус и увозил ребят. Мы, жены, знали лишь то, что ехали они в научные учреждения слушать лекции. Потом нас пригласил к себе генерал Каманин и кое-что рассказал о будущей профессии наших мужей.

Марина ПОПОВИЧ. Столы в комнатах заменили Т-образно сложенные чемоданы и ящики с книгами. У Хруновых в основном учебники по математике и техническим наукам. Никакой мебели не было. У нас была единственная на всю «казарму» электрическая плитка, и на ней готовили пищу сообща.

Вечером, когда мужья возвращались с работы, наш улей ожидал. В каждой семье это проявлялось по-своему. Юрий Гагарин вечерами всегда играл с дочкой Леночкой, учил ее разговаривать, Герман Титов вспых читал своей жене романы Льва Толстого. Слышимость в казарме была превосходной... По очереди ходили в кино: кто-то должен был оставаться с детьми. Старшему из ребят было 10 лет — это был Женя Комаров.

Вскоре появился «космический» ребенок. Отец мечтал о мальчике, а родилась девочка. Это была вторая дочь в семье Виктора Горбатко.

Генерал-полковник авиации Николай КАМАНИН. Труд кандидатов в космонавты был напряженным. Аэродром,

лаборатория, классы... Самолеты, катапульты, действующие модели космического корабля... Необычные комплексы упражнений, необычные эксперименты...

Каждый день был похож на предшествующий и последующий лишь своим традиционным началом: подъем, физзарядка, завтрак. И в каждый день учебы врывалась дробь вибростендов, бешеная карусель центрифуги, перепады давления в барокамере, зной в термокамере, гнетущая тишина сурдокамеры.

23 августа началась аттестация кандидатов в космонавты. Вот, например, какая характеристика была составлена на Юрия Гагарина:

«Любит зрелища с активным действием, где превалирует героика, воля к победе, дух соревнования. В спортивных играх занимает место инициатора — вожака, капитана команды. Как правило, здесь играют роль его воля к победе, выносливость, ощущение коллектива. Любимое слово — «работать».

На собраниях вносит дальние предложения. Постоянно уверен в себе, в своих силах. Уверенность всегда устойчива. Его очень трудно, по существу, невозможна вывести из состояния равновесия. Настроение обычно немного приподнятое. Вероятно, потому, что у него юмором, смехом до краев полна голова. Вместе с тем трезво рассудителен. На-

делен беспредельным самообладанием. Тренировки переносит легко, работает результативно. Развит весьма гармонично. Чистосердечен. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Любит повторять: «Как учили!» Скромен. Смукается, когда пересолит в шутках.

Интеллектуальное развитие высокое. Прекрасная память. Выделяется среди товарищей широким объемом активного внимания, сообразительностью, быстрой реакций. Усидчив. Тщательно готовится к занятиям и тренировкам. Уверенно манипулирует формулами небесной механики и высшей математики. Не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной. Похоже, что знает жизнь больше, нежели некоторые из его друзей...»

С такой же вдумчивостью и вниманием к мельчайшим подробностям были составлены аттестационные характеристики на каждого из кандидатов на первый полет.

К началу весны 1961 года подготовка первой группы космонавтов была закончена. Провели экзамены. Члены экзаменационной комиссии, возглавить которую было поручено мне, остались довольны ответами первых выпускников Центра подготовки космонавтов.

Комиссия наша не имела полномочий

на то, чтобы устанавливать очередность, в которой будут уходить в космические полеты первые космонавты. Однако мы посчитали вправе высказать нашу коллективную точку зрения на этот счет. Мне, как председателю, члены комиссии поручили ознакомить с нашими соображениями Центральный Комитет партии и руководство Академии наук СССР. Вот в каком порядке шли космонавты в этом не подлежащем оглашению списке: Ю. А. Гагарин, Г. С. Титов, А. Г. Николаев, П. Р. Попович, В. Ф. Быковский.

Академик Борис РАУШЕНБАХ. Тем, кто сейчас бывает на космодроме и живет там в удобных и хорошо обставленных гостиницах, не так-то легко себе представить жизнь в запыленных одноэтажных деревянных бараках.

В трех отдельных домиках, очень похожих на самые скромные из тех, что сегодня украшают пригородные садовые участки, жили некоторые главные конструкторы, в частности Сергей Павлович Королев и Валентин Петрович Глушко.

Будущих космонавтов расквартировали в двадцати километрах от производственной зоны в условиях, которые наблюдающие за ними врачи считали удовлетворительными. Молодые, веселые, они стали общими любимицами и на жargonе космодрома назывались просто «ребята».

Николай КАМАНИН. Больше всего космонавтов интересовали командный пункт и стартовая площадка. Сергей

Павлович Королев и хозяева космодрома ввели их, как говорится, в курс дела на всех участках стартового комплекса. Это было необходимо для того, чтобы ребята не только знали, как организуется работа на том или ином участке, но и были уверены в абсолютной надежности всей системы пуска ракеты.

Ведущий конструктор Олег ИВАНОВСКИЙ. Особое впечатление произвела ракета-носитель с космическим кораблем: космонавты впервые увидели и корабль, и ракету собранными вместе.

Павел Романович Попович, глядя на ракету, сказал: «Наверное, надоело ей возвозить собачонок на орбиту. Пожалуй, она сама понимает, что подходит очередь человека!»

На космодроме, помимо нас, инженеров, космонавтов встретили их давнишние знакомые — медики, далеко уже не новички в испытательных делах.

— Видели нашу путешественницу? — спросил летчиков Владимир Иванович Яздовский. — Прошу познакомиться!

Юрий ГАГАРИН. Нам показали дворняжку светлой рыжеватой масти с темными пятнами. Я взял ее на руки.

Оказалось, что у нее еще нет имени — пока она значилась под каким-то испытательным номером. Посыпать в космос пассажира без имени, без паспорта! Где это видано? И тут нам предложили придумать ей имя. Перебрали добрый десяток популярных собачьих кличек. Но все они как-то не подходили к этой удивительно милой рыжеватенькой собачонке.

Олег ИВАНОВСКИЙ. В этот момент в комнату вошел заместитель Каманина, военный летчик, Герой Советского Союза. Гагарин взглянул на его грудь и, опуская собачонку на пол, сказал:

— Ну, счастливого пути, Звездочка! Все присутствующие сразу согласились с этим именем: в сообщении ТАСС пассажирка пятого космического корабля была названа Звездочкой.

Врач, первый начальник Центра подготовки космонавтов Евгений КАРПОВ. К этому эпизоду нужно добавить, что вместе со Звездочкой в космический полет отправлялся «Иван Иванович» — манекен, имитировавший космонавта. Манекен этот умел лететь. И даже не на один, а на несколько голосов. Он исполнял песни из репертуара хора имени Пятницкого.

Олег ИВАНОВСКИЙ. Радисты требовали в качестве контрольного сигнала человеческий голос. Естественно, предварительно этот голос нужно было записать на бортовой магнитофон, а затем передавать по радио с борта на Землю. Но что записать? Проще всего — цифровой счет, как обычно делают связисты, проверяя свои линии. Но представьте, что какие-то радиостанции на Земле, приняв случайно с борта советского спутника голос человека и не поверив официальным сообщениям, раззвонят по всему свету о том, что «русские секретно вывели на орбиту человека!». Кстати, именно весной 1961 года западная пресса настойчиво писала о том, что «Советы готовят в космосе что-то новое и грандиозное». Нет, счет не подходит. Ну, тогда песню! Скажут, русский космонавт запел на орбите. Техники же требовали только голос, и никаких других сигналов. И не помню, кто уж и предложил: «Давайте запишем хор имени Пятницкого! Голос будет, и вряд ли даже самые борзые западные журналисты и комментаторы решатся заявить о выводе в космос целой русской капеллы!» Так и было сделано.

Корреспондент ТАСС Борис ЛУКЬЯНОВ. Американский радиокомментатор Фрэнк Эдвард, ссылаясь на данные американской разведки, сообщил о «жертвах» русских при попытке послать человека в космос. В эфир были переданы имена «пяти несчастных жертв космоса». Оказывается даже, что «двое из них должны были лететь к Луне. Их последние слова в космосе слышали станции Турина, Джордрилл, Бэнка, Божума».

Среди погибших космонавтов называлось имя Петра Долгова. Американская газета «Нью-Йорк джорнэл американ» утверждала, что 11 октября 1960 года в течение 30 минут слышались сигналы космического корабля, а потом они внезапно прекратились.

Петр Долгов действительно погиб. Но не в шестидесятом году, а 1 ноября 1962 года, прыгая с парашютом со стратостата «Волга», достигшего высоты 25 тысяч 458 метров.

Упоминавшиеся газетой «советские космонавты» Алексей Белоконев, Иван Кауча, Александр Грачев и Геннадий Михайлов никогда в космос не летали. Это технические работники, испытывавшие аппаратуру, оборудование для космических и высотных полетов.

Летчик-космонавт СССР Герман ТИТОВ. Во время моего пребывания в США корреспондент телевизионной компании Си-би-эс Уолтер Кронкайт спросил у меня:

— В нашей прессе ходят слухи, будто Советский Союз в своих космических экспериментах потерял одного космонавта, правда ли это?

— Я слышал, даже больше. Ваши газеты писали, что потеряно пять человек, и даже перечислили их по фамилиям, — ответил я и со всей категоричностью заявил: — Юрий Гагарин — первый в мире космонавт. Никаких других космонавтов у нас не было.

Академик Василий ПАРИН. Гагарин действительно был готов к полету и поражал удивительным спокойствием. Многим окружающим этого его спокойствия, право, недоставало. Помню, в автобусе, уже когда собирались ехать к стартовой площадке, один из медиков ахнул:

— Товарищи! Шлем-то... Написать же надо было на шлеме: «СССР»!

Кто-то выбежал, вернулся с баночкой краски и кистью...

Приехали. К самой пусковой установке автобус подкатить не смог: помешали рельсы. Около них машина и остановилась. Гагарин посмотрел в зеркальце, вшитое в рукав скафандра, на аккуратные буквы, потрогал их — палец остался чистым. Гагарин встал и пошел к двери.

Инженер-испытатель Эрнест ВАСКЕВИЧ. Вскоре должен был подъехать автобус с космонавтом и его дублером, а нам еще предстояло, перед тем как Гагарин займет место в кабине корабля, проверить работу логического замка, установленного на пульте управления.

Логический замок представлял собой коммутирующее устройство с кнопками. После набора числа 125 разблокировалась электрическая цепь ручной системы управления кораблем. Последняя предназначалась на случай, если выйдет из строя автоматическая система. Давно уже на космических кораблях не ставят такие замки (их сняли после полета Германа Титова). Но тогда никто еще не знал, как поведет себя человек, оказавшийся в космическом пространстве, а поэтому многие специалисты, особенно врачи, полагали, что лучше перестраховаться.

Сергей Павлович Королев передал ведущему конструктору Олегу Ивановскому целлофановый пакетик с колодкой-кодом логического замка, и мы — Олег Ивановский, Николай Петрович Каманин, а также автор этих воспоминаний — поднялись в лифте на последнюю площадку обслуживания. Здесь был вход в космический корабль.

Ивановский вставил колодку-код в гнезда логического замка и набрал требуемые цифры. С земли сообщили, что команда прошла.

Мы расписались в журнале проверок бортовых систем корабля и спустились с Николаем Петровичем Каманиным на землю. Ивановский остался на площадке, чтобы проследить за посадкой космонавта в кабину.

В скромном времени показался автобус. Он медленно приближался к стартовой площадке...

Закон и ты

Юрий ФЕОФАНОВ

После одной давней публикации ко мне в редакцию пришел молодой человек. Он работал на Севере, в Москве оказался проездом. Попросил познакомиться с его делом в Верховном суде республики.

— Решения всех судов против меня отменили, — сказал он, — но, может быть, эта история вас заинтересует. Уже очень похожая ситуация...

— Если похожая, стоит ли...

— Тогда извините, — как-то безразлично отнесся северянин к моему нежеланию вникать в суть дела, — я ведь к тому, что раз похожая, значит, другой кто-то, как я, мыкается.

Он ушел. Я машинально записал его фамилию. Но он и телефон оставил — «через них со мной легко связаться». А последние его слова: «Дело выиграно — брата потерял» — заинтриговали меня.

Я решил-таки заглянуть в судебные документы. Дело, как и полагается, было пронумеровано, проштемпелевано и называлось «По иску Чувиллина В. И. к Чувилину В. И.». В первый момент это показалось странным: сам к себе, что ли, иск предъявлял? Оказалось, Василий судился с Вячеславом.

Обычно гражданские дела не очень привлекают внимание журналистов, разве что одно время всех разводы интересовали, теперь к этому привыкли. А так — житейская рутинка. Однако если вникнуть в гражданский спор, то обязательно найдешь за ним кипение страсти человеческих. Часто — страстишек, но по градусам накала они порой дадут фору уголовной драме.

Спор Чувиллиных поначалу привлекал лишь тем, что судились два родных брата. Василию, моему посетителю, скоро должно было исполниться тридцать. Вячеслав на два года моложе. Так случилось, что лет пятнадцать назад в катастрофе погибли сразу оба родителя мальчишок. Взял их к себе дед Афанасий Иванович, который жил в деревне с ласковым называнием Березки. Деревенка была удивительно живописной, вразброс раскинувшей дома вдоль некогда полноводной речушки. Дом же Афанасия Ивановича, сотворенный его руками, был и того удивительней — ладный пятистенок с мансардой, как значилось в документах, он стоял на куриных ножках в прямом смысле: так искусно дед приделал к четырем углам срубленные топором метровых размеров птичьи лапы. Мансарду же украшало сооружение, напоминающее петушиный гребень. Подробности эти сообщают потому, что и они будут иметь значение в «системе доказательств» одной стороны.

К тому времени, когда дед взял к себе внука, от Березок не осталось и названия — в одно прекрасное утро пришли строители, зарычали трактора и бульдозеры, а лет через пять Березки стали бесперспективной частью шумного, многолюдного поселка Березовский, что рожден был выстроенным здесь же заводом железнобетонных изделий. Продукция его была унифицированной, из нее складывали еще более однообразные строения для жилья. «Их и домами-то не назовешь», — говорил старый плотник Афанасий Иванович, чудо-домик которого, оставшийся от деревенки, вызвал восхищение.

Две комнаты в московской коммуналке, где некогда жил дедов сын с детьми и их матерью, Афанасий Иванович сдал в райсовет, подростков со всем скарбом перевез в Березки и стал им единственным близким человеком. Сам дед, мужик крепкий, собою видный, не женился: умел сам себя, а потом и мальчишок обиживать, а новая любовь не пришла в сердце.

Василье и Славка вольно жились у Афанасия Ивановича. Дед любил равно обоих, но больше жалел Славку — у того после детской травмы одна нога выросла чуть короче другой, чуток как-то, а внешность хромота портила. И не только внешность: не очень добрым к людям, по мнению деда, был младшенький, да и скуповат. Впрочем, старший тоже этим отличался: своего не упустит. Потому, видно, и выбрал себе профессию и место работы — выучился на монтажника и в двадцать два после армии уехал на Север. Огорчил деда и отъезд Васильи, и прощальные слова: «Длинный рубль не такая уж плохая штука». «Это так, — сказал, обнимая внука, Афанасий Иванович, — был бы честным».

На Севере, по всему, Василий Чувилин работал честно. И зарабатывал хорошо, даже очень, и человеком себя зарекомендовал — избрали депутатом ме-

стного Совета, за границу посыпали с делегацией. Женился Василье, привез молодую жену уже с сыном и бабушкой — своей тещей Марианной Петровной. Дед подивился имени бывшей дядки. Но сватья понравилась: полная, даже тучная, она имела легкий характер, главное — была работяща. На Север приехала нянчить внука со Ставропольщины, где свой дом продала. Все бы хорошо, но в летние северные месяцы душила ее то ли астма, то ли еще какая хворь — это она и в южных краях чувствовала. А в пахучем деревянном дедовом чудо-домике теща просто оживала: подткнет юбку, вымоет добела полы, набросает сосновых лап и сидит, улыбается: «Дышу, понимаешь, Афанасий, дышу».

Так обстояло со старшим из братьев. В младшем, Славике, дед тоже подмечал склонность. Но он различал: «Василье — скользкий, Славка — жадный». В чем это различие проявлялось — одному деду было ведомо. Младший Чувилин по своему недостатку в армии не служил. В институт не поступил, вернулся в Березовский и пристроился в плановый отдел завода, но главное свое дело видел в переплетных работах — овладел хорошо этим ремеслом. Дед соорудил ему верстак на загляденье, хоть сейчас в музей. Завязал Слава среди книжников в Москве знакомства и, поскольку оказался у него в деле талант, имел от заказов хорошие деньги. «Жить бы да жить, жениться бы, любая пойдет, хоть и нога неладна, — думал дед, — девушку хорошую найти, внука народить. Так нет, все копят и копят».

Женился Вячеслав на вдове старше себя и такой же скользкой — стали вместе копить, но ничего, к удивлению Афанасия Ивановича, не покупали — уж и машину могли бы, так даже обновой не радовали себя.

Умер дед внезапно. Тесал бревно, венец у курьей лапы хотел сменить. Разогнулся, отложил топор, вытер пот со лба — и рухнул.

Обо всем здесь рассказал узнал я от соседей, знакомых и вовсе не знакомых Афанасию Ивановичу. Ну, а дальнейшие события зафиксированы в двух томах гражданского дела.

Дед никакого завещания не оставил и не думал об этом, как не думает большинство людей, полагая, что это предрассудки и вообще пережитки проклятого прошлого — привести свои дела в порядок перед неизбежным. В большинстве случаев все и обходитя — ну, какие у нас наследства! А на поверхку-то часто оказывается — кое-что и есть. Пусть не акти что, но благосостояние все же растет неуклонно, и дачи, и машины, и разные ювелирные ценности скапливаются, растут в цене коллекции. При нынешних бесконечных браках-разводах родственные отношения переплетаются, запутываются. Кто ушел — тому без надобности, а оставшиеся порой вступают в сложные тяжбы. Бывают склонные скорее, чем имущество споры, но и по-иному случается: сколько библиотек, собраний уникумов, иных коллекций пошло вразbrod из-за отсутствия ясно выраженной воли покойного в завещании. Нет, уверен, ничего предосудительного в том, чтобы привести дела свои в порядок, нет. Скорее наоборот...

В семье Чувилиных наоборот и получилось. Когда Василий приехал на похороны, казалось, конфликтом и не пахнет.

Из протокола судебного заседания: «Я не поднимал вопрос о разделе дома потому, что был уверен в своем праве, других ведь наследников, кроме нас с Вячеславом, не было. Я сказал: «Мне ничего не надо, кроме светелки, да и то на лето, чтобы теща с моими детьми жила». Брат промолчал, и я счел, что он согласен, вопрос решен».

Летом же, когда Марианна Петровна приехала с двумя мальчиками, предварительно уведомив телеграммой, из даже на порог не пустили. В мансарде Вячеслав устроил переплетную мастерскую, в двух нижних горницах, кроме жены, жили две ее достаточно взрослые дочери от первого брака. Прописаны они здесь не были, у них в Москве квартира, а дом Афанасия Ивановича стал удобной дачей.

Марианна с внуками переночевала в местной гостинице, и так как была совершенно посторонним юридически человеком для Вячеслава, отбила телеграмму зятю и взяла билеты до Надыма. Василий возмутился. Работы на стройке были в самом разгаре, но он выпросил отпуск на неделю, надеясь все быстренько с братом уладить — был уверен, что это какое-то недоразумение: не может Славка, с которым вырос вместе, горе неизбывное разделить, деда любимого похоронил, так поступить. Знал, что все же поступил именно так, а не верил. Сам был себе на уме и за братом знал слабину — жадность к деньгам. Но ведь в своем он праве мог бы, если бы хотел, вообще полдома отсудить — так он считал.

Свидание братьев было поначалу холодным. Ноче-

вать Василия, конечно, пустили. В первый вечер старший решил сам разговора не начинать — должен же Славка объяснить свой дикий поступок. Тот молчал. И жена его зло молчала, накрывая стол: однако все путем сделала, как исправная хозяйка.

Утром гость сказал:

— Что ж, брат, ты так с племянниками своими обошелся? На порог не пустил. Не по-родственному.

— Меня как раз не было. А Лида... она ж дому не хозяйка.

— Но племяши-то твои через меня хозяева! Ты что ж... и меня посторонним считаешь?

— Почему посторонним? Но по закону-то если... Ты ж где-то у себя прописан, а я здесь. Для тебя дача, для меня — квартира. Мы к тебе если приедем — комната отведешь?

— А ты попробуй...

— Говоришь так, потому что уверен: не приедем.

— Но по закону я наследник...

— А может, я дедов дом хочу государству передать... Поселку нашему. Для музея. Или под детский сад. А мне квартиру дадут.

— Подожди. Слава, задумал передать или уже оформляешь? А как же я?

— Задумал или нет — другой вопрос. На лето я могу свою мастерскую из светелки убрать. Но твои пусть как жильцы приезжают, как дачники...

— И еще деньги платят?

— А как же? У меня сто десять, у Лиды столько же, а у нее девки не работают еще, хоть на выданье. Вы там у себя мешками гребете...

— Ну, брат, — Василий задохнулся от возмущения, — это знаешь как называется?..

Из протокола судебного заседания: «...и я хочу, чтобы все по закону. Но войдите в мое положение, уважаемые товарищи судьи, дедов дом для меня не наследство, а единственное жилье...» Вопрос: «Но вы же хотите передать его музею, как сказано в вашем заявлении?» «Конечно, этого общественность желает, я ради общей пользы... Но как же мне музею передать полдома или дом без мансарды? Мне сначала надо от незаконных и корыстных притязаний истца отбиться...» «Почему вы считаете корыстными притязания брата?» «Да он тут же свою половину продаст, я-то знаю, он проговорился». Вопрос к истцу: «Это так?» «Что вы, граждане судьи, да откуда это... Наоборот, ответчик вас в заблуждение вводит — то он дом под музей, то под детсад...». «О детсаде я не говорил, это выдумка».

Суд тогда не вынес решения. Дело отложили до выяснения некоторых обстоятельств: на этом настаивал ответчик, хотевший предоставить суду некоторые документы. Просьбу уважили, поскольку об уникальной красоте спорного дома были наслышаны. Василий особенно не возражал, но сказал, что сам вряд ли приедет на суд, выдаст доверенность...

События, однако, начали разворачиваться так, что северный брат хотел все бросить и не вспоминать о дедовом чудо-домике.

В судебном деле я наткнулся на странный документ, впрочем, официально приобщенный: номер стенгазеты «Высотник», издававшейся в том северном СМУ, где работал Василий. В ней была коротенькая заметка под заглавием «И это передовик!». Написано довольно коряво, но резко. В ней говорилось, что, как стало известно общественности, передовой монтажник, депутат, недавно награжденный медалью «За трудовую доблесть», Василий Чувилин затеял постыдную тяжбу с братом-калекой, грозя вышвырнуть последнего из развалихи, наследником которой претендует быть. «Корыстные замашки, — как было написано, — и раньше замечались за монтажником Чувилиным, он всегда отказывается от лотерий, насыщаясь над важным госмероприятием словами «я в азартные игры не играю», и вообще общественной работы сторонится». Подписана заметка была Н. Зоркий. Очевидно, подумал я, псевдоним. Странно было то, каким образом стенгазета попала в дело, не сам же Василий ее представил.

Как вы помните, читатель, дело слушанием отложили. Второй том был посвящен новому судебному разбирательству. Старший Чувилин на заседании не был, по доверенности в качестве истца выступала Марианна Петровна, теща. Во втором томе я обнаружил несколько писем в адрес народного суда от разных деятелей культуры — двух писателей, доктора наук — искусствоведа, заслуженного учителя РСФСР, работника музея. Содержание их было примерно одинаковым: суд рассматривает тяжбу двух братьев из-за дома. Искусствовед, например, писал: «Я не берусь судить о правовой стороне дела, но убежден, что дом Чувилина в поселке Березовом должен быть сохранен как творение мастера-умельца из тех, чьи таланты рожден народом. Если же он будет поделен, наводнен дачниками, то мы рискуем поте-

рять, в сущности, памятник народного творчества, достойный быть взятым под охрану».

Что ж, мы трепетно относимся к старине. И меня не удивило, что деятели культуры, знакомые с домом на курьих ножках хотя бы лишь по фотографиям, возвысили, так сказать, свой голос. Удивило, что деятели культуры, даже два писателя, «возвышают голос» одни и теми же словами.

Из протокола судебного заседания: «Я никаких прав на дом не имею, выступаю по доверенности... Но вот относительно писем... Знаю, что Славки с женой их сочинили, а подписали те, кому он книги переплетает... И со стенгазетой так же, граждане судьи. Это Лида, жена Славки, составила заметку насчет Васиной корысти. Она в профкоме состоит и к нам в СМУ в профком написала Никишиной. У нас после этой заметки такой шум был, перед Васей извинялись на собрании, в другой газете его оправдали, а Никишину вывели... Она мстила Васе, потому что он ее «липовой женщиной» назвал — она показатели преувеличила, а Вася разоблачил ее себе во вред. У нас все это знают, вы поинтересуйтесь, товарищи судьи. А еще скажу...» «Истица, речь идет не о профкоме СМУ, не о приписках, мы рассматриваем иск вашего зятя, говорите только по существу дела». «А я разве не по существу?..»

Ну, детектив! Вот тебе и скучное гражданское дело о введении в наследство.

Что же еще таят эти два тома? Вот копии писем Вячеслава Чувилина в исполноком поселкового Совета: он просит взять «Дом Чувилина» для устройства музея народных ремесел, а взамен предоставить ему трехкомнатную квартиру. К письму приложены уже известные послания деятелей культуры. Правда, ответа от исполнокома в деле я не нашел...

Не подумайте, что я хоть в какой-то мере ставлю под сомнение честность и порядочность людей, подписавших письма в защиту дома. Дом поистине сказочный. Некоторые авторы писем его видели, если сами привозили книги в переплет Вячеславу. Но все же мы ведем речь не о творении мастера, а о тяжбе двух братьев. Василий просил лишь светелку на лето для тещи с детьми. Однако в искомом заявлении указано о «принадлежащей по праву наследования половине дома».

Суд это его право признал. Но... учитывая все обстоятельства, желание ответчика передать дом «уникального характера» для музея, ходатайства общественности, а также то обстоятельство, что «истец имеет благоустроенное жилье и в поселке Березовом постоянно не проживает... дом оставить для проживания семьи Чувилина В. И., а в пользу Чувилина В. И. взыскать с ответчика половину оценочной стоимости дома по соглашению сторон» — так было записано.

Вот что рассказали мне два тома «дела о светелке». Был, оказывается, и третий том — надзорное производство...

Но прежде расскажу о своих встречах с участниками этой тяжбы. С Василием я встретился через несколько дней после его визита: он еще не успел уехать из Москвы. Я извинился, что несколько холодно обошелся с ним тогда. Василий пробормотал, что «понимает, мало ли кто в редакцию ходит».

— Случай-то у вас необычный, — сказал я, — а вы — «похожий».

— Это дедов дом необычный, а сам случай... — Он поморщился, словно кислого в рот взял.

— Но по оценке получилась не очень большая сумма. Да и не признали дом таким уж уникальным.

— Куда там, как дрова считали, на кубометры. Это разве справедливо?

— Возражали бы, добивались...

— Не до того мне было.

— Что ж у вас там, в Надыме, произошло?..

— А-а... — Василий махнул рукой.

Кое-как я все же вытянул из него историю его «персонального дела».

Рассказ Василия Чувилина: Дед наш покойный, что воспитал нас с братом, был по специальности плотник, а в душе великий законник. И нас так наставлял: честными в работе и послушными законам, в них — порядок. Не скажу, что мы очень наставляем дедовым вниманием. Но кое-что, видать, западло. И когда началась кутерьма с домом, я думал, все по правде, то есть по закону, сделают. А Славка вон что нагородил. Его баба, извините, к нам в профком написала. Она по этой линии активистка. Что началось! Ирина Никишина съесть меня была готова, они же представили, что я с калекой немощным из-за сараюшки сужусь. Тогда-то и вспомнил деда. Его любимая присказка была: «Если я по закону прав, то как могу быть по правде не прав?» Вроде бы осеклись, когда я им этот дедов вопрос кинул. А было это во время обсуждения на профкоме заметки в

«Высотнике». Наш партруг Иван Никифорович вступил: «Сплеча, говорит, рубить нельзя, проверить все надо, прежде чем человека виноватить». Тогда и повернулся разговор в мою сторону: заметке опровергнули дали, обсуждать меня прекратили. Но я все одно ходил оплеванный. С Доски почета меня сняли, кто-то слух пустил — из депутатов отзовут...

Говорил Василий в час по чайной ложке. Но в этом месте ожил:

— Вы мне скажите, коль я по закону прав — можно меня осудить?

— Судить нельзя. А осуждать... Видите ли, Василий, это вопрос не простой, — помню, говорил я ему. — Мы часто исходим в своих оценках из того, что мораль и закон едины. В принципе это так, если говорить о целях, об истоках. Но о расхождениях стараемся умалчивать. И зря. Давайте ваш же случай так повернем. Вы судитесь с братом не из-за светелки, не для того, чтобы теще с детьми там летом гостить. Представьте на минуту, что Вячеслав прав: судитесь вы для того, чтобы денежную выгоду получить — ведь по закону вы все равно наследник. В моральном плане как выглядит ваша тяжба?

— Плохо выглядит, — признал Василий, — вот я и выглядел как собака побитая.

Я уже, естественно, знал финал этой истории, когда мне позвонил Вячеслав Чувилин и попросил о встрече. Пришел с женой, Лиdiей Никифоровной.

Валентин Распутин точно заметил в повести «Пожар»: «Чтобы понимать друг друга, много слов не надо. Много надо — чтобы не понимать». Эти мои собеседники были многословны. Все нюансы разговора передать невозможно, поэтому изложу суть.

Вячеслав Чувилин: Вам, надо полагать, с три короба на меня наговорил братец. Но я действовал по требованию общественности. От закона ни в чем не отступал. И протест прокурора считаю совершенно неправильным, и суд не учел всех обстоятельств. Нельзя же сплеча рубить. Вы об этом сами пишете. Я вправду хотел дом под музей отдать. И Василий ведь никогда не жаловался, так зачем прокурору все снова затевать?

— В протесте об этом и сказано. В тяжбе с братом в качестве аргумента фигурировала передача дома поселку. В суд вы представили копии писем — желаете-де, чтобы в дедовом доме музей был. А письма-то эти никак же не отсыпали. Сами переехали на лето в сарай, а уникальный музейный экспонат, по вашим словам, набили дачниками.

— Вы бы поинтересовались моим окладом. Дом-то надо поддерживать — приходится за счет дачников...

— Так разве бы брат не помог...

— Зачем же тогда Васька в газету приходил?

— По душам поговорить...

— Ах, так...

И они ушли, очевидно, довольные, словно груз с плеч сбросили...

Я уже знал всю историю, содержание протеста прокурора, а также мотивы отмены судебных решений, вынесенных в пользу Вячеслава, знал о непримиримой попытке дотянуться даже до далекого Надыма, чтобы опорочить отличного работника, депутата Совета, знал, как происходила оценка дома и сколько при этом было истрачено на угожения, и, естественно, младший брат не мог вызывать моих симпатий. Да ему, собственно, не было никакого дела до чьих-то симпатий: огласки боялся, все же с солидными клиентами дела имеет по переплету книг.

Меня же вот что удивило: Вячеслав очень странно рассуждал о незыблемости права, о том, что раз суд вынес решение и оно вступило в законную силу, то любая махинация как бы закреплена на мертвом. Кстати, Вячеслав тоже помянул покойного деда-законника и его наставления. Только смысл он правильным наставлениям придавал извращенный...

Последнего судебного рассмотрения, как я узнал от Василия, не было — братья заявили суду, что кончили тяжбу миром. Как они поладили, Василий не сообщал, подозревая, что он отказался от своего права. Но это уже их частное дело...

Я же, кладя на архивную полку записи наших бесед, думал, что не вернусь к этой истории. Но не давала мне покоя эта тяжба. Как-то я прочитал французскую пословицу: не надо просить у всевышнего того, что может дать юриспруденция. И вспомнил неведомого мне искусного плотника и умного человека, наставившего внуков читать закон... Он ведь, закон, и правда, сух и официален. Но в его статьях и параграфах заключен огромный опыт человечества, содержащийся гарантами максимально справедливого решения людских конфликтов. Озлобленные люди, думаю, повторяют неправедную пословицу, сравнивая закон с дышлом. Разные, конечно, случаи бывают. И все же правовые нормы работают ради справедливости. Эти наставления надо постоянно помнить.

ПРИНИМАЕТСЯ ЭСКИЗ.

СВЕТОТЕХНИКА — ОДНА ИЗ ТЫСЯЧИ ВАЖНЫХ МЕЛОЧЕЙ,
БЕЗ КОТОРОЙ ТЕАТРУ НЕ ОБОЙТИСЬ.

В ЭТОЙ
МАСТЕРСКОЙ
ИЩУТ
ПОРТРЕТЫ
РАЗНЫХ
ЭПОХ.
НУЖНО
УМЕТЬ
ВЖИТЬСЯ
В КАЖДОЕ
ВРЕМЯ.
ЕГО
ВКУСЫ...

ПЛАТЬЕ ДЛЯ

Мария БОГДАНОВА.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Солько профессий в театре? Обычно называют: актер, режиссер, художник, потом... И вот тут чаще всего наступает заминка. А ведь театру нужны люди, умеющие шить костюмы, делать бутафорию, изготавливать парики, накладывать грим. Спектакль невозможен поставить без механиков сцены. Не обойтись и без светотехники. Словом, нужны самые разные специальности. Нужна и школа, откуда можно их получить. В Москве таким учебным заведением является театральное художественно-техническое училище.

Когда проходишь по зданию училища, закулисный мир театра предстает как бы в разрезе. Здесь создаются тысячи мелочей, без которых не может состояться ни один спектакль.

Фантастической птицей чернеет переплетение перьев, вуали и бисера за стеклом выставочной витрины на втором этаже училища; рядом змеится длинное, узкое платье, покрытое синими чешуйками блесток.

Напротив выставочной витрины за дверью классной комнаты готовятся к показу своих работ студенты третьего курса костюмерного отделения. Стук машинок, шорох и шелест тканей, издали кажется — бархат, парча, а вблизи и не бархат вовсе, и не парча на широких плащах и красочных платьях. Это еще одна театральная иллюзия, создавать которую учат здесь будущих костюмеров. Без их умения превращать дешевое в ценное театр стал бы разорительнейшим для государства заведением.

...Здесь царят средневековые и эпоха Возрождения. Золотисто-кровавым пятном среди вороха разноцветных юбок, накидок, плащей виднеется старинный мужской костюм. Он ярок и вроде бы радостен, но изобилие красного с черным едва ощущимым подцветом создает какое-то тревожное ощущение. Чем это костюм? Девушка, поправляющая «золотое шитье», отвечает: «Меркуцио». Сразу соглашаешься: да, именно такой должен быть наряд у жизнерадостного и обреченногого шекспировского Меркуцио из «Ромео и Джульетты». Через несколько дней на показе в зале под нежные и глубокие звуки лютни на сцене, немного смущаясь под пристальными взглядами, будет медленно прохаживаться юноша в этом наряде, а у стола экзаменующих автор — Анна Брайдо — расскажет о том, как она понимает шекспировский образ и что она хотела выразить созданным ею костюмом. И так делает каждый учащийся на показах, которые устраиваются несколько раз за семестр. Не просто сшить, а придумать, выразить определенный образ — вот чему учат на костюмерном отделении.

По сцене проходят один за другим знакомые образы: мушкетер Арамис, шотландский стрелок из Вальтера Скотта и опять шекспировский персонаж — Бенедикт из «Много шума из ничего». Педагоги придирчиво сравнивают эскиз и его воплощение. Даже небольшое отклонение в пропорциях, в форме рукава или воротника, в цветовой гамме отмечается как недостаток. С самых первых шагов учащи-

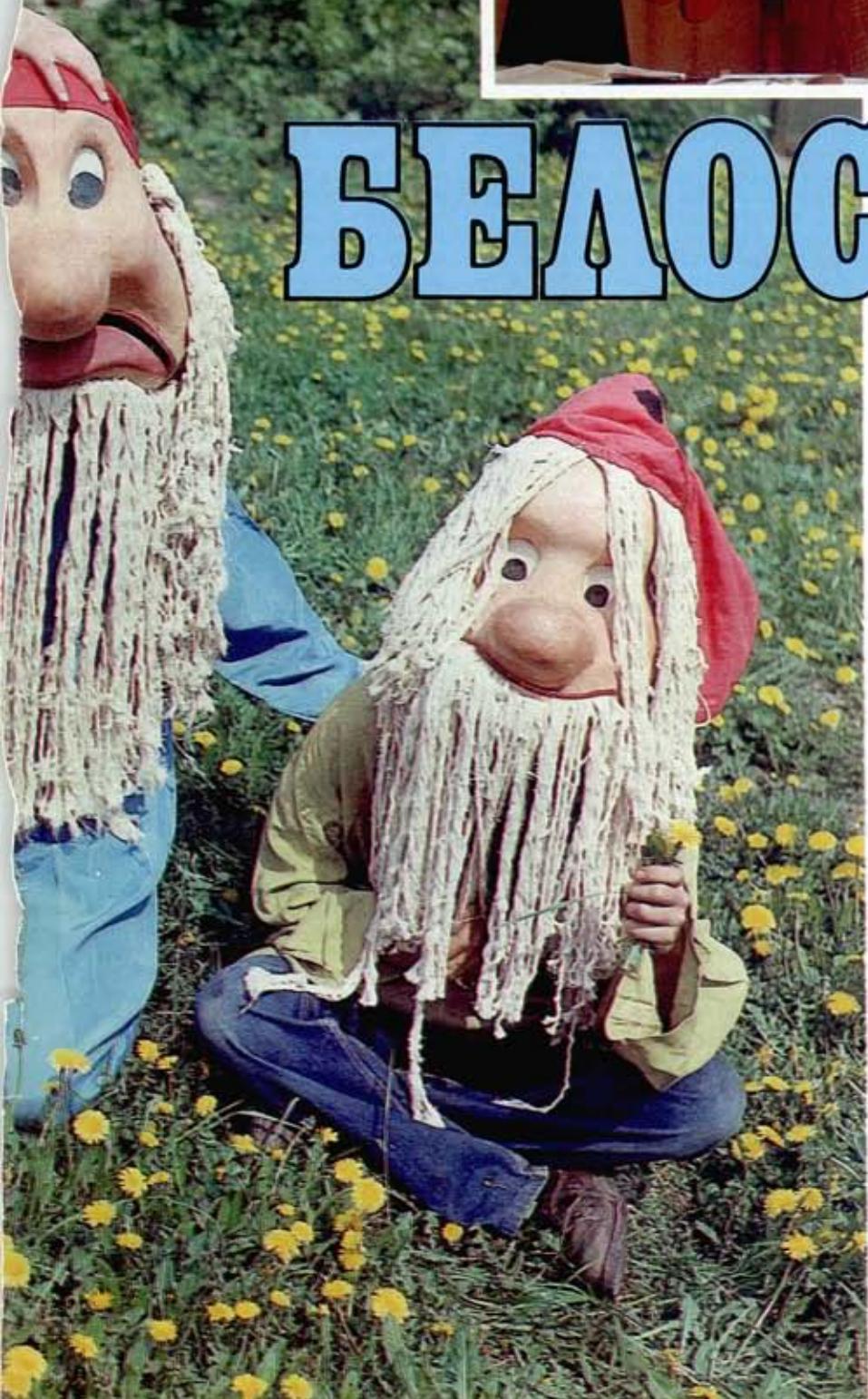
СОВРЕМЕННОМУ ТЕАТРУ НУЖНЫ НЕ ТОЛЬКО АКТЕРЫ, НО И МЕХАНИКИ, ЭЛЕКТРИКИ, РАДИОТЕХНИКИ...

КАК ВЕСЕЛО И ХОРОШО БЫТЬ ВМЕСТЕ.
ПОСЛЕ ЗАНЯТИЙ
СТУДЕНТЫ ЧАСТО СОБИРАЮТСЯ ВО ДВОРЕ УЧИЛИЩА,
ЧТОБЫ ПОГОВОРИТЬ
И СФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ НА ПАМЯТЬ.

КОСТЮМЫ
ДЛЯ
ЖИЗНЕ-
РАДОСТНОГО
МЕРКУЦИО,
ЩЕГОЛЕВАТОГО
АРАМИСА...
СКОЛЬКО
НАСТОЙЧИВОСТИ,
ТЕРПЕНИЯ
И СИЛ НУЖНО,
ЧТОБЫ ОБРЕТЬ
РЕАЛЬНОСТЬ
СОЗДАННОЕ
ВООБРАЖЕНИЕ.

БЕАОСНСКИЙ

еся постигают, как труден путь от замысла к воплощению и сколько настойчивости, терпения и сил нужно, чтобы обрело реальность то, что создало воображение. Сцена — последний этап оценки изделия: что не уловит глаз в пошивочной, сразу видно со сцены, — все недостатки края, соотношения деталей... Но зато из зала не видно, что богатая парча — это подкрашенное дешевое сукно с нанесенной кисточкой художественной росписью, а выделанная кожа — специально обработанная простая ткань.

— Как на лицо наносится грим, так и костюм надо тоже «подгрумировать», или, как мы говорим, «обжигать», придав ему естественные и красивые оттенки, «подпаливая» его анилиновыми или масляными красками,— поясняет преподаватель Валерия Павловна Монастырева.

Менялись эпохи, менялись вкусы, менялись моды... Следуя этой смене и учась изготавливать то, что было характерно для жизни человека в то или иное время, осваивают девушки и юноши курс за курсом выбранное ими театральное ремесло.

На занятиях третьего курса гримерного отделения учатся делать прически XVII—XVIII веков. В залитой светом комнате вдоль длинного стола расположились девушки. Их современные стрижки и распущенные без затей волосы занято соседствуют с белокурыми париками манекенов. К концу занятия на них должны появиться два длинных локона, спадающих на шею, а венчать парик будут уже по-другому уложенные локо-

ны — в корону. Так носила волосы знаменитая графиня Косель, по ней и осталось название парика, олицетворяющего стиль XVIII века. До «графини Косель» эту комнату заполняли головки «мадам Севинье» — по имени законодательницы мод XVII века.

На последнем этаже училища царит техника. Современный театр обладает богатым оборудованием сцены, сложной радиооснащенностью, разнообразными осветительными приборами... Для работы с ними нужны специально подготовленные механики, электрики, радиотехники... Поэтому в училище есть отделения оборудования сцены, светотехническое. Здесь, на последнем этаже училища, — прекрасно оснащенные театральным оборудованием аудитории. Но все же всю сложность и размах современной театральной техники учащиеся познают на настоящей сцене, уже со второго курса приходя на практические занятия в театры Москвы. Технические отделения училища обладают той особенностью, что там в процессе обучения, помимо техники, ребята непосредственно соприкасаются с искусством. И это, по-видимому, имеет для них притягательную и благотворную силу.

Выпускники училища идут работать не только в театры. Их можно встретить и на телевидении, и на киностудии, в киноконцертных залах и проекционных лабораториях. То творческое и серьезное отношение к работе, которое им привили в училище, делает их везде желанными специалистами.

НЕ УБИТЬ МОЛДАРТА

Георгий
ДАНАИЛОВ

Главным последствием страха перед болью, последствием оплеух, шлепков, выкрученных рук и всех остальных средств семейной инквизиции является разделение мира на битых и бьющих. Когда бьющим оказывается папа, он иногда говорит: «Знай, что мне больнее, чем тебе!» Тебе хочется ему поверить, потому что вообще-то он добрый человек, и ты начинаешь понимать, что бить — это весьма драматическая естественная необходимость. Значит, важно и тебе каким-нибудь образом попасть в категорию бьющих, значит, надо найти подходящий объект. Взгляд падает на братишку, это несносное существо, которое никто еще пальцем не трогает, а все только ласкают, даже если он прольет суп или разобьет тарелку. Раз — оплеуху братишке, раз — еще одну. Он ревет, ему больно, как и мне, он бежит к маме жаловаться.

— Это ты его ударил?

— Я.

— Почему?

Чистосердечный ответ был бы: потому что вы бьете меня. Но матери это не приходит в голову, и, поскольку я молчу, она отпускает мне затрецину мокрой от посуды рукой.

Первые уличные драки. Первые победы и поражения. Сколько ненависти и зависти застывает после них в детских глазах, когда успевают высокнуть слезы! Ненависть к более сильному сочетается с торжеством над беззащитным.

И вот какой-нибудь почтенный седовласый гражданин останавливается на тротуаре и говорит назидательно:

— Как вам не стыдно так драться? Ученики!

Дети не обернутся и не скажут ему:

— А вам не стыдно нас бить?

Учителя!

Разумеется, наивно было бы верить в то, что если детей перестанут бить дома, тут же на улице и в школе наступит мир. Невозможно преобречь природой, историей, летописью войн и человеческих столкновений. Это означало бы забыть и о кино, и о телевидении, и о книгах, в которых мальчишки жадно поглощают батальные сцены. Конечно, они будут подражать героям, будут разбиваться на враждующие группы, пускать в ход кулаки, но в этом будет гораздо больше элемента игры, меньше будет злобы и удовольствия от того, что ты причинил боль.

Даже если в каждом мальчике кроется воин, воспитание должно содействовать тому, чтоб он не слишком часто напоминал о себе. Поля сражений в области духа могут принести не меньше славы. К этому можно прийти, если элемент насилия будет искореняться как в нашем отношении к детям, так и во всей культуре, которая их окружает. То, что мальчишки с удовольствием играют в войну или в индейцев, не страшно. Они создают свои правила игры, которые допускают немедленное воскрешение убитых и не разрешают боли и истязания. Классический вестерн в значительной степени построен по правилам честной детской игры.

Фольклор, сказки, предания изобилиуют символами добра и зла, в них живут добрые и злые феи, добрые и злые волшебники, колдуны, змеи, русалки, лещи. Народная фантазия неисчерпаема, а дети любят все фантастическое, любят за то, что оно легко входит в их мир, где воображение играет первостепенную роль, где причинно-следственные связи еще не иссущили действи-

тельность, где каждый предмет может преображаться, каждая деревяшка — превращаться в корабль, потом в автомашину, потом в сани, потом в человека, но никогда — в щепку для растопки. Конкретные игрушки, которые мы им дарим — паровозики, пароходики и т. д. — не особенно нужны, они привлекают детей только своей миниатюрностью, только этот элемент невероятного их забавляет. Практизм приходит с возрастом. Именно поэтому дети любят сказки, в них всегда должно происходить что-то невероятное, что-то невозможное, дети не переживают драмы, которую у Камио переживает Калигула, который хочет невозможного. Оно у них есть. То, что в сказках справедливость и добро всегда побеждают, тоже означает, что в твоем распоряжении невозможное.

Мы просто не обращаем внимания на то, какими путями осуществляется иногда победа добра. Поэтому и многие из сказок, которые мы читаем детям, оказываются прежде всего историями о насилии, где победа присуждается добру как бы нехотя, как бы для порядка. Именно такова большая часть популярнейших сказок братьев Гримм. Я остановлюсь только на самой известной — на сказке о Гензеле и Гретель. Она получила широчайшее распространение, пересказана почти на всех европейских языках, по ней написаны пьесы, Гумпердинк сочинил оперу, ее танцуют в трогательных балетах, а по сути, это жестокая история, которая своей яркостью ослепляет нас и мешает разглядеть сомнительные ценности, которые в ней заложены.

У одного вдовца было двое детей, мальчика звали Гензель, девочку — Гретель. Вдовец решил жениться второй раз, и досталась ему злая жена. До этого момента все идет в реалистическом плане. Потом жена начала предъявлять разные требования и, поскольку хлеба в доме не хватало, посоветовала мужу отвести детей в лес и оставить их там, вернее, оставить их на растерзание диким зверям. Добрый отец со слезами на глазах согласился. Читатель-ребенок обычно не обращает внимания на эту важную деталь в характере отца, ребенок склонен к всепрощению. Гензель, однако, имел привычку подслушивать и понять намерения родителей. Проявив изобретательность, он запасся камешками и отмечал ими путь, по которому их вели детоубийцы. Благодаря этому дети вернулись домой, обрадовав кающегося отца и разозлив мачеху. Она, разумеется, не успокоилась и опять уговорила отца отвести детей в лес. Он опять согласился со слезами на глазах. Мачеха каким-то образом поняла фокус с камешками и предотвратила его повторение, заранее заперев Гензеля. Мальчик сумел запастись только крошками, но лесные птички склевали крошки, и план родителей был выполнен. На радость детям и для того, чтобы сказка могла продолжаться, дикие звери в лесу не появились, но зато их ждали еще большие ужасы. Прежде всего появилась красивая белая птица, которая оказалась не символом добра, а провокатором. Она повела детей за

собой, и так они подошли к прелестному сахарному домику. Здесь в сказке появляется невообразимое и невозможное: сахарный домик, который не тает ни от каких дождей. Гензель и Гретель были так голодны, что тут же начали расправляться с домиком. Только Гензель взялся за крышу, как оказалось, что домик принадлежит старухе-людоедке. Еще одно чудесное сказочное несоответствие — во вкусном домике живет злая колдунья. Она живо схватила несчастных детей. Теперь им предстояло быть съеденными. Ах нет! Выяснилось, что у старухи изысканный вкус. Гензель показался ей слишком тощим, и она решила откорить его, а Гретель использовать как служанку.

Вообще с девочкой старуха была любезнее по каким-то неясным людоедским соображениям. Она заперла Гензеля в свинарнике и стала обильно его кормить. Каждое утро она проверяла, готов ли он к употреблению, но мальчик водил ее за нос, протягивая ей вместо своего пальца какой-то пруттик. Колдунья была очень близорука, но, видимо, из суетности не носила очков и потому не поняла обмана. Она все ждала и ждала, ждет и встремленный ребенок, которому читают сказку, и не задает себе вопроса, что все это время ела старуха. Можно предположить, что вместе с Гретель они ужинали кнедликами или чем-нибудь еще вегетарианским. Наконец старухин аппетит взыграл, и Гензелю, готов он был или не готов, настала пора быть съеденным. Старуха наточила нож, велела Гретель растопить печку, и поскольку ее нетерпение превратилось в истерию, сама полезла в печь, чтобы проверить, подходящая ли в ней температура. Тогда девочка самоотверженно залихала ее в печь, хладнокровно закрыла заслонку, и таким образом сама старуха изжарилась в назидание всем обжорам-людоедкам, доверяющимся своим клиентам. Остается неясным, съели ли Гензель и Гретель зажаренную старуху, что соответствовало бы стилю сказки, но братья Гримм об этом умалчивают.

Маленький слушатель переводит дух, справедливость восстановлена, но нас ждут еще приятные неожиданности. Дети вдруг обнаруживают, что у ведьмы была целая куча бриллиантов. Ни минуты не колеблясь, они прихватывают с собой все старухины сбережения. Потом дети шли, шли и вдруг наткнулись на отцовский дом, где их поджидал добрый пapa. Тем временем и с ним случилось то, что бывает только в сказках — его злая жена предсмотриительно померла. Увидев, что его пропавшие дети возвращаются, отец расплакался, обнял их, а увидев бриллианты, расплакался еще пуще, и с тех пор все трое зажили так счастливо, что счастливей и быть не может.

Такова сказка. Она содержит в себе немало поучений. Если не хочешь быть зажаренным, жарь сам! Если хочешь разбогатеть, пошли своих детей на съедение волкам. Не верь сахарным домикам, в них живут злые ведьмы!

Да простятся мне моя пристрастность и мои преувеличения, но, как я ни стараюсь найти какую-то нравственную

глубину в этой истории о родителях, которые со слезами ведут своих детей на заклание, о социальных трагедиях, которые разрешаются с помощью чужих бриллиантов, и об этом символе зла в сахарном домике, который был побежден чути ли не его собственными средствами, мне это не удается.

Сказка братьев Гримм может послужить сценарием для великолепного фильма ужасов. Для этого достаточно режиссуре подобрать два невинных детских личика и усилить всяческими натуралистическими деталями сцену подготовки каннибализма.

Разумеется, эта сказка переживает свое отрицание и будет продолжать читаться. Прежде всего она великолепно рассказана. Многокрасочная и волнующая, она хватает тебя за горло и больше не отпускает. И все же для меня она лишь примечательное доказательство того, как глубоко насилие пустило корни в сознание людей, как естественно оно принимается, так, что мы даже его не замечаем, когда оно подается под вкусным соусом, и спешим приобщить к нему и наших детей.

Совсем другое дело — Ханс Кристиан Андерсен. Он был первым, кто сумел сделать человечность основной темой своих сказок. Он показал, что печальный конец — это не всегда плохой конец, потому что слезы сочувствия и сострадания стоят намного больше, чем придуманная счастливая концовка. Грусть, которой ребенок откликается на судьбу маленькой продавщицы спичек, имеет большую ценность, чем радость, которую мы испытали бы, если бы великий рассказчик превратил рождественское видение своей героини в реальность. В маленьком блестящем сердце храброго оловянного солдатика, оставшемся в пепле очага, больше любви и героизма, чем в мече, который отважно режет головы нескольким сотням змееv.

Оскар Уайлд, как никто другой, сумел связать представление о добре и красоте в сказочное единство. И дети прекрасно понимают, почему счастлив ослепший Счастливый Принц. И почему великан-эгоист попал в рай и смерть его не трагична.

Некоторые, вероятно, думают, что если в сказке нет насилия, нет сражений, нет героев, раненых и убитых, интерес ребенка ослабевает. У них есть основания так думать, но такие книги, как «Винни-Пух», многие из сказок Андерсена, опровергают подобные соображения. И как не назвать здесь и лучшую сказку, рассказанную в нашем столетии, сказку о Маленьком принце. То, что эта чистейшая книга со своей тоской по доброму и счастью человеческого общества коснулась сердец людей всей нашей планеты, само по себе вспелят надежду на будущее.

Как-то один пятилетний мальчик проснулся, рыдая, в своей кроватке. Его душил необъяснимый ужас. Ни объятия, ни успокаивающие слова родителей не помогали. Случайно отец увидел рядом с кроваткой детский журнал с медицинским уклоном, но сын еще не умел читать, и отец бросил бы журнал, если

бы не заметил на его страницах комикс следующего содержания: первая картинка — ребенок, которого кормят с ложки. Вторая картинка — тот же ребенок с раздогнутой щекой. Третья картинка — тот же ребенок перед нетронутой тарелкой с едой. Четвертая картинка — могилка, и на могильном холмике — та же полная тарелка.

Художник этого комикса и редакторы журнала, которые исходили из лучших намерений — заставить детей есть, угрожая им смертью — не были отданы под суд. В уголовном кодексе нет такой статьи, по которой суду подлежали бы все, кто насаждает в детскую душу страх, а ведь должна быть.

Пятилетний мальчик, о котором я говорю, по несчастному совпадению тоже плохо ел и, рассматривая перед сном это чудо педагогики, понял, что его ждет. Отец порвал и выбросил журнал, мальчик постепенно пришел в себя, но всю ночь спал неспокойно, и в нем навсегда поселился страх. Лучше есть после этого он, разумеется, не стал. У детей это не зависит от их воли, и единственный эффект упомянутых картинок в журнале был тот, что ребенок без всякой нужды и не вовремя столкнулся с мыслью о собственной смерти, и даже еще хуже — с мыслью о возможной преждевременной смерти. В таких случаях родителям задаются страшно неудобные вопросы, они попадают в очень трудное положение.

Когда я был совсем маленьким, умер от воспаления легких соседский мальчик, с которым я иногда играл. Я это понял, от меня не могли скрыть никакие подушки, которые вносили в их квартиру, ни плач родителей, ни некрологи на дверях. Моего маленького товарища не стало. Скорбь — такая, какую испытывают взрослые — маленьким детям незнакома. Они не тоскуют по мертвым, потому что не успели еще полюбить живых. Но встреча со смертью запечатлевается в их сознании.

— Все люди умирают, правда?

— Правда.

— А ты умрешь?

— Умру.

— А я?

— Что ты спрашиваешь глупости!

Мы пытались уйти от ответа, но это нам не удается. Ребенок добивается ответа, а получив его, спросит: «Когда?» — «Когда ты состаришься!» — «Как дедушка?» — «Как дедушка». Это в какой-то степени успокаивает, так как ребенок не может представить себе, что он когда-нибудь станет таким, как дедушка, для него эта возможность — абстракция. Но иногда задаются конкретные вопросы:

— А почему умер Дарко, он ведь ребенок?

Что можно ответить на подобный вопрос? Не знаю. Ребенок не в состоянии рассуждать философски. Разве удовлетворит его ответ, что смерть детей — это одна из извечных несправедливостей этого мира? А что еще ему сказать? Может быть, единственный спасительный, но не всегда надежный путь — внушить ему, что и это он поймет позже. Впрочем, обычно дети принимают смерть других естественно и философски, если определят философию по Джерому Джерому как науку о том, как легче переносить чужие страдания.

Страх смерти не может быть основой всего человеческого, но он остается основой всех страхов. Смерть запограммирована в каждом живом организме, и всегда приходит час, когда ребенок осознает ее неизбежность.

Один мой приятель, получивший в раннем детстве религиозное воспитание и каждый вечер перед сном читавший молитву, вспоминал, как он сам переделал ее и заканчивал словами: «И пусть я никогда не умру, и мама никогда не умрет...» — пытался перечислить остальных близких, но, опасаясь, как бы

кого не пропустить, выработал обобщение: «И пусть все никогда не умрут!»

У детей есть чувство справедливости.

Запугивание — в наше время весьма распространенный метод воспитания, при этом не имеет значения, чем будет вызван испуг, для этого используется все разнообразие «животного и растильного царства», фантастических и полуфантастических существ, конкретных административных личностей. Злой волк и дядя милиционер символизируют одно и то же — страх.

Мы, взрослые, вероятно, не вполне отдаем себе отчет в том, как вредно использование страшилки не только для детей, но и для нас самих. Моя бабушка была добрым человеком и не пыталась придавать героям своих сказок страшных черт. Но эффект был тот же, потому что образ-то творится детским воображением. Самое безобразное последствие всего этого — то, что напуганный ребенок боится оставаться один в доме и тем самым создает родителям немало трудностей и неудобств.

Чавдару уже шесть лет, но он ни на миг не хочет оставаться один. Его родители уверяют, что ничем его не запугивают, но мальчик достаточно общается с бабушкой, так что этот случай нельзя рассматривать как чистый. Однажды вечером, когда Чавдар уснул, родители решились на подвиг и пошли в гости в другой конец села. Чавдар остался совсем один в большом доме. Через два часа он оказался у соседей — в страшной тревоге он искал маму и папу. Он осмелился в непроглядную ночь выйти в почти безлюдное село, перейти улицу, по которой все двигаются лишь с фонариками, и разбудить соседей. Лежать одному в своей кровати для него было страшнее, чем пуститься в какое угодно ночное приключение.

Уверенный в том, что символы страха могут быть самыми невинными, я проделал со своим сыном маленький глупый

опыт. Ему было три года, когда я пригрозил ему не чем-либо иным, а Синичкой-невеличкой. Конец! Синичка-невеличка превратилась в самое страшное создание, трехлетний малыш широко открыл глаза, качал головой и шептал: «Синичка-невеличка, Синичка-невеличка!»

К счастью, я вовремя понял, как я сглупил. Однажды я позвал мальчика в сад:

— Иди, я покажу тебе Синичку-невеличку.

Он не решался подойти ближе.

— Иди, дурачок! — Родители часто употребляют эпитеты, которые больше подходят бы им самим. Я взял сына за руку и показал ему маленькую птичку.

— Вот это Синичка-невеличка!

Он был чрезвычайно озадачен и поверил не сразу. Робко шагнул к птичке. Она, разумеется, сразу улетела. Синичка-невеличка испугалась мальчика. Это на него хорошо подействовало. Мальчику было четыре года, когда мы начали оставлять его одного, и хотя бы в этом отношении он не создавал нам никаких проблем.

Я не скажу ничего нового — страх должен быть изгнан из мира ребенка. Это первая забота воспитателя. Надеюсь, никто не хочет, чтобы его ребенок стал завтра ущербной личностью, склонной к рабскому повиновению, лишенной веры в себя. Чиновником, который терпит своего тупого начальника, человеком, который не смеет говорить правду в глаза. Гражданином, чей патриотизм исчезает в застольной похвале. Этого не хочет никто, но для того, чтобы наши дети были действительно свободными людьми, принявшиими великую мысль о свободе как об осознанной необходимости, они должны быть прежде всего освобождены от страхов, которые они сами несут в себе.

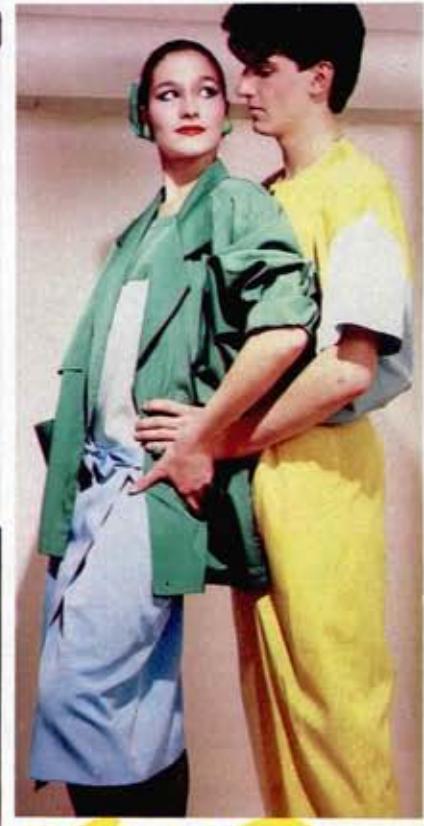
**Перевела с болгарского
Ника ГЛЕН.**

Егор ЗАЙЦЕВ,
художник-модельер.
Фото Владислава ЛОКТЕВА

В основу создания представленных на этой странице «Смены» моделей легли конструктивные традиции народного русского костюма и цветосочетания, характерные для сегодняшнего спортивного стиля.

Комплекты состоят из трех-четырех вещей: у мужчин это нижняя и верхняя рубашки, брюки и головной убор, у женщин — рубашка, туника (или длинный жакет), юбка и косынка. Все эти вещи бесподобочные, что облегчает их изготовление. Обтачки и подборта закрепляются отделочными строчками. Допустимо использовать в качестве отделки швы, выпуская их на лицо и настрачивая.

Край — плоскостной, геометрический. Отсутствие всевозможных вытачек и отрезных деталей придает моделям характерную для современной молодежной моды объемность. Брюки тоже остаются свободными, чуть зауженными книзу, с несколько завышенной линией талии.

Хотите выглядеть нарядно? Нарядно?

Застежка плечевых изделий такая же простая, как и крой, — узкие, отделанные контрастным кантом щели с навесными петлями на пуговицу.

Материалы могут быть самыми разнообразными: чистый хлопок или хлопок с химическими пропитками (плащевая ткань), лен и лен с лавсаном, а также комбинация различных фактур. Для усиления яркого декоративного эффекта можно настрачивать разноцветные геометрической формы остатки или выпады этих тканей (аппликация).

Группа демисезонной молодежной одежды представлена ставшими уже традиционными стегаными куртками и полупальто, только теперь они менее «дутые» и реже простеганные. Эти вещи многим понравились: они легки, теплы, просто чистятся. К тому же любая такая модель значительно дешевле, чем шубы и шубки из мехов и кож. Все чаще к традиционным материалам (болонья, нейлон, плащевая ткань) стали добавляться в качестве отделок вельвет, искусственная кожа. От легких бесподобочных комплектов стеганые изделия заимствуют нагруженность деталями, внутреннее инкрустирование.

ВЯЧЕСЛАВ И ЕГОР ЗАЙЦЕВЫ
ПРЕДСТАВЛЯЮТ ДЛЯ ВЕСНЫ И ЛЕТА.

Борис ОЛЕЙНИК

Когда секири у ядерной породы,
Уже заносят за твоим плечом,
Предупрежденье:
«Кто пришел с мечом...»,
Остерегенье:
«Не простят народы...»
И даже упования на то,
Что от расплаты не уйдет никто,
Становятся красивыми словами,
Которые убийца, как пальто,
Стряхнет и сядет
у прицельной рамы.
Святое слово... Но диктует время,
Что слово лишь тогда
обращает смысл,
Когда дела выходят на арену.
Ведь истину нам уяснить не вредно:
Мы над такою пропастью сошлися,
Что о «потом» и думать откажись:
Идут убийцы...
Так за дело, люди,
Чтоб уцелели те, кто их осудит.

Перевел с украинского
Николай КОТЕНКО.

Ирина ВОЛОБУЕВА

Хотя не видимся годами,
Хотя не сказано всего,
Влюбленность взглядов
между нами
Уже переросла в родство.

Судьбы нещедрое участие,
Преграды вечной не избыть!
И все же даже в этом счастье
друзьями по разлуке быть!

Весенний снег

В солнце золотисто-рыжем,
Озорно бера разбег,
Ты летиши,
летиши на лыжах,
Полосуя плотный снег.
День с земли до неба светел.
И тебе в той тишине
Что нашептывает ветер?
Может статься, обо мне?
Может быть, нежданность грусти
На пути сейчас твоем,
Как вон тот еловый кустик
За нахолленным холмом?
Или взгляд мой, мой разлучный,
Может быть, тебя томит,
Как вон тот несмелый лучик
Меж заснеженных ракит?
Мысли, может, птичей стаей,
Может, в сердце перебой?
...А весенний снег, он тает,
Тает бело-голубой.
Тает, искристый до дрожи...
И, летя навстречу дню,
Не успеешь; не проложишь
До моей души лыжню.

Все при мне: ошибки и огрехи,
Но в душе я радуюсь тому,
Что чужую радость и успехи
Собираю в сердце, как в суму.
Тяжела как будто ноша эта,
А на деле облачно легка!
С ней на белом свете больше света.
Золотистей венчик огонька.
Меньше с ней усталости в дороге,
И удачливей все начинанья дня,
И надежда явней, что в итоге
Будет радость также у меня.
И, конечно, очень может статься,
Радостей моих не разделя,
Моему чудачеству дивятся
Недруги, а может, и друзья...

И ВИДИШЬ СВОЙ КРАЙ

Знакомый
голос

Фото
Александра
ГРАДОБОЕВА

Сколько напевности, плавности в мелодии народной песни... А как волнует ее слово!.. И это понятно: в ней—наша история, жизнь, мы сами...

Татьяна Петрова поет русские народные песни. Они—в душе у нее, они—из детства, которое прошло в небольшой уральской деревушке. Деревня славилась певуньями. За окрестной собирались самые голосистые. На работу с песней ходили. С песней же и возвращались. А в праздники пели особо. Песни, к каждому случаю веками выверенные: хороводные, свадебные, игровые, застольные... И печалилась рыбина, одиноко качающаяся на ветру, и кручинилась девушка, расставаясь навсегда с мильм, и коварный изменщик получал по заслугам от оскорбленной любви, и ворон черный предрекал последние деньги атаману, и грустно, до срыва, звенела бесшабашная удаль ямщика...

Голос оказался у Татьяны Петровой под стать этим народным песням. Чистый, удивительно светлый голос. Сильный. И краски в нем разные. А звучит он как бы только для тебя одного, спокойно, сердечно.

Училась Татьяна Петрова в Москве, в музыкальном училище имени М. М. Ипполитова-Иванова. Первый педагог ее—Елена Константиновна Гедеванова.

Приходилось упорно работать. Природа дает многое, но не все. Часто талант тускнеет, не раскрывается. И сколько нужно упорства, силы приложить, чтобы не растерять, а приумножить данное природой. «Через руки» Гедевановой прошло много певцов. И многие стали известны и любимы наими: Людмила Зыкина, Александра Стрельченко, Татьяна Петрова...

Множество песен хранится в далеких деревнях Архангельской, Белогорской, Костромской, Брянской областей. Как хранятся в сундуках рушники со старинной вышивкой, из тканого полотна рубахи, юбки. И тоже с вышивкой. У каждой—свой узор. Редко вытаскиваются они на свет, так же редко поются и старинные песни. Ездила Татьяна Петрова по этим деревням. Слушала, записывала, отмечала характерную манеру исполнения. И появились в репертуаре певицы частушки, календарные и лирические песни Урала, русского Севера, Нечерноземья.

Когда поет Петрова, ее песня становится буквально зrimой. Поет «Ах ты, Волга!», и синь воды могучей реки перед нами. Слушаешь и видишь свой край, свой дом, Отечество, Россию.

Слушаешь народную песню.

Анатолий СМИРНОВ

В МИРЕ ГЕНИЯ

Память возвращает меня к первым послевоенным годам и приводит в квартиру у Красных ворот в Хоромном тупике. Здесь жили добреши супруги Вера Клавдиевна Звягинцева и Александр Сергеевич Ерофеев. Я бывал здесь часто и охотно.

Это была не жилплощадь, это был дом. Дом, где беседовали, читали стихи, музиковали, спорили, мечтали. Здесь в разное время бывали поэты Антокольский, Арсеньева, Пастернак, Петровых, Тарковский, Кочетков, Благинина, Оболдуев, актеры Белевцева, Фрелих, драматург Любимова. Были долгие телефонные разговоры с Леонидом Леоновым, Иваном Новиковым. До войны судьба связывала Звягинцеву с Мейерхольдом, Цветаевой, Андреем Белым.

На одном из вечеров речь зашла о нем, о Борисе Николаевиче Бугаеве, пожелавшем подписывать — Андрей Белый, о поэте, прозаике, исследователе стиха и ритма. В этот вечер я, что называется, разошелся и позволил себе произнести некий долговременный монолог или некую речь. На прощание хозяин дома Александр Сергеевич сказал мне тихо: «Погодите!» — и склонился над старинным сундуком, полным бумаг. Наконец он протянул мне рукопись: «Это ваше! Берите, пожалуйста!»

Я взглянул на рукопись. Узкие листы (их всего девятнадцать), крупный почерк, старая орфография. Заглавие — «Воспоминания о Л.Н. Толстом».

— С какой стати! — воскликнул я.

Но надо было знать хозяев дома. Они не копили ценности, а раздавали по назначению. И сами определяли это назначение.

— Вы увлечены Андреем Белым, посему рукопись должна быть у вас...

С тех пор и храню эту рукопись, решив, что опубликую ее в ту пору, когда после длительной паузы возникнет живой интерес к Андрею Белому, когда поймут, что прозвища «мистика», «путаника», «мракобеса» можно приклеить к нему, только не читая его, а веря на слово псевдолитератороведам, всем берущим цитаты из третьих рук. Мне кажется, что сейчас, после издания тома стихов и поэм и романа «Петербург», после отмечавшегося у нас столетия со дня рождения Андрея Белого, в читательской среде, прежде всего в кругах начитанной молодежи, возник интерес к этому неповторимому художнику. Это интерес к личности и сочинениям, желание сквозь строки поэта и прозаика прорваться к постижению эпохи Блока, Брюсова и, добавлю уверенно, Андрея Белого. Ждут публикации многие строки его, многие страницы...

Лев ОЗЕРОВ

Андрей БЕЛЫЙ

Я встречал Л.Н. Толстого; эти встречи относятся к ранним воспоминаниям детства. Многое в этих встречах занесено дымкой прошлого, и живой образ покойного я вижу издалека; пятнадцать лет прошло со дня моей последней встречи с Толстым, нет поэтому у меня живых подробностей встреч: ряд бледных штрихов и ряд красочных впечатлений, часто весьма субъективных.

Мне остается лишь поделиться с читателями бледными штрихами, именно теперь наша обязанность записать все, что мы помним о Толстом. Скоро ведь личность его превратится в легенду.

Мои родители издавна были знакомы с Толстым. Изредка Лев Николаевич к нам заходил в бытность свою в Москве. Обыкновенно он приходил к моему отцу (профессору) с ходатайством за того или иного студента. Первое мое впечатление от Льва Николаевича крайне туманно и смутно; оно мне теперь представляется полусном, но, по свидетельству близких, все было так, как я описываю.

Бряд ли мне было пять лет в описываемую пору. Может быть, мне было четыре года, а может, три, конечно, я не знал, кто такой Толстой, но я знал, что это Толстой; я запомнил... не Толстого, а сырье колени, на которых сидел и детской рукой снимал пыльники. Я запомнил большую и сырую, как мне казалось, бороду — более густую, чем ее изображают на последних портретах, очень хорошо запомнились мне слова, обращенные к гостю: «Лев Николаевич... Льву Николаевичу...». А я уже почему-то знал, что этот Лев Николаевич и есть тот самый Толстой, а кто же тот самый — этого я не знал, знал, что он большой и что он граф. Что такое граф — я не знал тоже. Очень хорошо помню я голос спорившего с Толстым отца и присутствие матери; смутно помню и мягкий голос Толстого, и как он меня гладил по плечу, и как он мне говорил что-то такое, что говорится детям, и как его борода зацеплялась за мои волосы. Но самого Толстого не помнил, так часто бывает с маленькими детьми: не событие остается, а след события, момент, картина, иногда переплетаемая с фантазией, и вот следом события для меня остались пыльники на коленях великого писателя да чай-то к нему обращенный голос: «Лев Николаевич!»

А я уже знал, что это и есть Толстой.

Имена Юрьева, графа Олсуфьева, Кошелева, Бредихина, Чебышева часто упоминались в нашем доме: так же часто упоминалось имя Толстого; все эти имена тогда были для меня что-то многое говорящими именами. Вот почему я так внятно запомнил и голос Толстого, и бороду, и колени.

Кто-то было сказочное для меня в этой встрече. Я уже знал тогда, что это Толстой, я помнил бороду, сырье колени, голос да сбегающие по ступеням шаги Толстого, самого же Толстого я увидел в первый раз.

Настоящие встречи с Толстым начались для меня через несколько лет: снежный дедушка Рупrecht стал казаться иным, реальным.

Я учился в частной гимназии Поливанова. Михаил Львович Толстой был сначала старше меня на один класс, после мы оказались в одном классе. Так началось наше знакомство. Так я стал бывать у Толстых, живших тогда близ Девичьего поля, в Хамовниках.

Один год я бывал у Толстых по субботам (если не изменяет память); в эти дни у Толстых собирались гимназические товарищи Михаила Львовича, подруги Александры Львовны, а также многие из взрослых.

Странное впечатление производило на меня дом Толстых. Здесь меня встречала смесь простоты с изысканностью, подлинной светской с чем-то высокомерно-несветским, упрощение с попросту простотой, в общем же было шумно и мило для нас, молодежи. Софья Андреевна держала себя милой гостеприимной хозяйкой, дети поднимали невообразимый шум, беготня, была, пожалуй, некоторая нарочитость в этом веселье, но нам, молодежи, некогда было задумываться. На дворе мы играли в снежки, в доме бегали по комнатам, слетали с верхнего этажа в нижний, с нижнего в верхний, доходили до того, что над фруктами и чаем летал мяч, грозя разбить стаканы. Иногда, усевшись на лестнице, молодежь запевала песни. Одни чопорные лакеи в белых перчатках смущали нас своим светским величием да, пожалуй, невзначай вскинутый на детей лорнет.

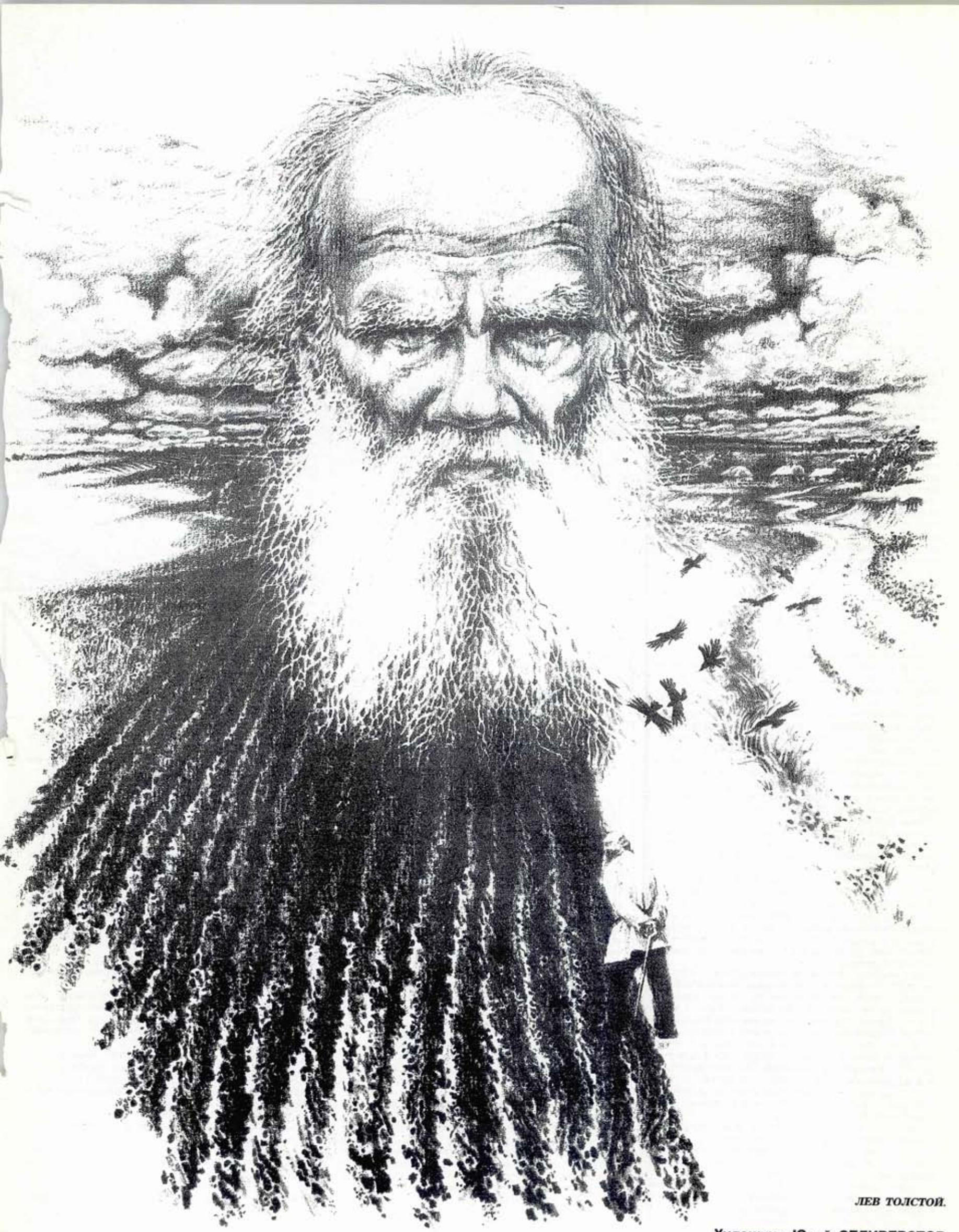
Среди участников толстовских суббот того года (из поливанцев) более других запомнился мне дети профессора Стороженко, Дьяков, Сухотин, Подолинский да братья Колокольцы. Более всех из детей Толстого казались мне симпатичными в то время покойная Мария Львовна да Ваня (тоже покойный) — прелестный мальчиш с густыми длинными локонами.

И вот на фоне этой веселой молодежи особенно выделялась сосредоточенная голова Толстого. О, конечно, не вокруг него группировались дети-подростки; дети-подростки держались с вызывающей самостоятельностью, они составляли одну кучку, казалась, в этой кучке игнорировалась слава Толстого. Был, быть может, в этом игнорировании некоторый форс (многие поливанцы, что называется, форсили), вот почему мы как-то особенно игнорировали, что говорил Толстой. Передаю свое впечатление, но думаю, что оно не было только моим. Нам даже казалось немного стыдным «разевать рот» на Толстого. Толстой в этом доме был свой, домашний, лишь за пределами толстовского дома начинался учитель жизни. Здесь же он был «отец». Повторяю, мне это казалось, но думаю, что то же казалось не одному мне, и потому-то менее всего Толстой был средоточием внимания молодежи на толстовских субботах.

Лев Николаевич то удалялся в свой кабинет, куда не смели заглядывать дети, то выходил к гостям. Он мимолетно подсаживался к дамам, останавливался перед шахматной доской, за которой сражались часто Сухотин (отец) с С.И. Танеевым, то обменивался с нами незначительными короткими фразами. Большая-большая его седая голова на широких плечах сидела упорно, и улыбка редко показывалась на устах. Подложасанный, в синей блузке, он стоял здесь и там, пересекая комнаты, или прислушиваясь к окружающему, или любезно, но как-то нехотя давая те или иные разъяснения. Он как-то нехотя останавливался на подробностях разговора, бросал летучие фразы и потом ускользал. Он, видно, не хотел казаться невнимательным, а вместе с тем казался вдалеке, в стороне. Некоторые из нас чувствовали неловкость в его присутствии. Нам, подросткам, он был тогда чужд. Вот мы начали какую-то игру в день первого моего посещения толстовского дома, и вошел Лев Николаевич. Он не улыбнулся, он как бы даже не обратил никакого внимания на игру, с задумчивым и, как мне тогда показалось, строгим лицом протянул мне руку, глядя в упор и не произнося ни слова.

— Это сын Н.В.Б., — сказал кто-то из присутствующих.

— Знаю, — отрезал Толстой, не переставая в упор пронизывать меня своим жутким взглядом, и задумчивая морщина не изгладилась на челе. Потом я понял, что взгляд его, жуткий в комнатах, должен особенно мягко сиять в полях, что это взгляд полевого молчальника, странника, тогда же казалось, что Толстой

ЛЕВ ТОЛСТОЙ.

Художник Юрий СЕЛИВЕРСТОВ

смотрит и осуждает, неизвестно за что. Мне стало неловко, к нам, детям, подсели Толстой на диван, ничего не сказал, встал, тихо вышел. Так же он подсаживался к дамам, вставал и тихо шел дальше, а то быстро он проходил, нигде не останавливался.

У меня потом осталось странное впечатление. Мне казалось, будто Толстой не живет у себя в Хамовниках, а только проходит мимо: мимо стен, мимо нас, мимо лакеев, дам,—выходит и входит. Лев Николаевич так и остался для меня прохожим на толстовских субботах. Он вносил с собой что-то большое, иное, нам нужное: свою гениальную жизнь проносил он мимо нас, а мы не видели этой жизни. Мы ощущали одно неловкое молчание, заговаривали зубы. Это хождение Толстого по дому стало теперь для меня хождением символическим, ходил в Москве среди нас, ходил у себя в Хамовниках; присел в Ясной Поляне и, наконец, ушел.

Нет, помню его и сидящим... у себя в кабинете.

— К отцу входить нельзя,—предупреждали нас, поливановцев, но мимо открытых дверей кабинета пробегали мы с шумом. Там увидел раз я сидящего Толстого, оттуда раздавались оживленные голоса. «Это толстовцы»,—наивно подумал я.

Раз мы играли в прятки. Александра Львовна должна была нас искать. Мы придумали спрятаться там, где нас никто не отыщет. Двери в неосвещенный кабинет Льва Николаевича оставалась открытой, тихонько мы туда забрались. Здесь разместились мы в темноте на диване, ковре, под столом в непринужденных позах: кто с поднятыми ногами, кто с раскинутыми руками, гимназические шутки повисли в воздухе. Вдруг в двери вспыхнул свет, там колебалась свеча, в желтом дрожащем свете выставилось освещенное лицо да большая-большая борода: Лев Николаевич стал на пороге комнаты, мгновение он постоял, угрюмо глядя перед собой, быстро-быстро прошел, поднимая свечу, зорко окинув Толстой комнату, не улыбнулся, поставил свечу, сел, сложил руки, устремив взор прямо перед собой. Мгновенно оборвались шутки, водворилось молчание. Мы продолжали лежать и сидеть в самых невозможных позах. Тягостного молчания никто не нарушил; мы застыли, пригвожденные взглядом Толстого. Лев Николаевич обратился к Сухотину, будто ничего особенного не произошло:

— Отец где? На земском собрании?

Начался принужденный разговор, остальные молчали. Александра Львовна проходила не раз мимо дверей, не решаясь войти, она думала, что у отца гости.

Наконец мы вышли, несколько сконфуженные. Толстой продолжал сидеть за столом перед за jakiенной свечкой со сложенными руками. Больше я его в этот вечер не видел.

Строго Толстой относился к музыке. В статье «Что такое искусство» он считает, что даже у Бетховена годы только выборки. Хочется поэтому подчеркнуть, что он всякая серьезную музыку слушал внимательно. Раз как-то Сергей Иванович Танеев заиграл, кто-то обратился к Толстому с вопросом. «Постойте: я не могу говорить». И, сделав невольный жест рукой, будто отмахиваясь от слова, он подошел к роялю, и долго сидел у рояля он с опущенной головой. Надолго запомнилась большая, серебряная голова великого старца, склоненная в звуки.

Другой раз на лестнице собралась молодежь, раздались звуки гитары, хор затянул цыганскую песню. Толстой вышел из столовой, долго стоял на пороге у двери и слушал.

— Как хорошо!—сказал он, возвращаясь к гостям.—Как молодо!—И пленительная улыбка осветила строгое его лицо, глядящее мимо—мимо всего.

Толстой всегда глядел мимо либо, глядя в упор, глядел сквозь человека. Такое по крайней мере я вынес впечатление, комнаты казались меньше в его присутствии, речи казались пошлыми, телодвижения—скованными.

Да и понятно: полевой великан чувствовал стесненным себя в городских стенах среди людей общества, теперь я знал, что не на нас он глядел, когда он глядел на нас, а сквозь нас, сквозь стены—в поле. Мы его только стесняли, что он мог сказать окружающим? Окружающие его замыкали в тюрьму.

От нас, мертвых и пошлых, его тянуло к иным, живым. В обществе средних людей, дам и довольно пошло остривших поливановцев Толстой производил впечатление великой тяжести, но разве не были тягостным молчанием для него речи окружающих.

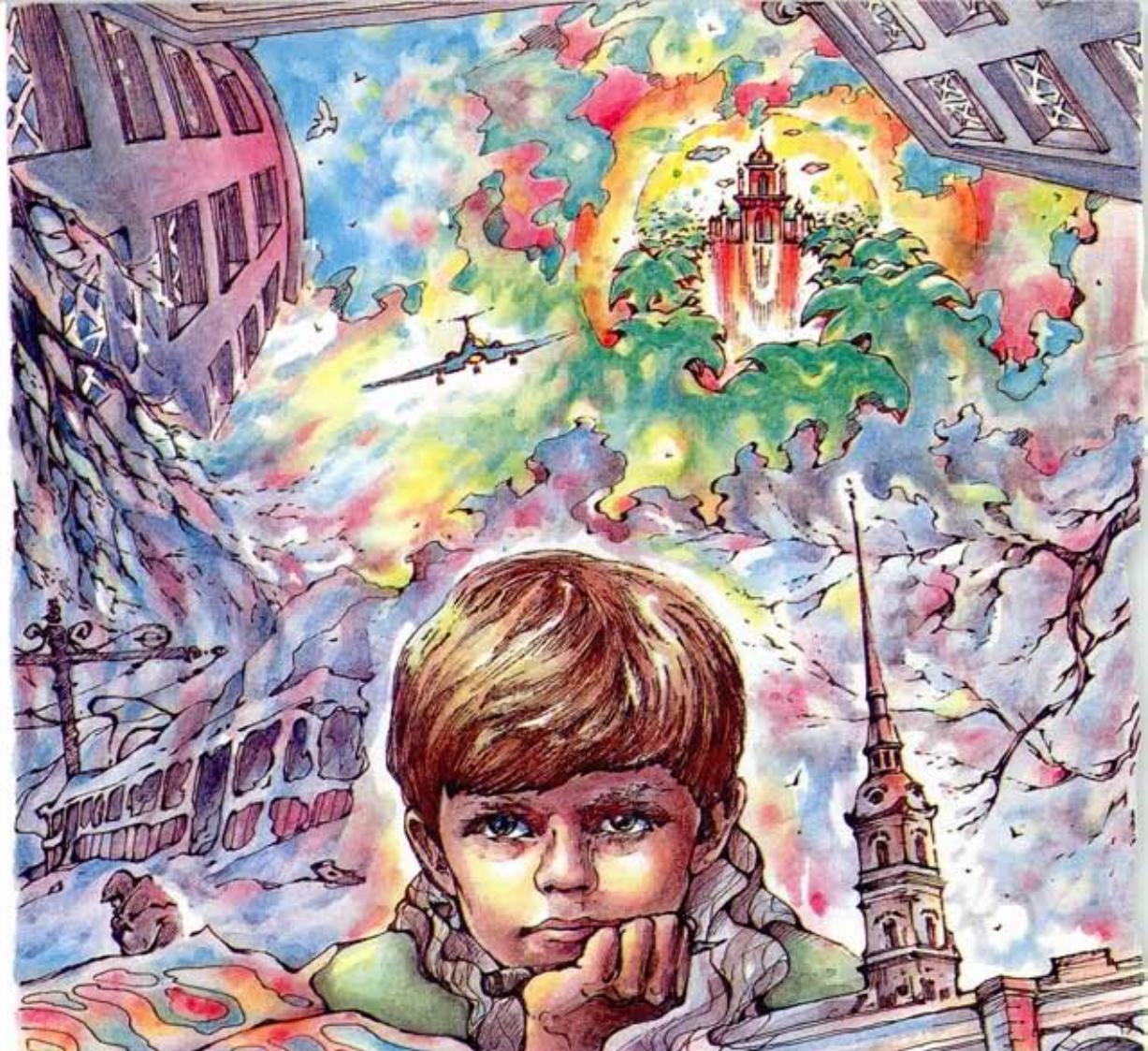
Многие годы тянулось тягостное молчание это и окончилось лебединой песнью.

Лебединая песнь Толстого не слово вовсе: это жест высшего величия, доступного человеку.

Уход и смерть Толстого—самое гениальное слово самого гениального человека. Тягостное молчание разрешилось благостным словом.

Только один год я бывал у Толстых. Мы скоро разошлись с Михаилом Львовичем, к тому же он вышел из поливановской гимназии.

Вскоре Л.Н. Толстой переехал в Ясную Поляну, и я его уже больше не видел последние пятнадцать лет.

КОРОТКИЙ

Словно вода сквозь камни...

амилия у нее была Шавейко. По имени ее никто не называл; все Шавейко да Шавейко. В нашем блокадном семдцатом классе она выглядела самой неприметной: свалившиеся волосы под серым вытертым платком, бесформенное пальто, перешитое из материнского, на ногах зеленые гамаши с желтыми заплатками. Лицо, словно замороженное, с темными пуговками глаз. Мы в юношеской неосознанной жестокости ее просто не замечали. Впрочем, когда учитель задавал какой-нибудь каверзный вопрос, обязательно раздавалось:

— Шавейко знает!—В этом заключалось высшее проявление остроумия. Случалось, преподаватель попадался на нашу уловку и одобрительно подхватывал:

— Ну, отвечай, Шавейко!

Девочка неуклюже вставала, хлопая крышкой парты, пунцовела и со слезящимися глазами тихо выдавливала:

— Я не знаю.

Находился остряк, который воскликнул:

— Правильно, только погромче, Шавейко!

— Да, погромче!—поддерживал учитель.

И тогда, страдальчески морща, она вскидывала на учителя затравленно глаза и произносила громко:

— Я не знаю.

Однажды я оборвал товарища, обижавшего Шавейко:

— Хватит!—И тот непонимающе развел руками.

Возле моего дома приоткрылся небольшой сквер со скамейками. Выйдя как-то поутру из дома, я увидел сидящую с книгой Шавейко. Она уставилась в книгу, словно была малограмматной. Обойти ее я не мог, поэтому вынужден был интересоваться:

— Ты здесь живешь?

— Нет, читаю,—невплод ответила девочка.

— И что же ты читаешь?—насмешливо спросил я.

— О приключениях Томаса Сойера, написал американский писатель.

— Ты гляди-ка! Американцы наши союзники,—покровительственно заметил я.—И занимательно?

— Очень!—радостно кивнула головой девочка.

Наше литературное общение осуществлялось в ту пору замедленно. Библиотеки не работали. И мы довольствовались случайными книгами.

— Хочешь, я тебе дам почитать,—осмелилась Шавейко.

Завязывать какие-то отношения с Шавейко мне не желалось, но прочитать американца казалось заманчивым.

— Разве что на два дня,—снизошел я. Марка Твена я проглотил за ночь, читая тайком на кухне при керосиновой лампе. В классе, когда мы остались одни, я поблагодарил Шавейко и возвратил ей книгу. Глаза у нее загорелись, отчего из темных стали зеленоватыми.

— У нас много книг. Хочешь еще?

— Нет, нет!—отмахнулся я, опасаясь укреплять связи с Шавейко.

Через две недели я дежурил по классу. Мне следовало явиться на час раньше и подготовить учебную комнату к уроку. Каково же было мое изумление, когда, открыв дверь, я обнаружил Шавейко.

— Проснулась рано и решила тебе помочь.

— Никто тебя не просил!—резко обрубил я.

Я скинул куртку, взял тряпку и, злясь, стал вытирать доску. Тряпка была грязная и лишь размазывала меловые полосы по доске.

— Черт возьми!—выругался я.

— Ты намочи,—тихо подсказала Шавейко.

— Без тебя знаю!

— Я пойду?—спросила она. «А чего ей уходить,—впал в раздражение я,—когдай заявила, пустяк и возится, благодетельница!..»

— Чисть!—приказал я.

Шавейко натирала шваброй пол, а я наводил порядок на подоконниках и классной доске. Я не смотрел на Шавейко, стараясь создать впечатление,

Смотри-ка, ожили!..

рамвайная линия проходила по Кировскому проспекту и на площади Льва Толстого делала кругой поворот направо. Там трамвай замедлял свой ход. У этого поворота мы, школьники, его и подождали. Он не ехал, а плыл по блестящим, стальным рельсам, дребезжа, заливисто звеня, тормозя, раскатываясь по прямой, вбирая в себя на остановке нетерпеливую и веселую толпу. А у какого-нибудь его окна обязательно сидела симпатичная девочка в красном или синем берете, внимательно разглядывала все, что пробегало перед ее взглядом, и как бы не замечала нас, мальчишек. Но мы-то знали, что это обман,— самый большой интерес вызывали у нее мы, наша галдящая орава.

К трамвайному повороту мы отправлялись гурьбой после занятий в школе. Шли возбужденные, как на представление в цирк. Шли кататься «на колбасе», а говоря технически точно, на заднем буфере вагона. Мы испытывали чувство подкатывающей к горлу отваги, когда, подловив замедление движения, вскачивали на торчащий хвост трамвая, нащупывая подметкой стальные выпуклости, прижимаясь телом к холодному красному металлу, цепляясь пальцами растопыренных рук за узенькие пыльные карнизы трамвайных окон. Мы бросали жеребий, кому проехаться первому. Счастливчик отдавал свой портфель товарищам и выходил на мостовую. Считалось шиком, когда тебя замечал милиционер и свистел вслед уходящему трамваю, а ты—хоть бы что!—катился и поплевывал по сторонам. Прохожие возмущались:

— Куда школа смотрит!
— Исклечит, а потом мать всю жизнь возись!
— В мирное время так себя не вели!— Последняя реплика исходила из уст суповой старушки «из вышедших», для которой «мирной жизнью» называлась жизнь до империалистической войны. Сделав круг, смельчак спрыгивал, успев поймать любопытный взгляд девочки из окна трамвая, и попадал в шумную ватагу сверстников.
— А мент-то, мент рассвистался!— сообщал какой-нибудь подхалим из младшего класса.

— Да? А я и не слышал!— выдрючивался «колбасник»— так прозвали нас прохожие.

В блокадную зиму трамваи застыли на путях. Они покрывались снегом, заледенелые окна были в опушке инея. Красный цвет их поблек и превратился в грязно-розовый. Вскинутые дуги напоминали скорбные заломленные руки. Трамваи казались неуклюжими доисторическими животными, упавшими на колени и спрятавшими голову в сугроб. Может быть, такими были мамонты? Люди привыкли к остановившимся трамваям и, совершая дальние переходы по своим житейским нуждам, даже не поглядывали на них ввиду их полной бесполезности.

Но наступила весна, снег заискрился под солнцем, стал подтаивать, рыхлеть, растекаться мутными ручьями. И из-под снега начали проступать все явственнее облезлые туши трамваев. Скалывать с них лед было невозможно—попортили бы вагоны, покорежили. Вагоны под лучами солнца освободились от снежных заносов и льда и грелись на припеке, почти как люди, пережившие блокаду. А весной ремонтники вошли в их простуженные нутра и принялись что-то разбирать, прочищать, заменять.... Когда трамваи заскражетали по поржавевшим рельсам, люди замерли на панелях, провожая вагоны взглядами, полными надежды. Это было огромное и важное событие—город возвращался к жизни!

Нас из предвоенного класса осталось всего три человека; кто эвакуировался, кто.... Однажды ко мне зашел одноклассник Костя.

— Пройдемся.

Мы медленно брели по Петроградской, тощие, с синевой под глазами, подставляя лицо ласковым лучам солнца. Ноги сами вынесли нас к площади Льва Толстого. Она была немноголюдной, выселилась баррикады из мешков с песком, руины домов отливали кровянистым отблеском кирпичной пыли.

Но трамвай шел. Вагоны словно постарели, сделались блеклыми, с бумажными крестами на стеклах, с обшарпанными ступеньками. Но трамвай шел.... Мы стояли на тротуаре, опершись на тумбу, и разговаривали.

— Ты как?

— Коленки дрожат....— И мы оба с тоской посмотрели восторг трамвай. Трамваи уходили за поворот.

один за другим, ни в одном вагоне мы не приметили девочки с шаловливо прикрытым взглядом. Ехали сосредоточенные, молчаливые люди, и в руках у них были лопаты, лейки (значит, на огорода), противогазные сумки через плечо.

— А помнишь, как Мишка?...— Мишка слыл асом по трамвайным проделкам.

— Помню,— сказал я и ничего не добавил, потому что о судьбе Мишки мы ничего не знали.

Милиционер, дежуривший на площади, раза два внимательно посмотрел на нас—все-таки город прифронтовой, а эти парни толпятся столько времени на одном месте и о чем-то переговариваются. И в тот самый момент, когда из кинотеатра «Арс» вышли зрители, что-то вдруг поднялось в моем сердце, застучало в висках и я... поспешил навстречу трамваю. Я пробежал несколько метров за ним и, чувствуя, что уже задыхаюсь, вскинул свое легкое тельце и ощущил ногами опору буфера. Я обонял запах краски, почти касаясь лицом борта трамвая, и краем глаза видел толпу, остановившуюся у мостовой и наблюдавшую за мною. Я ожидал грозного милиционского свистка и обычной браны вдогонку. Но все молчали. Наконец до меня донеслось:

— Смотри-ка, ожили! Уже хулиганят.— Но эти слова были сказаны ласково, как поощрение. Их произнесла бабка в плюшевом жакете, закутанная по глаза платком.

— Нет, нас не победишь!— торжественно добавил инвалид на протезе.

Вагоновожатый увидел в зеркальце мои раскинутые руки, обнимающие вагон, и притормозил. Теперь я ехал медленно, как на параде. Среди толпы сновали мой товарищ Костя и возбужденно объяснял:

— Мы с ним из одного класса! Мы с ним еще до войны «на колбасе» катались!— Он явно пытался примазаться к моей славе.

— До войны нельзя было,— назидательно произнес милиционер,— а сегодня я разрешаю... для поднятия духа нашего не сломленного блокадой населения.

— Спасибо, товарищ милиционер!— выкрикнул я, услышав его последние слова. А когда трамвай уже совсем заворачивал за угол, я, резко вывернув голову, разглядел на тротуаре девочку в голубом берете. Она так восторженно смотрела на меня, как еще никогда и никто на меня не смотрел.

РАССКАЗЫ

Олег
ШЕСТИНСКИЙ

что ее вообще здесь нету. Внезапно у моих ног зашуршала швабра, и я поднял взгляд. Шавейко, раскрасневшаяся от работы, скинула свой неразлучный платок, и ее темно-медные волосы волнико рассыпались по плечам.

— Ну, ты даешь!— обалдело выпалил я.

— У мамы ромашка осталась, я их ромашкой помыла,— смущенно залепетала Шавейко. Клас мы вдвоем убрали быстро.

— Ты иди, а то скоро люди застучат...

Шавейко проворно собралась, напялила снова свой платок. И уже уходя, обратилась ко мне:

— А ты не можешь завтра на мой день рождения прийти?

Я уперся в нее взглядом, словно не представляя, как это у Шавейко может быть день рождения.

— День рождения?— переспросил я.

— Придешь? Я тебе в парту адрес свой положила.

«Вот какая настырная!»— недобро шевельнулось во мне, но я все-таки сказал:

— Посмотрим...

На переменке ко мне подошел Артюхов.

— Вечер не занимать.— Он был строг и замкнут.

— А что?

— Потом узнаешь.

Я отметил, что с таким же загадочным видом он побеседовал с Павловым и Обольяниновым. После уроков мы сошлись в кружок, как заговорщики.

— Мы сегодня вызовем души знаменитых людей,— начал Артюхов,— у матери книжку нашел, как это делается. И все узнаем, что хотим. Согласны?

Мы были ошеломлены и, конечно, согласились. Мать Артюхова в этот вечер отсутствовала. В комнате окно закрывало одеяло. Одинокая свеча склоняла освещала помещение. На столе лежал большой белый лист плотной бумаги. На нем была начертана окружность и по окружности выписаны буквы русского алфавита.

— Мы садимся за стол, ставим блюдце донышком кверху на бумагу, каждый накладывает пальцы одной руки на блюдце и произносим: «Дух такого-то, явись к нам...» Когда блюдце задвигается, значит, дух явил-

ся, и мы будем ему задавать вопросы. На кромочке блюдца хлебный мякиш, он и будет, двигаясь, останавливаться возле букв, составлять слова... Ясно? И мы прошептали:

— Ясно.

В полной тишине сели за стол.

— Кого вызовем?— спросил Артюхов.

— Гоголя,— выдохнул Павлов. Гоголя мы только что закончили изучать в школе. Лицо Артюхова побелело. Пальцы судорожно вцепились в блюдце. И вдруг... блюдце странулось с места.

— Чем докажешь, что ты дух Гоголя?— вещал Артюхов. Блюдце вывело по буквам:

— Мертвые души...

— Точно—Гоголь,— поразились мы, и нам стало не по себе. Павлов, самый нетерпеливый, спросил:

— Верно ли, что у нас отменят переходные экзамены?

Недавно прошел слух, что ввиду блокады города нас переведут без экзаменов, но об этом ли надо было спрашивать Гоголя? Мы посмотрели на Павлова укоризненно. Но Гоголь ответил:

— Отменят...

И-здесь я не столько понял, сколько ощутил, что сначала чьи-то пальцы сдвигают блюдце, а далее уже три остальные руки подхватывают движение.

— Спросим, когда война кончится?— предложил Павлов.

— Об этом лучше военного,— разъяснил Артюхов. Надумали вызвать генерала Скобелева. Блюдце забегало по бумаге, и отчетливо сложилась фраза:

— Гитлер капут.

Я посмотрел на Павлова—ясно, что это он сам, не отдавая себе отчета, начертал.

— Ответ содержательный, хотя странная стилистика,— резюмировал Артюхов.

Обольянинов предложил вызвать Екатерину Великую.

— Ваше величество,— вкрадчиво приступил он,— кто из девочек нашего класса вам больше всех нравится?

Артюхов и Павлов с возмущением взглянули на

юного кавалера, считая, что он задает неподобающий вопрос. Руки наши в очередной раз застыли на матовом фарфоре блюдца. И неожиданно передо мной заколыхались темно-медные волны волос Шавейко. Они то рассыпались, то стягивались в жгут, переплываясь яркими звездочками меди. Мои пальцы дрогнули, опережая другие. И блюдце вывело ошеломленным товарищам: «Шавейко».

— У императрицы превратное представление о красоте,— вздохнул Обольянинов.

Артюхов поднялся из-за стола:

— Надо еще раз изучить гадальную книгу. Что-то у нас не сработывает.

Потушили свечу, распахнули окно, спрятали чертеж. А я решил про себя, что непременно пойду на день рождения Шавейко.

Обуреваемый сомнениями и беспокойством, я постучал в обитую коленкором дверь на втором этаже совсем не разрушенного дома.

— Здравствуйте,— сказал я. Дверь мне открыла стройная, светло-зеленоглазая, с ухоженной прической девушка. Лицо солнца, упавшее из бокового окна, освещало рассыпавшиеся по лицу веселые веснушки. Туфельки на каблуках делали девушку высокой.

— Моя соученица пригласила меня...— начал объяснять я свое появление, не решаясь назвать Шавейко по фамилии.

— Да что с тобой! Это ведь я!

И я сообразил, что дал маху. Передо мною стояла Шавейко, да какая Шавейко!

Много лет спустя, вспоминая школьные годы, я размышлял о том, что, несмотря на голод, смерть, разруху, жизнь пробивалась через все, словно вода сквозь камни, журчала, сверкая, ликнула, и из невзрачных коконов, как всегда происходит на земле, вылетали чудесные бабочки.

А тогда, переступив порог, я приблизил лицо к Шавейко и спросил ее в растерянности:

— Слушай, а как тебя зовут?

— Нина,— рассмеялась она.

И я улыбнулся:

— Нина, поздравляю тебя с днем рождения!

Незримое поле

Клавдии Сергеевне

а Васильевском острове сквозь густую зелень разросшихся деревьев проглядывают постройки больницы, воздвигнутые в конце XIX или в начале нашего века. Крепкая, добротная кладка. Для меня это не только больничный городок, а места, связанные с жизнью моей матери в ее блокадные, самые тяжелые дни... Она здесь работала.

Я уверовал, что страшно человеку ощутить себя вознесенным на гребень счастья, потому что с этого гребня позже можно лететь в зияющую пустоту провала. Разве не так случилось со мной в солнечном июне в Болгарии, когда все, казалось, любили меня и дарили свою ласку. «За братство! За дружбу! Навсегда!» В тот самый миг я и получил известие из дома, что мама умерла. Не было самолета из Софии на Ленинград. Мои друзья не отходили от меня, заботливо выясняли, как же меня отправить. Наконец сказали: «Ты полетишь на грузовом самолете с ящиками черешни прямо в Ленинград...»

Втиснутый в одиночное кресло среди ящиков с ягодами, распространяющими аромат, я лечу растерянный, несчастный... Самолет садится в Ленинграде где-то на краю летного поля, я подхватываю чемоданчик, спускаюсь по трапу и иду по направлению аэропорта. Прохожу через зал, меня никто не останавливает — ни пограничники, ни таможенники. Сажусь в такси и называю свой адрес. Всю дорогу до дома в моем воспаленном мозгу не думы о матери, а переживания, что меня сейчас арестуют за незаконный переход границы. Странно устроена человеческая психика...

Я провожал гроб матери от главного здания ее больницы. Шел по широкому и длинному двору в черном костюме, занесенному белым тополиным яухом. Я ступал по хрусткому шлаку, по гравию, по притоптанной земле, и каждый поворот, фасад, «подсбка» напоминали мне о матери, о ее хлопотливой работе здесь, в больнице.

Какой путь совершила она в непроглядные зимние утра! По Большому проспекту Петроградской стороны, через Тучков мост, по 1-й линии, сворачивала на Большой проспект Васильевского острова и брала по его бесконечному простору до 27-й линии. Путь голодного человека вдоль вмерзших в сугробы трамваев, разбитых, задымленных кварталов, мимо Невы, где копошились саночками и ведрами горожане, добывая из проруби воду. И начинался новый день с новыми смертями, с молчанием умирающих и с их детской надеждой на всемогущество матери.

...Медленно движется катафалк...

...Была у меня до войны учительница немецкого языка, Эльвира Иосифовна. Из петроградских немок. Мы — несколько малых детей — к ней ходили и зубрили немецкую грамматику, а также пытались беседовать на общих темы. По-русски при ней нам запрещалось говорить и, может быть, из нас и вышел бы толк, проучись мы с ней подольше. Во всяком случае, когда мы устраивались возле нее в маленькой комнате на диване и она читала нам сказки братьев Гримм, мы сидели, как завороженные, и пытались постичь сокровенные тайны языка.

Эльвира Иосифовна была одинока и очень следила за своей внешностью. Косметики она на себя не жалела. Ее массивный нос вдвое увеличивался от обилия пудры и кремов, которые она употребляла. Время от времени она доставала зеркальце с длинной ручкой и благосклонно разглядывала себя.

С началом войны я перестал к ней ходить, но поздней осенью моя мать, открыв на стук дверь, с ужасом увидела Эльвиру Иосифовну, съежившуюся, скохнувшуюся. Ее лицо, лишенное всяческих женских ухищрений, выглядело чистым и беззащитным. «Я умираю... Возьмите меня к себе в больницу...» «Успокойтесь, голубушка», — сказала мать, хотя видела ее обреченность.

На следующий день Эльвира Иосифовна, доплывая до приемного покоя, упала в снег, и в помещение ее внесли уже на носилках. Матери удалось положить ее в свою палату, и каждое утро учительница, приподнимаясь, с жадным блеском глаз ждала, какое лекарство ей пропишет мать. У Эльвиры Иосифовны жила несокрушимая вера в лекарства, она считала, что порошки и пилиолы, которые она стремглав проглатывала, вступают в организм в сложные взаимоотношения с кровяными тельцами и усиливают сопротивляемость сердца. «Еще что-нибудь выпишите», — умоляла она и многословно благодарила, когда сестра приносила ей таблетки. Моя учительница держалась и даже становилась бодрее. «Это от препараторов», — твердила она, и — кто знает — не эта ли убедительность подняла учительницу на ноги. Как-то мать сказала: «Можно и на волю, оклемались у нас... Молодцом...» «Да, да, — согласилась учительница, — я уже совсем другая...» И мать с улыбкой отметила, что когда она зашла попрощаться, легкий слой пудры покрывал ее кожу и тонкие губы розовели от помады. Мать сама вывела ее за порог и следила, как учительница ступала по тропке в снегу, не качаясь из стороны в сторону, а впечатывая свой шаг.

Сейчас по этому самому двору движется катафалк.

Сына своей подруги, вихрастого, конопатого Васю мать не узнала в лицо, когда он заявился. Маленький старичок, усохший, как позднеосенне яблочко, с подтеками грязи на щеках, — таким он предстал перед нею. «Мама велела, чтоб я, как она умрет, вас

известил». Он прошамкал эти слова бесстрастно, словно за ним не витала трагедия его собственной жизни. «Похоронил?» — однозначно спросила мать. «На склад свез», — тупо уставясь, произнес мальчик. «На какой склад?» «Да на тот, что моргом называют». И мать ужаснулась точности его слов — действительно, морги превратились в склады, где покойники лежали штабелями и откуда их увозили в братские могилы. «Как жить думаешь, Вася?» Он удивленно, с какой-то странной осмысленностью поглядел на мать и, опустив глаза, ничего не ответил. Да мать и сама поняла неуместность своего вопроса — ну, как ему жить, оставшемуся одному, в доме, где пустота и холод. «Вася, Вася... — печально протянула мать, — приходи-ка ко мне, подумаем вместе...»

Мать размышляла в своем кабинете. «Никакого выхода, никакого...» — повторяла она про себя. И неожиданно, мельком глянув в окно, заметила старика Петровича, водопроводчика, который совсем обезножел и жаловался, что не в состоянии поддерживать сложное водоснабжение больницы, если ему не дадут напарника, хоть в ученики, но шустрого, молодого. «Петрович! — распахнула форточку мать: — Загляни-те!»

«Возьмите его в ученики, — уговаривала Петровича мать, — он такой смекалистый...» «Да ведь что он может?» — почесывал затылок Петрович. «Да он может умереть! А в учениках он будет иметь рабочую карточку!» — в отчаянии воскликнула мать. «Э, матушка...» — протянул Петрович и ничего не добавил. Он поерзал на стуле: «Вам-то он кто?» «Подруга умерла, ее мальчик...» — нехотя, словно утратив волю, выдавила из себя мать. «Ну, да ладно, — стукнулся себя Петрович по колену, — шли, мальца...» Мать с несвойственной ей ревностью подскочила к Петровичу и чмокнула его в щеку. «Чего уж там, — смущился Петрович, — может, и пригодится...»

Мать вымыла Васю в больничной ванной, сама причесала, внушила озабоченно: «Ты только приглянись ему, приглянись!..» Она наполнила Васю чаем с сахарином, поучала: «Соберись весь, умения нет, а сорвистость выяви... мой мальчик...»

А мальчик действительно приглянулся Петровичу, втягивался в дело. И мать иногда с увлажненными глазами наблюдала в окно, как важно шествует Петрович, а за ним семенит с инструментами Вася. Рабочий человек Вася — 500 граммов хлеба в сутки!

Сейчас по этому самому двору движется катафалк...

Распахнутые ворота. Мать выезжает из них, чтобы никогда больше сюда не вернуться. Наверное, никогда больше здесь не буду я.

Многие годы минули с того дня, и боль моя о потере матери не стала глушь, но порою, задумываясь, я словно вижу невидимое для других огромное поле, на котором возникают живые картины добрых дел матери, и мне становится легче.

Привет обезьянам

огда завершался скучный блокадный ужин, мы с матерью оставались наедине с огромным вечером, завывающей метелью, давящей пустотой комнаты. И, чтобы отвлечь меня от тоскливых мыслей, увести от будничного мира, мать пересказывала мне запомнившиеся ей увлекательные книги. Особенно ей нравились сказки Индии. Мать не однажды, мечтательно потягиваясь, подкидывала в печурку полешко и говорила:

— Когда-нибудь непременно съезжу в Индию. Никуда не хочу, лишь в Индию.

Тихо потрескивала коптилка, темные тени от огня, увеличиваясь, колыхались по стене, и лился, лился материнский голос, вдыхая непонятную силу в мое маленькое тельце.

— Конь у магараджи — вороной, на каждой ноге у коня — белые чулочки. Сам магараджа одет в белое одеяние, на голове красуется белый тюрбан, а посрести тюрбана драгоценный камень переливается на солнце. На правом плече магараджи — обезьянка. Народ приветствует своего владыку возгласами, а дети бегут рядом с конем и пытаются привлечь к себе внимание обезьянки.

Сановники при въезде магараджи в город вышли ему навстречу, и главный из них, преклонив колено, протянул повелителю чашу с холодным соком. Магараджа очень хотелось пить, и он жадно принял чашу с напитком. Но, когда он уже подносил ее к губам, обезьянка махнула лапкой, и чаша покатилась по пыльной дороге, расплескивая сок.

— Ах, какая ты неловкая! — нахмурился магараджа. Главный сановник без промедления подал новую чашу, и магараджа с еще большим нетерпением схватил ее. Но обезьянка, подпрыгнув, ударила магараджу лапой по локтю, и чаша закувыркалась в пыли.

Магараджа гневно сдвинул брови:

— Клянусь богами, это животное плохо окончит свои дни!

Когда же и в третий раз обезьянка не позволила выпить благодатный сок своему господину, магараджа приказал казнить обезьянку отсечением головы.

И вдруг в притихшей толпе прозвучал слабый и растерянный голос главного сановника:

— Прости, владыка! Мы потрясены проницательностью твоей обезьянки и видим в ней свой рок. Злоумышленники склонили нас к измене, и мы подготовили для тебя отравленный сок.

Магараджа был так удивлен происшествием, что не тронул своих неверных сановников, а просто послал их в джунгли для строительства военных укреплений, где все они погибли от болезней и укусов змей. А обезьянке велел выдать белые одежды, сам надел на нее белый тюрбан и выделил ей половину своей земли. Так вот и возникло обезьянье царство, где всегда жили разумно и спокойно.

— А что она ела, обезьянка? — перебивал я мать.

— Зелень, фрукты, — перечисляла мать и добавляла, зная, о чем я мечтаю, — и пшеничную кашу...

С приближением весенних дней и тепла материнские рассказы укорачивались, и Индия с ее магараджами и обезьянами упльвала вдаль, бледная и заволакивая дымкой. А когда наши войска перешли в наступление, мы с матерью в свободное время прослеживали их боевой путь на старенькой карте, стараясь предугадать стратегические удары.

...Матери не удалось побывать в Индии, хотя в пятидесятые годы она серьезно думала о туристической поездке туда.

Сам же я попал в Индию спустя много лет после смерти матери. Я посещал индийские города, но они не походили на сказочную Индию моего детства. Где они, благородные магараджи, вороные кони, лукавые царедворцы? По городам Индии, вдавливая пятками в раскаленный асфальт, скользили велорикши; уличный торговец навязывал апельсины за пять рупий; на стройке рабочие вереницей медленно двигались друг за другом, придерживая на плечах плетенные корзины с известью; чад от автомашин забивал аромат цветущих садов...

Но как-то в Бомбее, гуляя по городу, я оказался рядом с роскошным зданием. Это был один из самых дорогих отелей Индии. Швейцар распахнул мне дверь, мягкий свет и прохладный воздух обволокли меня. Я двигался вдоль витрин ювелирных магазинов, и меня ослепляли золото, серебро, бриллианты... Я свернулся за угол коридора и очутился перед сверкающим, журчащим фонтаном, окаймленным яркими цветами. На скамейке у воды сидел герой моих детских снов — благородный магараджа. По крайней мере он мне показался таким — худощавый, в белой одежде и тюрбане. Я замер, не отрывая взгляда от человека взора. Он с удивлением поднял глаза и взглянул на меня, а потом, чувствуя, что молчание делается неприличным, осведомился:

— Нашему гостю нравится Индия?

— Да, — пролепетал я, — извините, вы случайно не магараджа? — Вопрос мой прозвучал явно странно.

— Я бизнесмен, но мой отец был владетельной особой в... — И он назвал небольшой штат в горах.

— А обезьяны там водятся?

— У моего отца водились...

Фантастические мысли пронзали мой воспаленный мозг: уж не его ли отец въезжал вечерами на вороном в мою горькую блокадную жизнь.

— А слуги верно ли служили вашему отцу?

— Почему вы спрашиваете меня об этом?

— Простите! Пожалуйста, простите! Долго объясняться, но Индия помогла мне, мальчику, выжить во время мировой войны.

Легкое недоумение вспыхнуло в глубине его глаз.

— Что касается слуг, то слуги никогда не бывают верны.

— Передайте мои приветы вашим обезьянам.

Индус холдно усмехнулся.

Позже я часто встречал в Индии обезьян, особенно на развалинах старинных крепостей и храмов. Они подходили совсем близко и ждали подачки. Ни одна из обезьян не породила меня своими умственными способностями. Но я верю, что мудрая обезьяна еще попадется мне на пути.

Неоплаченный долг

ожилой профессор Военно-медицинской академии, друг дома, незадолго до моего окончания школы пришел к нам в гости. После чая мать встала у нагретой печи, худенькая от многомесчайной блокады, а профессор расположился в кресле. Он затеял разговор, который — ясно — был уже предопределен матерью.

— Ну, и куда же ты после школы? Послушай старика, тебе надо быть военным врачом. Яркая работа, всегда хлеб в руках, да и форма красавая...

«Хлеб в руках» — это была для меня не отвлеченная формула, а наущенное дело. Я-то хлебу знал цену. Я чувствовал, как затаялась мать, ожидая моего ответа. Мать по-настоящему любила свою профессию. И втайне надеялась, что я пойду по ее стопам. «У тебя хороший, спокойный взгляд, больные поверят ему», — говорила она иногда.

Помню, как до войны, для того чтобы подработать, мама брала по вечерам квартирные вызовы и я увязывался с нею. Она радовалась, что мы вместе, улыбалась, что-то рассказывала мне, легко взлетала по этажам. Я не входил в квартиры, а терпеливо ждал ее на лестнице или во дворе. Хождение с мамой по большим завершалось посещением пирожковой на Малой Садовой, и я до сих пор обоняю запах нежных, тающих во рту слоеных пирожков.

Но нынче мои интересы все больше и больше удалялись от медицины. Я писал стихи, неумелые, корявые, но полные ненависти к врагу. Мать с удивлением слушала мое ритмическое чтение и однажды сказала: «Ты бы о врача написал! Я сочинил поэму «Русский врач», в которой рассказывал о мужестве врача-патриота, попавшего в руки врача.

Эти стихи маме очень понравились, думаю, потому, что они как бы приобщали меня к ее духовному миру. Поззия снилась мне по ночам. Меня приняли в литературную студию Ленинградского Дворца пионеров.

Конечно, я в те дни не постигал до конца великого материнского самопожертвования — мать спасла меня своей заботой от смерти в девяностодневной блокаде. Она просыпалась затемно, чтобы успеть на работу — путь предстоял пеший. Мать подходила к моей кровати, склоняясь надо мной, вслушивалась в мое дыхание. Я тоже просыпался, но лежал неподвижно, стараясь не выдать себя. Мать осторожно поправляла одеяло, плотнее задергивала штору над моей головой — чтоб меньше дуло из окна. Потом она пила чай, уединившись на кухне, мучительно соображая, что мне выделить на завтрак. Она отрезала дольку хлеба, клала в розетку повидло, полученное по талонам «сахар», и заваривала густо чай, еще довоенный, индийский. И почти всегда, уже одевшись в коридоре, возвращалась на кухню и прирезала мне

еще один ломоток хлеба — не выдерживало материнское сердце. Я вставал сразу после ее ухода, едва лишь осторожно захлопывалась дверь, и, умывшись, съедал свой завтрак.

Днем по уговору с матерью я звонил ей в больницу и говорил, что у нас происходит. Обстреляны учащиеся с каждым днем, и она жила на работе в вечном страхе за меня. «Мама, — сообщал я в телефонную трубку, — у нас нормально, только стекло в кухне выпало, напротив дома взорвался...» «Не выходи сегодня на улицу, посиди в коридоре, мой мальчик!» — озабоченно кричала она, слыша с Васильевского острова гул разрывов на Петроградской, где мы жили. С каким взволнованным сердцем спешила она после работы домой! Она влетала в дом, залыхавшаяся, и, не глядя ни на что, обнимала меня и целовала, как после долгой разлуки. Наверное, с тех пор я так привык к материнской нежности и так страдаю без нее даже теперь. Мы садились с ней за стол и хлебали крупяной суп с оставшейся порцией хлеба, и каждый такой ужин был, как праздник, — от ощущения горячей пищи, и от того, что мы живы и вновь вместе. Вечерами мы читали, занимались по хозяйству или мама рассказывала мне что-то о своих больничных новостях. «Ты представляешь, Анохина сегодня с кровати встала, водянка спадает, а все оттого, что я ей хвойный экстракт даю...» Случалось, что муж какой-нибудь большой женщины, прибывший с фронта, дарил маме или кусок сыра, или галеты, или сахар... Мать приносила подарок домой, и я уже по блеску ее глаз в прихожей знал, что у нас радость. Мать ничего не умела скрывать.

Перед сном она закутывала меня, как маленького, подтыкала одеяло, несмотря на мое недовольство, и приговаривала: «Это, чтобы ты калории не растерял, в тепле крепче будешь». И, забываясь в глубоком сне, я подсознательно не раз ощущал мать ночью возле себя — даже ночью ее не покидала мысль: «Как там мой сын?..»

Может быть, я и должен был самопожертвованием отплатить матери, успокоить ее душу, заняться тем на земле, что представлялось матери верным и надежным, не ввергать ее в новые сомнения и тайные терзания?

— Ну, так как же? — повторил профессор.

Я напрягся и, веря самонадеянно и по-мальчишески эгоистично лишь в одно свое жизненное предназначение, ответил:

— Нет, только на филологический.

Мать до хруста скжала пальцы и посмотрела на меня с болезненной грустью. Мне стало не по себе. Так начиналась моя взрослая жизнь.

Я поступил вопреки воле матери, и, наверное, каждый нечестный успех, который мне выпадал впоследствии в жизни, я рассматривал как оправдание перед нею, хотя ее уже давным-давно не было на земле.

Мать

Я приехал в этот южный город по делам. Но таился у меня и иной интерес. Там когда-то жила талантливая девушка, школьница старших классов. Она сочиняла стихи и, наверное, выросла бы в крупную поэтессу. Душа ее была столь нежна, столь не принимала никакой неправды, что жила она на свете нелегко. Девушка разочаровывалась, восторгалась... И оставалась чистой, как чист жемчуг, омытый родниковой водой. Однажды классная руководительница, погорячившись, обвинила ее в том, к чему девушка не имела никакого отношения. Пораженная такой несправедливостью, девушка не смогла совладать со своими переживаниями, духовная ее сила надломилась, и она покончила с собой.

Горе матери было безмерно. Школьная учительница, она почувствовала, что больше преподавать не сможет. Входить в класс и видеть молодые, беззаботные лица ровесников своей дочери — все это ранило ее напоминанием о потере. И она ушла на пенсию.

Я написал в статье несколько абзацев о ее дочери как о яркой поэтессе, и мать откликнулась на мою публикацию и просила меня, если я окажусь в ее городе, навестить их дом.

Освободившись от дел, я отправился к матери. Шел по зализтым солнцем улицам, вдыхая аромат спелой черешни, роскошных алых, белых и желтых роз, юдистый запах теплого моря, и верилось, что только радость и веселье могут царить здесь. Отклонившись от центра, я вошел в старинную часть города. Белые высокие стены скрывали дома, черепичные крыши чешуйчато переливались на солнце, буйная пестрая зелень нависала над плитами тротуара.

Я постучал в калитку. Калитка отворилась, и передо мной предстала стройная женщина в черном платье. Ее лицо, особенно подглазья, отсвечивали темными бликами.

Нет, она не плакала при мне, хотя мой приход остро напомнил ей о дочери. Она провела меня в тесную

комнату дочери, из окна виднелись морские птицы — гларусы, парящие в синеве и кричащие, как обиженные дети.

— Вот здесь, — повела рукой мать, — стояла ее кровать, два стула, стол...

С портрета глядела дочь, своей девической внешностью повторяя мать.

И вдруг... дверь в комнату распахнулась, как от ветра, и влетела маленькая девочка с двумя заплаканными косицами, с живыми карими глазами, порывистая и шаловливая.

— Моя дочка, — сказала мать. Я промолчал, про себя удивившись, потому что считал, что погибшая дочь была единственной. — Почитай нам стихи... — попросила мать.

— Сейчас не могу! — в детской непосредственности восклинула девочка. — Мы с Марией играем... Дай нам орешек!

Она выпорхнула так же легко, как и влетела.

Мать проводила ее взглядом.

— Когда дочь погибла, я поняла, что не смогу жить без нее. Места себе не находила. Тоска давила и физически сжимала горло. Мы с мужем решили удочерить девочку из сиротского приюта. Ее и выбрали. Четыре года ей тогда исполнилось. Взяла я ее на руки, говорю: «Я — твоя мама, и теперь мы поедем домой!» А она, малышка, отвечает серьезно: «Я знаю, что ты моя мама, но только почему ты в черном платье, ты ведь ходила в другом?.. Я тебя больше никуда не пущу!..» И я, пожилая женщина, и она, малый ребенок, потянулись друг к другу с такой жизнетворящей властью, что у меня голова закружилась... Как младшая дочь она мне, родная...

— А если соседи скажут ей правду? — спросил я.

— Наверно, скажут, — вздохнула мать. — Всякие люди есть. Но я уверена, что девочка поймет — я ее так воспитала...

Вскоре я ушел и долго скитался по городу, размышлял, убеждаясь в том, что победить горе можно только щемящей и бесконечной человеческой любовью.

Конкурс эрудитов «ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ»

Второй тур

Судя по письмам, поступающим в редакцию, тема нашего очередного конкурса эрудитов нашла горячий отклик в сердцах читателей.

Участвовать во втором туре конкурса «Знай свою Родину» может каждый читатель. Условия остаются прежними. Работа должна состоять из двух частей. В первой участник отвечает на вопросы в том порядке, как они заданы. Во второй части надо прокомментировать свои ответы. Чем полнее и интереснее эти комментарии, тем лучше и весомее шансы на победу.

Для участников второго тура редакция учредила 30 призов — книги и дипломы «Смены».

Вопросы на этот раз таковы:

1. Над памятником В.И. Ленину у Финляндского вокзала в Ленинграде работали три человека. Назовите их. Кто из них начал создавать памятник еще до того, как в апреле 1924 года был объявлен всесоюзный конкурс на проект? Где взяли бронзу, чтобы отлить памятник?

2. Кавалерийский трубач написал в 1912 году марш, ставший знаменитым. В соровую годину он прозвучал на историческом параде на Красной площади. Оркестром руководил автор марша, полковник Советской Армии. Назовите марш, его автора и дату парада.

3. На станции метро «Измайловский парк» в Москве есть скульптурный образ крестьянина из села Куракино Псковской области. Кто этот крестьянин и за что удостоен столь высокой чести?

4. В 1918 году был момент, когда в Туркмении оставался единственный клочок земли, над которым реял красный флаг. Где именно? Как называется украинское село, ополчение которого стало ядром Красной гвардии, давшей решительный отпор белогвардейцам, интервентам и басмачам?

5. Назовите первого комсомольца, полетевшего в космос. Какие города у нас и за рубежом называли его своим почетным гражданином?

6. Медалью «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» была награждена советская школьница, хотя она знает войну лишь по книгам и кинофильмам. Назовите ее. Кто и за что представил ее к этой награде?

7. У Алексея Стаканова было много последователей. Назовите первых стакановцев-каменщиков.

8. «Люблю тебя, булатный мой кинжал, товарищ светлый и холодный», — писал М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Кинжал». Кто подарил поэту это оружие, которым он очень дорожил?

9. Замечательный ученый, он вместе с артиллерийским поручиком А. Энгельгардтом создал на собственные средства первую в России учебную химическую лабораторию. Магистрскую диссертацию защищал в Петербургском университете. Оппонировал на защите молодой приват-доцент, впоследствии прославившийся русской наукой. Интересно, что через несколько лет первый ученый был официальным оппонентом у второго на защите его докторской диссертации. Назовите обоих ученых.

10. Где находится самый первый в нашей стране «Музей хлеба»? Кто его создал?

11. Стихотворение советского поэта, написанное в 1926 году, было вскоре переведено на многие языки мира. Оно стало любимой песней бойцов интернациональных бригад республиканской Испании. Четыре строки из него высекли на памятнике Мате Залке, погибшему на фронте в 1937 году. Позже это стихотворение стало гимном заключенных в Маутхаузене. Назовите стихотворение и его автора.

12. Как был назван первый отечественный токарный станок, в котором не было ни одной купленной за границей детали?

13. Когда и где впервые выступила первая оперная певица Азербайджана?

14. Много различных деревянных судов и суденышек плавали в давние времена по Волге. Назовите хотя бы 15 из них.

15. Как вы думаете, почему шведский ученый Карл Линней, создавая первую систематику флоры и фауны, присвоил классическому виду фазана название «Фазанус-колхикус»? Как произошло само название фазана?

При подготовке вопросов были использованы письма читателей В.Гужова из дер. Копалинская Архангельской области, М.Лобанова из Ферганы и Л.Черновой из Светогорска Ленинградской области.

Успехов вам, дорогие читатели! Ждем ваших писем с домашними работами. Последний срок отсылки ответов на вопросы второго тура — 5 июля.

Антис КАНАКИС
(Кипр)

В этом возрасте

Именно в этом возрасте
победил
все свои комплексы.
Говорил с нею свободно.
Не стеснялся
держать ее руку
и целовать на улице.
И твердо говорить, когда надо:
«Это мое мнение,
я на этом настаиваю».
Именно в этом возрасте
оказался на передовой
с оружием в руках.
Не вернулся.
Годы прошли.
Она разделила
жизнь свою с другим.
Родила детей.
Волосы поседели.
Но часто она
закрывается
в своей комнате
наедине с ним—
он улыбается с фотографии
и остается в том же возрасте.

Убейте меня

Когда убийцы придут,
я скажу: — Убейте меня,
если слов бояться моих,
оружия нет у меня.
Но не трогайте детей
и мою жену,
иначе молния моей любви
расколет вас
пополам.
Иначе пламя моей любви
вас испепелит
и от вас останется только
ваши оружие,
блестящее сквозь пепел.

Когда ты уйдешь

Когда ты уйдешь,
я брошу тебя искать
среди деревьев,
в траве
и цветах.
В звездных небесах.
Буду тебя искать
в книгах,
на улицах,
на перекрестках,
где мы играли, где вместе
были подростками.
Буду искать в толпе тебя,
двадцатилетнюю девушку
с гвоздикой в руке.
В озерных водах
буду искать
твои голубые глаза.
И, если не найду тебя,
темнота печали
тесно обступит меня,
потому что мой бедный,
маленький стих
не может вместить тебя.

Деревья

Деревья
наблюдают нас
с тревогой,
изучая нашу историю.
Столько лет ушло,
а мы не научились
обращаться с ними,
разговаривать,
любить их
и любить друг друга.
Столько лет ушло, еще убиваем,
и нас убивают.
Одни из нас видят утром,
как с деревьев
 капают слезы.
Другие ночами
 слышат,
 как вместе с ветром
 деревья шепчут:
 «Какие странные,
 непонятные существа
 эти люди».

О мире

Война — черная рука,
сжимающая нож
и сеющая смерть.
Она срезает цветы.
Она пополам разрезает любовь.
Убивает улыбку.
Ранит песню.
Эта черная рука — над нами.
Поднимите руки
и не дайте ей опуститься на нас.
Ради улыбок наших детей.
Ради хлеба,
ради книги.
Ради завтраших людей.

Песня рабочего

Что бы там ни говорили,
но мир держится
на наших плечах.
Они за спиной,
штыками покалывают нас.
Они в кабинетах
болтают о философии,
о политике.
Мы на лесах,
с мастерками в руках.
Нас обжигает
солнце.
Мы вперед
выставляем
 знамена.
Теряя сознание, падаем
и наступаем
вновь.
Нашиими павшими
торгуют
в газетах
и на митингах.
Что бы там ни писали,
что бы ни говорили,
правда — это звезда.
Тяжелую глыбу истории
мы несем на плечах.

И по-другому убивать умеют

Мой друг,
убивают не только
бомбами, гранатами,
жаждыми ножами,
бактериями,
нейтронами,
атомом и газом —
есть способы изощренней.
И по-другому убивать умеют.
Словами, молчанием,
забвением,
холодным взглядом,
который, как игла,
прокалывает сердце.
Тогда смерть медленная.
Жестокая! Беспощадная!

Я не умер для тебя

Я не умер для тебя,
не погиб в горах Пентабактило,
и танк меня не раздавил,
как тебе говорили,
и дикие птицы меня
на куски не порвали.
Я не умер для тебя.
Когда пьешь воду,
ты видишь меня в стакане.
Ты видишь меня,
умываясь утром,
даже когда мыло попадает в глаза.
Ты меня обнимаешь во сне,
и я долго целую тебя.
Я прячусь за страницей книги,
которую ты читаешь.
Я для тебя не умер.
Но это — наша тайна,
никому ни слова об этом,
иначе ты потеряешь меня навсегда.

Вальс

Оле

Когда мы танцуем,
ты пускаешься путешествовать
по огромной своей родине
на крыльях вальса.

Злой маг за тобой охотится,
и ты — тревожная лебедь,
спешащая к озеру — ищешь спасенья.

А потом зеленая степь
возникает в твоих глазах,
и через мгновение луховый снег
ее застилает.
Звучит издалека бубенчик тройки,
и Волга течет величаво.
Смеркается.

У Мавзолея Ленина
сменяется караул.
Каменный Маяковский читает
новые стихи.
Но кончается вальс, оставляя
твое сердце
под скальпелем ностальгии...

Перевел с греческого
Петр ВЕГИН.

Сергей
МНАЦАКАНЯН

Художник

Ладонью смять сырую глину,
следить в полете зимних птиц...
А жизнь подталкивает в спину —
опаздываешь! Торопись!

Живешь, наращивая темпы,
сиюминутной мающей,
срываясь голос, портишь нервы,
уже не очень молодой.

Оломниться б от этой гонки
и воздуха перехватить
и попросту побить в сторонке —
судьбу свою не торопить...

Пятница

В пятницу — снег, как пух,
вял с восьми до двух,
чайки взлетают — ух,
перевести бы дух...

Красные лапки птиц —
крестики на песке,
клинопись тех страниц
тает на сквозняке...

Словно бы время здесь
замерло... Темный лес,
прозелен на коре —
пятнами в серебре...

Пригород в январе,
вечер и полуночь,
лампы, как в янтаре,
вкрученные в дома.

Славлю простую жизнь —
улички без кривизн,
чудо без дешевизн,
совесть без укоризн!

Северный ветер суров,
пена у берегов,
хлопья сквозных снегов
вроде белых стихов...

Славлю вечерний свет,
снег от восьми до двух,
право, не помня бед,
чак кормить из рук.

*

Вот корова. Она белобрыса.
Вот теленок. Он чуточку лег.
Вот поет безымянная птица —
это тоже чуть-чуть человек.
Вот крадется в лесах Подмосковья
волк, что выжил, а как — не поймет,
вот сохатый, обятый любовью,
гордо брачную песню ревет.
Так, не зная тоски и свободы,
восславляют свое бытие
несмышеные дети природы —
гениальные дети ее...

*

А дети растут без отца.
Так часто такое бывает,
так ранит,
но не убивает,
так мучит,
но не до конца.

А время идет тяжело,
но нежная вырастет дочка,
но сын улыбнется
светло,
и счастлива мать-одиночка.

А время все легче идет —
и все осторожней ступает
по душам,
а в душах светает
и поздней метелью
метет...

Литературный глобус «Смены»

Артур
КОНАН ДОИЛ

РОМАН

Райна Грана

Над этим романом (одно из последних произведений о Шерлоке Холмсе) знаменитый английский писатель работал в 1914—1916 годах. Он решил еще раз вернуться к столкновению Шерлока Холмса с профессором Мориарти, которое завершилось в рассказе «Последнее дело Холмса», и показать, как оно начиналось. Сюжетно этот роман, не публиковавшийся на русском языке ни в одном из многочисленных сборников, ни в собрании сочинений писателя, с рассказом никак не связан. Весьма примечательно, что, хотя действие в романе развивается в 70—80-х годах прошлого века, писатель словно предвидел, какую зловещую роль обретут в странах западного мира всевозможные террористические организации, суть которых определяется религиозным или политическим фанатизмом. События последних лет, связанные, скажем, с разоблачением масонской ложи П-2, придают современный характер беспощадным оценкам, которые дал писатель масонам того времени.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТРАГЕДИЯ В БЁРЛСТОУНЕ

Глава первая

Предупреждение

— Е думаю... — начал было я.
— Да, уж если кому думать — так мне, — буркнул Холмс, не дослушав.

Пожалуй, я один из самых долготерпеливых смертных; но, должен признаться, меня задело это ехидное замечание.

— Послушайте, Холмс, — сказал я строго, — вы порой бываете невыносимы.

Но он был слишком погружен в собственные мысли, чтобы ответить мне. Он сидел перед нетронутым завтраком и изучал листок бумаги, только что извлеченный им из конверта. Затем он взял сам конверт и проглядел его на свет изнутри и снаружи.

— Это от Порлока, — задумчиво проговорил он. — Не сомневаюсь, что от Порлока, хотя лишь дважды до этого получал его послания. Характерное греческое «Е» с пышной завитушкой наверху. Но если это от него, то, должно быть, нечто величайшей важности. — Он говорил больше для себя самого, чем для меня. Но мое раздражение отступило перед интересом, вызванным его словами.

— Что за Порлок? — спросил я.

— Порлок — это условное имя, Уотсон, простое обозначение; но за этим обозначением скрывается хитрый и увертливый человек. В первом своем письме он честно меня предупредил, что пишет не под собственным именем, так что я никогда его не разыщу среди миллиона населения великого города. Порлок привлекателен не сам по себе, а благодаря великому человеку, с которым он связан. Представьте рыбью-лоцмана рядом с акулой, шакала рядом со львом — что-либо примечательное своей дружбой с грозным, не только грозным, Уотсон, но и зловещим, в высшей степени зловещим. Вот почему он попал в поле моего зрения. Вы слышали от меня о профессоре Мориарти?

— Знаменитый ученый-преступник, настолько же знаменитый среди нарушителей закона, насколько...

— Краснею, Уотсон, — пробормотал Холмс.

— Я только хотел сказать, насколько он неизвестен публике.

— Попадание! Прямое попадание! У вас, Уотсон, появилась несомненная и неожиданная жилка лукавого юмора, которого я еще не научился остерегаться. Однако же вы, назвав Мориарти преступником, можете ответить по закону за клевету — вот что всего прелестней! Величайший интриган всех времен, организатор всей чертовщины, мозг, управляющий преступным миром, мозг, способный играть судьбами наций — таков этот человек! Но настолько далекий от подозрений, настолько недоступный для критики, так восхитительно осторожный и незаметный, что за сказанные вами слова он мог бы привлечь вас к суду и лишить вас годового дохода в качестве возмещения за поруганную репутацию. Клевещущий доктор и оклеветанный профессор — вот как распределются ваши роли. Но и наш день обязательно придется — если до того со мной не покончит тот, кто помельче.

— Хотелось бы увидеть это! — искренне отозвался я. — Но вы говорили об этом человеке, о Порлеке.

— Ах, да! Так называемый Порлок. У него есть некийrudimentum совести, и к тому же я благородно и незамедлительно подобрал его десятифунтовой банкнотой, посланной окольным путем. Не сомневаюсь, что если бы у нас был шифр, мы прочли бы сообщение величайшей важности.

Холмс опять расправил бумажку над своей нетронутой тарелкой. Я привстал и, наклонившись над ним, уставился на странную надпись, выгравированную так:

534 K2 13 127 36 4 17 21 41
ДУГЛАС 109 293 5 37 БЁРЛСТОУН
26 БЁРЛСТОУН МЭНОР 9 47171

— Что это такое, Холмс?

— Как видите, попытка передать секретную информацию.

— Но какой смысл в шифрованной записке без ключа?

— Пока что — никакого.

— Почему «пока что»?

— Потому что есть много шифров, которые я мог бы прочесть так же легко, как прочитываю апокрифы в колонках газетных объявлений: примитивные схемы, которые забавляют ум, не утомляя его. Но здесь другое. Это, несомненно, указания на слова со страницы какой-то книги. Пока я не знаю, что за страница и что за книга, я бессилен.

— Но почему «Дуглас» и «Бёрлстоун»?

— Конечно, потому, что этих слов не было на нужной странице.

— Почему же он тогда не обозначил книгу?

— Ваша природная проницательность, Уотсон, та врожденная прозорливость, которая приводит в восхищение ваших друзей, и вам бы не позволили отправлять шифр и ключ в одном конверте. Если все вместе попадет не по адресу — вы пропали. Однако вот-вот придет вторая почта, и я буду очень удивлен, если мы не получим ни письма с более полной информацией, ни, что более вероятно, тот самый том, к которому относятся эти значки.

Предположения Холмса подтвердились через несколько минут, когда Билли, слуга, принес ожидаемое нами письмо.

— Вот оно! — заметил Холмс, открывая конверт. — То, что нам нужно, — добавил он радостным голосом, развертывая записку. — Теперь мы сдвинемся с места, Уотсон. — Читая письмо, он помрачнел.

— М-да, какое разочарование! Я боюсь, Уотсон, что наши ожидания не оправдались. Надеюсь, Порлок не пострадает.

«Дорогой мистер Холмс! — говорилось в письме. — Я больше не занимаюсь этим делом. Слишком опасно. Он подозревает меня. Он тихо и неожиданно вошел как раз в то время, когда я только что надписал конверт, намереваясь отправить вам ключ. Я умудрился прикрыть конверт. Если бы он его увидел, все обернулось бы для меня очень плохо. Но я прочел подозрение в его глазах. Пожалуйста, сожгите шифрованную записку, от которой вам теперь нет никакой пользы.

Фред Порлок».

Холмс некоторое время сидел, вертя письмо в руках и хмуро уставясь в огонь.

— Однако же, — сказал он наконец, — ничего страшного могло и не произойти. Всего лишь игра больного воображения. Ему, знающему о собственной измене, могло почудиться подозрение в глазах другого.

— «Другой» — это профессор Мориарти?

— Ну да! Когда кто-то из них говорит «он», сразу можно понять, кого они имеют в виду. «Он» для них единственный и неповторимый.

— Но что он может?

— Гм! В двух словах не ответишь. Когда у тебя одни из лучших мозгов в Европе и все силы тымы за спиной, возможности твои неограничены. Во всяком случае, дружище Порлок явно выбит из колеи. Сравните почерк, которым надписан конверт, и почерк самого письма. Конверт надписан до зловещего визита. Почерк четкий. В письме — еле разборчив.

— Но почему он вообще написал? Почему просто напросто не оборвал связь с вами?

— Потому что боялся, что я начну его разыскивать и наяву ему на него беду.

— Да-да, — кивнул я, взял в руки шифрованную записку и начал ее рассматривать, хмуря брови. — С ума можно сойти, как подумаешь, что здесь, на этом кусочке бумаги, сообщен важный секрет и вне человеческих сил проникнуть в него.

Холмс отодвинул так и нетронутый завтрак и раскрыл свою отвратительную трубку, неизменную спутницу его глубочайших размышлений.

— И все-таки! — сказал он, откладываясь в кресле и глядя в потолок. — Возможно, здесь есть пункты, которые ускользнули от нашего макиавеллиевского интеллекта. Давайте рассмотрим проблему в свете чистого разума. Порлок использовал какую-то книгу. Вот отправная посылка.

— Что-то очень неопределенное.

— Посмотрим, не можем ли мы сузить наш круг. Сейчас, когда мой ум мобилизован, это кажется мне менее недоступным. Какие есть у нас приметы этой книги?

— Никаких.

— Ну, ну, все вовсе не так плохо. Шифр начинается с большого числа, 534, так? В качестве рабочей гипотезы мы можем принять, что 534 — та самая страница, которая содержит ключ. Следовательно, наша книга — большая книга, и это уже что-то. Есть ли еще указания на вид этой книги? Следующий значок — K2. Что вы думаете об этом, Уотсон?

— Колонка?..

— Великолепно, Уотсон! Сегодня вы в ударе. Если это не колонка, то я очень сильно заблуждаюсь. Итак, вы видите, перед нами начинает вырисовываться большая книга, напечатанная в две колонки, каждая из которых значительной длины, поскольку одно из слов в этом документе помечено числом 293. Дошли мы до пределов того, что можно узнать?

— Боюсь, что дошли.

— Вы наверняка несправедливы к себе. Еще одна искорка, дорогой Уотсон, еще одно движение мысли! Если бы этот том не был обыкновенным, он бы приспал мне его. Однако же перед тем, как его планы были нарушены, он намеревался прислать мне ключ в этом конверте. Он говорит об этом в записке. Это означает, что книга относится к таким, которые, как он думал, я смогу без труда найти. У него она есть — и он считал, что у меня она тоже есть. Итак, Уотсон, это обычная книга.

— То, что вы говорите, звучит весьма правдоподобно.

— Значит, наше поле поисков сужается до большой книги, напечатанной в две колонки и находящейся во всеобщем употреблении.

— Библия! — торжествующе вскричал я.

— Хорошо, Уотсон, хорошо! Но, если можно так сказать, недостаточно хорошо! Даже если я приму этот комплимент по отношению к себе, я вряд ли смогу назвать книгу, менее подходящую для того, чтобы лежать у локтя одного из помощников Мориарти. Кроме того, издания Святого Писания настолько многочисленны, что вряд ли можно предположить, будто два экземпляра будут иметь одну и ту же нумерацию страниц. Это, несомненно, стандартизированная книга. Он определенно знал, что его страница 534 наверняка совпадет с моей страницей 534.

— Но очень мало книг отвечают этому требованию.

— Разумеется. И в этом наше спасение. Наша задача сузилась до стандартных книг, которые предположительно есть у каждого.

— Бредшоу!

— Здесь есть трудности, Уотсон. Словарь Бредшоу точен и выразителен, но ограничен. Отбор слов вряд ли позволит составлять из них записи. Мы должны отвергнуть Бредшоу. Словарь, боюсь, в нашем случае не годится. Что остается?

— Альманах!

— Великолепно, Уотсон! Я очень ошибусь, если вы не попали в цель. Альманах! Давайте посмотрим, насколько соответствует нашим требованиям Уитейкерский Альманах. Он в общем употреблении. У него нужное нам количество страниц. Он печатается в две колонки. Будем держать в уме словарь, но наши поиски, если я угадал правильно, пришли к концу. — Он взял книгу со своего стола. — Вот страница 534, колонка 2. Что-то, насколько я вижу, о торговле и ресурсах Британской Индии. Записывайте, Уотсон! Номер триада — «Махратта». Немного обещающее начало. Номер сто двадцать семь — «правительство»; непохоже как-то, чтобы это имело отношение к нам и к профессору Мориарти. Но попробуем дальше. Чем это «правительство Махратты» занято? Увы! Следующие слова — «свинья щетина». Это поражение, дорогой Уотсон! Мы зашли в тупик!

Он говорил шутливым тоном, но подрагивание бровей выдавало его разочарование и раздражение. Я сидел, глядя на огонь с беспомощным и несчастным видом. Долгое молчание было нарушено внезапным взглазом Холмса, бросившегося к шкафу и доставшего другой том в желтой обложке.

— Мы расплачиваемся, Уотсон, за то, что слишком современны! Мы опережаем время — и несем заслуженное наказание! Сейчас седьмое января, и мы полезли в новый альманах. Но ведь, вероятней всего, Порлок составлял свою записку по прошлогоднему. Да-да, именно прошлогодний был бы указан в его письме. Теперь посмотрим, что нам предложит страница 534. Номер 13 — «внимание». Номер 127 — «опасность». Глаза Холмса пылали от возбуждения, тонкие нервные пальцы подергивались, отсчитывая слова. — «Опасность! Ха! Ха! Превосходно! Записывайте, Уотсон. «Внимание — опасность — может — угрожать — очень — скоро — одному» — здесь у нас имя: Дуглас. «Богатому — сельскому — жителю — Бёрлстоун — имение — Бёрлстоун Мэнор — сообщение — строго — неотложно». Вот, Уотсон! Что вы думаете о чистом разуме и его плодах? Если у зеленщика найдется такая вещь, как лавровый венок, то стоило бы послать за ним Билли.

Я разглядывал странную записку, которую нацарапал на листке бумаги, лежавшем у меня на колене, пока Холмс расшифровывал слово за словом.

— Что за вывихнутая, нелепая манера выражения мыслей! — сказал я.

— Напротив, все сказано очень хорошо, — ответил Холмс. — Когда ты пользуешься только одной колонкой, отбирая подходящие по смыслу слова, то чем-то приходится жертвовать. Основное вполне понятно. Что-то дьявольское затевается против Дугласа, являющегося, как указано, «богатым сельским джентльменом». Порлок уверен, что это «неотложно». Вот результат — и он получен благодаря весьма искусному анализу!

Холмс радовался своей удаче бескорыстной радостью истинного художника, точно так же, как он глубоко переживал любое падение с того высокого

уровня, к которому стремился. Он все еще наслаждался победой, когда Билли распахнул дверь и в комнату вошел инспектор Макдональд.

В то время, в конце восемидесятых годов, Алек Макдональд был еще далек от национальной славы, достигнутой им в наши дни. Он был тогда молодым, но многообещающим работником Скотланд Ярда, проявившим себя в нескольких порученных ему делах. Его высокая, ширококостная фигура говорила о необычайной физической силе, а большой череп и глубоко сидящие, сверкающие глаза давали не менее ясное представление о проницательном и остром уме, светившемся под густыми бровями. Был он молчалив и педантичен, с непреклонным характером. Его шотландское происхождение выдавало сильный абердинский акцент. Дважды Холмс помог ему добиться успеха, причем его собственной душевной наградой была интеллектуальная радость от решения проблемы. По этой причине уважение и почтение шотландца к своему коллеге-любителю были полными и проявлялись в искренности, с которой он обращался к Холмсу при всех трудностях. Посредственность не знает ничего выше себя самой; но талант всегда распознает гения, и Макдональд был достаточно талантлив в своей профессии, чтобы не видеть ничего унизительного в обращении за помощью к тому, кому не было равных в Европе ни по одаренности, ни по опыту. Холмс вообще-то был скончан на дружбу, но он симпатизировал рослому шотландцу и улыбнулся, увидев его.

— Вы ранняя пташка, Мак, — заметил он. — Желаю вам удачи в поисках корма. Боюсь только, это означает, что произошло что-то неприятное.

— Если бы вы сказали «надеюсь» вместо «боюсь», это было бы более соответствовало истине, — возразил Макдональд с понимающей улыбкой. — Но... Но...

Он внезапно остановился и уставился в полном изумления на бумажку, лежавшую на столе. Это был листок, на котором я накорябал загадочную записку.

— Дуглас! — заикаясь, проговорил он. — Бёрлстоун! Что это такое, мистер Холмс? Это колдовство! Ради всего святого, откуда вы взяли эти имена?

— Это шифр, который мы с доктором Уотсоном имели случай раскрыть. Но что такого в этих именах?

Инспектор потрясенно переводил взгляд с одного из нас на другого.

— Только то, — сказал он, — что мистер Дуглас из Бёрлстоун Мэнор Хауз был зверски убит вчера вечером!

Глава вторая

Шерлок Холмс разъясняет

Это был один из тех драматических моментов, для которых создан мой друг. Было бы слишком сказать, что он потрясен или даже взволнован удивительным сообщением. Ни следа ужаса, который испытал я сам после кошмарной новости: скорее его лицо приобрело спокойное и заинтересованное выражение химика, наблюдающего образование кристаллов в насыщенном растворе.

— Замечательно! — сказал он. — Замечательно!

— Вы, кажется, не удивлены.

— Заинтересован, мистер Макдональд, но вряд ли удивлен. Почему я должен удивляться? Я получаю анонимное сообщение из источника, весьма, насколько мне известно, важного, о том, что такому-то человеку угрожает опасность. Менее чем через час я узнаю, что эта опасность материализовалась и данный человек мертв. Я заинтересован, но, как видите, не удивлен.

Он вкратце объяснил инспектору все факты насчет письма и шифра. Макдональд сел, уперев ладони в подбородок и наморщив свои огромные брови песочного цвета.

— Я как раз собирался отправиться в Бёрлстоун, — сказал он. — И хотел узнать, не отправитесь ли вы со мной — вы и ваш друг. Но теперь я вижу, что, наверное, лучше остаться для расследования в Лондоне.

— Думаю, что нет, — ответил Холмс.

— Но взвесьте все, мистер Холмс! — вскричал инспектор. — В газетах сообщение о загадке Бёрлстоуна появится только завтра или послезавтра; но где же загадка, если в Лондоне есть человек, знавший о преступлении еще до того, как оно было совершено? Мы должны только схватить этого человека, а все остальное приложится.

— Несомненно. Но как вы собираетесь добраться до так называемого Порлока?

Макдональд вертел в руках конверт, протянутый ему Холмсом:

— Отправлено из Камбервилля — это нам не очень поможет. Имя, вы говорите, ненастоящее. Но вы же говорили, что посыпали ему деньги?

— Дважды.

— И как?

— В банкнотах на камбервилльскую почту.

— Вы не пробовали выяснить, кто приходит за ними?

— Нет.

— Но почему?

— Потому что я всегда играю честно. Я обещал ему, когда он в первый раз написал мне, что не буду стараться выяснить, кто он такой.

— Вы думаете, за ним кто-то есть?

— И я знаю, кто.

— Этот профессор, о котором я от вас уже слышал?

— Разумеется.

Инспектор Макдональд улыбнулся, и его веки дрогнули, когда он взглянул в мою сторону:

— Не скрою от вас, мистер Холмс, что мы в Скотланд Ярде считаем вас немножко преувеличивающим, когда дело доходит до профессора. Я сам предпринял небольшое расследование. Он кажется мне очень респектабельным, образованным и талантливым человеком.

— Рад за вас, что вы сумели разглядеть талант.

— Господи, да кто же его не разглядит! Услышав вашу точку зрения, я счел своим долгом познакомиться с ним. Мы говорили об энтомологии. Как о ней зашел разговор, я вспомнил не могу; но он взял рефлекторный фонарь и глобус, и меньше чем за минуту мне все стало абсолютно ясно. Он одолжил мне книгу, честно скажу, она оказалась мне не по зубам, хотя у меня хорошее абердинское воспитание. Он производит большое впечатление своим худым лицом и седыми волосами, торжественной манерой разговора. Когда во время нашего расставания он положил мне руку на плечо, это было как отцовское благословление перед выходом в «холодный и жестокий мир».

Холмс усмехнулся, потирая руки:

— Великолепно! Великолепно! Скажите, Макдональд, эта приятная и волнующая беседа проходила, я полагаю, в профессорском кабинете?

— Точно так.

— Прекрасная комната, правда?

— Очень хороша, разумеется, мистер Холмс.

— Вы сидели перед его письменным столом?

— Именно.

— Солнце в ваши глаза и его лицо в тени?

— Был уже вечер; но я припоминаю, что лампа была повернута на меня.

— Это уж несомненно. Вы случайно не заметили картину над головой профессора?

— Я пропустил немногое, мистер Холмс. Может быть, я научился этому от вас. Да, я видел картину — девушка, склонившая голову на руки, смотрящая на вас немного искоса.

— Это работа Жана-Батиста Грэза.

Взгляд инспектора сделался отвлеченным:

— Да что в целом свете может связывать работу умершего художника с происшествием в Бёрлстоуне?

— Всякое знание полезно для детектива, — ответил Холмс. — Даже тот тривиальный факт, что в 1865 году на Порталиской распродаже эта картина была оценена в один миллион двести тысяч франков. То есть больше чем в сорок тысяч фунтов стерлингов. Это не наводит вас на размышления? Могу напомнить вам, что жалованье профессора составляет семьсот фунтов в год.

— Но как тогда он мог ее купить?..

— Именно! Как он мог?

— Да, занятно, — задумчиво сказал инспектор. — Продолжайте, пожалуйста, мистер Холмс. Мне это начинает нравиться. Это здорово!

Холмс улыбнулся. Он всегда оттаивал перед искренним восхищением — черта настоящего мастера.

— А что с Бёрлстоуном? — спросил он.

— Еще есть время, — ответил инспектор, взглянув на часы. — Кеб ждет у двери, до вокзала Виктория нам ехать двадцать минут. Но об этой картине. Помните, вы говорили, что никогда не видели профессора. Откуда же вы знаете его комнаты?

— Ну, это совсем другое дело. Я трижды бывал у него. Дважды — сидя и дожидаясь его под различными предлогами и уходя перед самым его приходом. В третий раз — трудно вымолвить перед лицом официальным — да, в последний раз я имел смелость порыться в его бумагах: с самыми неожиданными результатами.

— Вы что-нибудь нашли?

— Абсолютно ничего. Вот что меня изумило. Однажды вы сами видели картину. Значит, он должен быть очень богат. Но откуда его богатство? Он не женат. Его младший брат — начальник железнодорожной станции на западе Англии. Его оклад — семьсот фунтов в год. И он владелец Грэза?

— Так, и?..

— Объяснение напрашивается.

— Вы хотите сказать, у него огромные нелегальные доходы?

— Да. Разумеется, у меня есть и другие причины так думать — дюжины малозаметных нитей, косвенно приводящих к центру паутины, где затаялась в неподвижности ядовитая тварь. Если я заострю внимание

ние на Грэзе — так потому, что хочу ознакомить вас с делом с помощью того, что вы видели своими глазами.

— Ладно, мистер Холмс, я согласен: все, что вы говорите, очень интересно. Даже более — это великолепно. Но проясните немного, если можно. Откуда эти деньги: что он, фальшивомонетчик, грабитель, мастер подлогов?

— Вы когда-нибудь читали о Джонатане Уайлдье?

— Вроде имя звучит знакомо. Кто-то из романа, да? Я равнодушен к сыщикам из романов: все-таки у них получается, а как и почему, они сами над этим не задумываются. Работают по вдохновению. Нет, это несерьезно.

— Джонатан Уайлд не был сыщиком, и он не из романа. Это великий преступник, и жил он в прошлом веке — в 1750-х годах или около того.

— Тогда не вижу в нем никакой пользы для себя. Я человек практический.

— Мистер Мак, самой практической вещью в вашей жизни было бы запереться от всех на три месяца и по двенадцать часов в день изучать анналы преступлений. Все движется по кругу — даже профессор Moriarty. Джонатан Уайлд был скрытой силой лондонских преступников, которым он продавал свой ум и свою организацию за пятнадцать процентов комиссии. Теперь все вернулось на круги своя. Я расскажу вам одну или две вещи о профессоре Moriarty, которые будут небезинтересны для вас.

— Наверняка заинтересуют.

— Мне довелось узнать, кто же первое звено в этой цепочке — цепочке, на одном конце которой наш сбившийся с пути Наполеон, а на другой — сотни мелких задир, карманников, шантажистов, карточных шулеров со всеми видами преступлений посередине. Его начальник штаба — полковник Себастьян Моран, такой же незаметный, осторожный и недоступный для закона, как сам профессор. Как вы думаете, сколько Moriarty ему платят?

— Хотелось бы услышать.

— Шесть тысяч в год. Как вы понимаете, это плата за мозги — американский деловой принцип. Это больше, чем получает премьер-министр. И это даст вам представление о доходах Moriarty и о лестнице, которую он возвел. И во-вторых: я занялся охотой за чеками профессора — самыми обычными чеками, которыми он оплачивает домашние счета. Они были выписаны на шесть разных банков. Впечатляет?

— Еще бы! И что вы отсюда вывели?

— Что он избегает слухов о своем богатстве. Ни один человек не должен знать, что оно у него есть. Я не сомневаюсь, что у него штук двадцать банковских счетов; кто его знает, может, есть и заграничные вклады, где-нибудь в Немецком банке или в Лионском кредите. Если у вас когда-нибудь обособляется год или два, советую вам попристальней изучить профессора Moriarty.

Чем дальше продолжался этот разговор, тем больше он производил впечатление на инспектора. Макдональд так увлекся, что забыл обо всем. Теперь его трезвый шотландский ум вернул его к нынешней неотложной реальности.

— Да, это может быть содержательным, — сказал он. — Но своими интереснейшими историями вы учили нас в сторону, мистер Холмс. Что действительно имеет значение, так это ваше замечание о наличии какой-то связи между профессором и преступлением. То, что вы поняли из предупреждения, присланного этим Порлоком. Может это помочь нам в настоящий момент хоть сколько-то сдвинуться с места?

— Мы можем как-то определить мотивы преступления. Ведь они — я исхожу из ваших собственных слов — пока неизвестны. И тут скорее всего — допуская, что нами правильно угадан источник преступления, — одно из двух. Во-первых, чтобы вы знали, Moriarty правит своими людьми беспощадной рукой. Дисциплина у него железная. Есть только одно наказание в его кодексе. Это смерть. Итак, первый вариант: убитый человек — этот Дуглас, чья грядущая судьба была известна одному из служителей архиепископа, — каким-то образом обманул своего шефа. Наказание последовало незамедлительно и с оповещением всех остальных — для того только, чтобы внушил им страх смерти.

— Первое предположение.

— Второе — что это обычное деловое мероприятие, организованное Moriarty. Там что-нибудь похищено?

— Этого я не знаю.

— Если так, то это, конечно, против первой гипотезы и в пользу второй. Moriarty мог быть приглашен для разработки плана — с обещанием ему части добычи, а мог даже стоять во главе операции, если плата была соответствующей. И то, и другое возможно. Но что бы там ни было, может, даже что-то третье, ответ мы должны искать в Бёрлстоуне. Я этого человека знаю слишком хорошо и не могу допустить, что он оставил в Лондоне следы, выводящие на него.

— Тогда мы должны двигаться в Бёрлстоуне! — вскричал Макдональд, вскакивая со стула. — Господи! Сейчас позже, чем я думал. Я даю вам пять минут на сборы, джентльмены, не больше.

— И вполне достаточно для нас обоих, — сказал Холмс, оказавшись уже на ногах и быстро сменяя домашний халат на пиджак. — А по пути, мистер Мак, окажите любезность, расскажите все, что вы знаете об этом деле.

«Все» оказалось удручающе мало. Однако и это хватило, чтобы дать нам понять, насколько здесь необходимо самое пристальное внимание знатока. Холмс светился и потирал руки, выслушивая скучные, но впечатляющие детали.

Наконец появился подходящий объект для приложения этой необычайной силы, которая, как и любое особое дарование, тяготила своего владельца, пребывая без употребления. Этот острый ум от бездействия затупливался и ржал.

Глаза Холмса сверкали, бледные щеки немного покраснели, все его энергичное лицо светилось внутренним светом, появлявшимся при зове работы. В кабинете он выслушал короткий рассказ Макдональда о проблемах, которые ждали нас в Суссексе. Сведения самого инспектора были ограничены короткой запиской, которую он получил сегодня с самым ранним поездом. Уайт Мэсон, таможенный полицейский, был его личным другом, и поэтому Макдональд вызывал быстрее, чем вызывается обычно Скотланд Ярд, когда провинция нуждается в его помощи. В основном столичных экспертов приглашают на уже холодный след.

«Дорогой инспектор Макдональд! — говорилось в письме. — Официальный запрос на вас следует в отдельном конверте. Это же вам лично. Телеграфируйте мне, каким поездом вы сможете сегодня утром прибыть в Бёрлстоун, и я вас встречу, или кто-нибудь встретит вас, если я буду слишком занят. Дело сногшибательное. Выезжайте, не теряя ни секунды. Если вы можете пригласить мистера Холмса, сделайте это, пожалуйста; он найдет тут кое-что в своем вкусе. Мы могли бы подумать, что вся эта штука поставлена ради театрального эффекта, если бы в центре ее не было покойника. Честное слово! Это сногшибательно!»

— Кажется, ваш друг не дурак, — заметил Холмс.

— Нет, сэр. Уайт Мэсон — очень толковый человек, если я хоть что-нибудь понимаю.

— Хорошо. Известно что-нибудь еще?

— Он все нам расскажет в деталях, когда мы встретимся.

— Откуда вы тогда знаете о мистере Дугласе и зверском убийстве?

— Из вложенного официального рапорта. Там не говорится «зверское» — это ведь неофициальный термин. Называется имя — Джек Дуглас. Сообщается, что раны были нанесены в голову выстрелом из ружья. Называется также час происшествия — около двенадцати ночи. Добавлено, что это явное убийство, но никакого ареста не произведено, и все дело имеет странные и необычные очертания. Вот все, что у нас есть в настоящем, мистер Холмс.

— С вашего разрешения, мы это пока так и оставим, мистер Мак. Соблазн выстраивать преждевременные теории на основе недостаточных данных — отрава нашей профессии. Пока что только две вещи очевидны: великий ум в Лондоне и мертвый в Суссексе. Вот цепочка, по которой мы должны двигаться.

Глава третья

Трагедия в Бёрлстоуне

Теперь я хотел бы на время удалить со сцены свою незначительную персону и описать события, обусловившие наш приезд в Суссекс и ставшие нам известными чуть позже. Только так я смогу дать читателю представление о людях, здесь затронутых, и о странной обстановке, в которой их настигла судьба.

Деревня Бёрлстоун — небольшая горстка очень старых деревянных домиков — расположена на северной границе графства Суссекс. Веками она оставалась неизменной; однако в последнее время ее живописный вид и местоположение привлекли внимание состоятельных людей — их виллы теперь выглядывают тут и там из окрестных лесов. Леса эти являются, по всей видимости, крайней кромкой великого Уэльского леса, к северу становящегося все более разреженным и переходящего в меловые равнины. Нужды растущего населения вызвали к жизни несколько небольших магазинчиков, и вообще весьма вероятным представляется скорое превращение Бёрлстоуна из древней деревушки в современный город. Тем более что это центр значительной части местности, так как Тернбридж Уэллс, ближайший крупный населенный пункт, расположен десятью или двенадцатью милями восточнее, уже в пределах графства Кент.

В полумиле от Бёрлстоуна, в парке, знаменитом своими огромными грушевыми деревьями, расположено старинное владетельное здание — Бёрлстоун Мэнор Хауз.

Дом этот, с его многочисленными гребнями и небольшими ромбическими окнами, сохранился в основном таким, каким его оставил строитель семнадцатого века. Из двух наполненных водой рвов, охранявших когда-то его далекого воинственного владельца, внешний осушен и исполняет скромные обязанности огорода. Внутренний сохранился, составляя приблизительно футов сорок в ширину, а в глубину — не более нескольких футов и окружает весь дом. Небольшая речка снабжает его водой и потом продолжает свой путь, так что вода, хоть и мутная, никогда не бывает застоявшейся или нездоровой. Окна первого этажа находятся меньше чем в футе от поверхности воды.

К дому можно пройти только через подъемный мост, лебедки и цепи которого долгое время ржавели и разрушались. Последний арендатор Мэнор Хауз с энергией, для него характерной, привел мост в порядок, и мост не только получил возможность подниматься и опускаться, но и поднимался каждый вечер и опускался каждое утро. С возобновлением этой привычки старых феодальных дней Мэнор Хауз стал превращаться в остров на всю ночь — факт, играющий важную роль в той загадочной истории, которая привлекла вскоре внимание всей Англии.

Дом простоял нежилым несколько лет и угрожал превратиться в живописные развалины, когда в него въехали Дугласы. Семья состояла из двух человек — Джека Дугласа и его жены. Дуглас был человеком примечательным и по характеру, и по внешнему виду: примерно пятидесяти лет, с необыкновенно острой и проницательным взглядом серых глаз, с тяжелой челюстью, седыми усами и с жилистой подтянутой фигурой, не утратившей ни юношеской подвижности, ни силы. Он был весел и приветлив со всеми, однако что-то вульгарное в его манерах говорило о том, что он повидал жизнь более низких слоев общества, чем те, с которыми общался теперь.

Но хотя он выглядел диковинным и ограниченным в глазах его более культурных соседей, он вскоре приобрел большую популярность среди местных жителей — он с удовольствием вникал во все их заботы, принимал участие во многих развлечениях, где всегда был готов порадовать собравшихся прекрасной песней — у него был замечательный тенор. Выглядел он человеком богатым — разбогатевшим, как говорили, на калифорнийских золотых приисках. Со слов его собственных и его жены было известно, что часть жизни он провел в Америке.

Хорошее впечатление, которое он производил своей щедростью и демократичными манерами, еще усиливалось приобретенной им репутацией смельчака. Так, когда горел дом священника, он поразил всех полнейшим бесстрашием и безразличием к опасности, спасая имущество уже после того, как местная пожарная бригада признала это невозможным.

Его жена также была популярна среди тех, кто их знал; правда, гости у них бывали редко — следствие наших английских нравов, не позволяющих наносить визитов незнакомцу, который, обосновавшись в графстве, официально никому не представился. Это, однако, мало волновало ее, поскольку она, по общему мнению, была погружена в домашние хлопоты, в заботы о хозяйстве и муже — и это вполне соответствовало ее природным наклонностям. О ней было известно, что она англичанка и встретилась с Дугласом уже в Лондоне, когда тот стал вдовцом. Она была красивой женщиной, высокой, темноволосой и стройной, на двадцать лет моложе своего супруга; но разница в возрасте не мешала их семейному соглашению.

Правда, те, кто их лучше знал, подметили, что между двумя членами этой семьи не было полной откровенности. То ли жена не желала говорить о прошлом своего мужа, то ли, что вернее, почти ничего не знала о нем. Не осталась без внимания некоторых наблюдательных людей и странная повышенная нервозность миссис Дуглас, особенно усиливавшаяся и доходившая до состояния нескрываемой острой тревоги, если муж, отлучившись, необычно запаздывал с возвращением домой. В тихой сельской местности, где у слухов и сплетен благодатная почва, эта слабость хозяйки Мэнор Хауз не прошла незамеченной и с особой силой вспыхнула в людской памяти, когда разразились события, придавшие ей весьма определенное значение.

Был еще один человек, пребывание которого под этой крышей хотя и являлось постоянным, но чье присутствие во время странных происшествий требует представить его читателю. Это Сесиль Джеймс Баркер из Халес Лоджа, Хэмпстед.

К высокой, раскованной фигуре Сесиля Баркера привыкли главная улица Бёрлстоуна, поскольку он был частным и желанным гостем в Мэнор Хаузе. Он должен быть отмечен также как единственный друг мистера Дугласа из его неизвестного прошлого. Сам

он, несомненно, был англичанином; но по его замечаниям становилось понятно, что встретился он с Дугласом в Америке и там подружился с ним. Человек он был достаточно богатый и завзятый холостяк.

Он был моложе Дугласа — самое большое, лет сорока пяти, — высокий, прямой, широкоплечий, чисто выбритый, с лицом боксера, густыми черными бровями и властными черными глазами, один взгляд которых мог бы проложить ему дорогу через враждебную толпу. «Добротный и щедрый джентльмен», — говорил о нем Амис, дворецкий. Но не хотел бы я оказаться у него на пути! Он был сердечен и близок с Дугласом и не меньше с его женой — дружба, которая не однажды, казалось, вызывала беспокойство мужа, так что даже слуги могли заметить раздражение последнего.

Что до остальных обитателей старого здания, то прежде всего тут нужно выделить чопорного, распектабельного и умелого Амиса, а также миссис Аллен, живую и добродушную женщину, помогавшую вести хозяйство. Остальные шесть слуг не имеют отношения к событиям, происшедшем вечером шестого января.

Первый сигнал тревоги поступил на маленький местный полицейский пункт в одиннадцать сорок пять, во время дежурства сержанта Вильсона. Сильно взъерошенный Сесиль Баркер подлетел к двери и бешено зазвонил в колокольчик. «В Мэнор Хаузе произошла ужасная трагедия. Джек Дуглас убит», — сообщил он, тяжело задыхаясь. Он поспешил назад к дому, а спустя несколько минут, предупредив власти графства о серьезном происшествии, за ним последовал и сержант.

Подойдя к Мэнор Хаузу, сержант обнаружил мост опущенным, окна освещенными, а весь дом в состоянии страшного смятения и тревоги. Бледные слуги толпились в холле, перепуганный дворецкий заламывал руки в дверном проеме. Только Сесиль Баркер держал себя в руках: он открыл ближайшую ко входу дверь и кинул сержанту, чтобы тот последовал за ним. В этот момент подоспел доктор Буд, проворный и способный врач, обслуживающий эту местность. Втроем мужчины вошли в роковую комнату, а по пятам за ними прошел перепуганный дворецкий, затворив за собой дверь, чтобы служанки не видели ужасного зрелища.

Мертвец лежал на спине, в центре комнаты, широко раскинув руки и ноги. На нем была только ночной одежда, розовый халат и ковровые тапочки на голых ногах. Доктор встал на колени возле жертвы, держа лампу, взятую со стола. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: здесь не нужна медицинская помощь, человек жестоко изуродован. У него на груди лежало странное оружие, дробовик со стволом, сплющенным так, что до курков оставался приблизительно фут. Выстрел, произведенный с очень близкого расстояния, проделал в голове огромную дыру, почти что разнес ее в куски. Курки были связаны между собой проволокой, чтобы сделать одновременный выстрел из обоих стволов более действенным.

Сельского полицейского потрясла и вззволновала огромная ответственность, которая внезапно легла на него.

— Мы ничего не должны здесь трогать, пока не прибудет мое начальство, — проговорил он слабым голосом, не отводя взгляда от головы покойника.

— Здесь ничего не тронули, — сказал Сесиль Баркер. — Я отвечаю за это. Вы видите все в точности таким, каким я это нашел.

— Когда это было? — Сержант извлек записную книжку.

— Как раз в половине двенадцатого. Я еще не начал раздеваться и сидел у камина в своей спальне, когда услышал звук выстрела. Он был не очень громким — казалось, что стреляли с глушителем. Я кинулся вниз — думаю, не прошло и полминуты, как я оказался в комнате.

— Дверь была открыта?

— Да, открыта. Бедный Дуглас лежал так, как вы видите его. Его свеча горела на столе. Это я зажег чуть попозже лампу.

— Вы никого не видели?

— Нет, никого. Я услышал, что по лестнице спускается миссис Дуглас, и выбежал из комнаты, остановить ее, чтобы она не увидела этого кошмарного зрелища. Миссис Аллен, экономка, увела ее. Тут подоспел Амис, и мы вместе вошли в комнату еще раз.

— Да, но ведь ваш мост бывает поднят всю ночь?

— Он был поднят, пока я не опустил его.

— Но как тогда убийца мог ускользнуть? Это невероятно! Больше всего похоже на самоубийство.

— Так и мы сначала подумали. Но смотрите! — Баркер отодвинул штору и показал, что ромбовидное окно за ней открыто настежь. — А теперь посмотрите на это! — Он взял лампу и осветил пятно крови на подоконнике, похожее на отпечаток подошвы ботинка. — Кто-то здесь вылезал наружу.

— Вы имеете в виду, что кто-то перебрался через ров?

— Конечно.

— Но если вы через полминуты оказались в комнате, он как раз должен был находиться в воде.

— Не сомневаюсь в этом. Господи боже, если бы я подбежал к окну! Но оно было именно вот так закрыто шторой, мне и в голову не пришло заглянуть туда. А потом я услышал шаги миссис Дуглас, которую нельзя было пускать в комнату. Это было кошмарно!

— Достаточно кошмарно! — сказал доктор, разглядывая раздробленную голову и жуткие следы, которые ее окружали. — Я не видел таких ран с бирлстоунской железнодорожной катастрофы.

— Но, — заметил сержант, наделенный медлительным сельским здравым смыслом и все еще размышающим над открытым окном, — хоть вы и очень хорошо объяснили, как он убежал через ров, но как же он попал в дом, если мост был поднят?

— Да, это загадка, — сказал Баркер.

— В котором часу подняли мост?

— Около шести, — ответил Амис, дворецкий.

— Но я слышал, — сказал сержант, — что обычно он поднимается при заходе солнца. А в это время года темнеет в половине четвертого.

— У миссис Дуглас были гости к чаю, — ответил Амис. — И я не мог поднять мост, пока они не ушли. Затем я поднял его сам.

— Тогда мы приходим к следующему: если здесь был кто-то посторонний — ЕСЛИ он здесь был, — то он должен был пройти по мосту до шести и оставаться в комнате до полдвенадцатого, пока в нее не вошел мистер Дуглас.

— Точно! Мистер Дуглас каждый вечер обходил дом, проверяя, все ли огни погашены. Вот почему он оказался здесь. Кто-то его поджидал и застрелил его. Затем, оставив ружье, бежал через окно. Так я это понимаю; так складываются факты.

Сержант поднял карточку, лежавшую возле убитого на полу. На ней были грубо нацарапаны чернилами буквы В. В. и номер 341.

— Что это такое? — спросил он.

Баркер поглядел на нее с удивлением:

— Я этого никогда не видел. Это, должно быть, обронил убийца.

— В. В. 341. Не представляю, что это значит.

Сержант вертел карточку в своих больших пальцах:

— Что такое В. В.? Может быть, чьи-то инициалы?

Что вы там нашли, доктор Буд?

Это был большой молоток, лежавший на коврике перед камином, — крепкий рабочий молоток. Сесиль Баркер указал на коробку с медными гвоздями, стоявшую на каминной полочке:

— Вчера мистер Дуглас перевешивал картины. Я видел, как он стоял на стуле и поправлял одну из них. Вот откуда молоток.

— Лучше все это оставить там, где было, — сказал сержант, — тут понадобятся лучшие мозги, чтобы распутать эту штуку. Это работа для Лондона. — С лампой в руке он медленно кружил по комнате. — Эх! — взволнованно воскликнул он, сдвигая в сторону штору. — В котором часу шторы были опущены?

— Когда зажгли лампы, — ответил дворецкий. — Чуть позже четырех.

— Кто-то здесь прятался, это точно. — Сержант опустил лампу, и стали видны следы грязных ботинок в углу. — Должен сказать, что это подтверждает вашу теорию, мистер Баркер. Похоже, человек проник в дом после четырех, когда шторы были опущены, и до шести, когда был поднят мост. Он пробрался в эту комнату, в первую, которую увидел. Не было другого места, где бы он мог спрятаться, поэтому он затаился за шторой. Все это кажется достаточно ясным. Он, видно, хотел ограбить дом; но мистер Дуглас случайно встретился с ним, поэтому он застрелил мистера Дугласа и скрылся.

— Так кажется и мне, — сказал Баркер. — Но разве мы не теряем ценные время? Не должны ли мы начать что-то делать и объявить по графству о поисках этого человека, пока он не исчез?

Сержант секунду раздумывал:

— До шести утра поездов нет; так что уехать по железной дороге он не сможет. Если же он со своими вымокшими ногами пойдет пешком, то его так или иначе кто-то заметит. К тому же я не могу уйти отсюда, пока меня не сменят. Но я думаю, никто из нас не должен уходить, пока не станет ясно, в каком мы все положении.

Доктор взял лампу и тщательно осмотрел тело.

— Что это за знак? — спросил он. — Может он иметь какую-нибудь связь с преступлением?

Рукав халата на правой руке убитого задрался, обнажив ее до локтя. Примерно посередине, между запястьем и локтем, был странный коричневый рисунок, треугольник внутри круга, ярко прописанный на белой коже.

— Это не татуировка, — сказал доктор, глядя сквозь очки. — Никогда не видел ничего подобного. Это клеймо, наподобие клейма для скота. Что это значит?

— Признаться, не знаю, — ответил Сесиль Баркер. — Но я много раз видел это у Дугласа за последние десять лет.

— И я тоже, — сказал дворецкий. — Много раз, когда хозяин закатывал рукава, я видел этот знак. И часто удивлялся, что бы это значило.

— Тогда, во всяком случае, это не имеет ничего общего с преступлением, — сказал сержант. — Но это как-то чудно. Все в этом деле чудно. Ладно, что там еще?

Дворецкий, издавший возглас удивления, указывал на откинутую руку убитого.

— Они забрали его обручальное кольцо! — задыхаясь, проговорил он.

— Что?

— Да, конечно. Хозяин всегда носил свое гладкое золотое обручальное кольцо на мизинце левой руки. Вот это кольцо с необработанным золотым самородком было над ним, а кольцо в виде свернувшейся змеи — на среднем пальце. Вот самородок и вот змея, но обручальное кольцо исчезло.

— Он прав, — сказал Баркер.

— Вы хотите сказать, — переспросил сержант, — что обручальное кольцо было ПОД другим?

— Всегда!

— И убийца, кто бы он ни был, сначала снял кольцо, которое вы называете кольцом с самородком, затем обручальное кольцо, а затем кольцо с самородком надел назад?

— Именно так!

Достопочтенный сельский полицейский потряс головой:

— Кажется мне, что чем скорее мы вызовем Лондон, тем лучше. Уайт Мэсон — толковый человек. Нет таких местных дел, которые бы не по плечу Уайту Мэсону. Он вот-вот прибудет сюда нам на помощь. Но я полагаю, мы должны обратиться в Лондон, пока не промахнулись. Не постыжусь сказать, что это дело слишком трудное для таких, как я.

Глава четвертая

Тьма

В три утра ведущий суссекский детектив, поднятый неотложным вызовом сержанта Вильсона из Бирлстоуна, прикатил в небольшом двухколесном экипаже со взмыленной лошадью в упряжке. В пять сорок он отправил с утренним поездом свою записку в Скотланд Ярд, а в двенадцать встречал нас на станции. Уайт Мэсон был спокойным, довольным человечком. В свободном твидовом костюме, чисто выбритый, с румяным лицом, плотно сбитый, на украшенных гетрами крепких кривых ногах — он выглядел скорее как фермер или лесник в отставке, но совсем не как уважаемый провинциальный полицейский офицер.

— Честное слово, сногшибательно, — продолжал он повторять. — Репортеры, наверное, налетят, как мухи, когда они поймут это. Я надеюсь, мы закончим свою работу до того, как они начнут совать сюда носы и запутают нам все следы. Я не могу припомнить ничего подобного. Здесь найдется кое-что и для вас, мистер Холмс, если не ошибаюсь. И для вас также, мистер Уотсон, — вы нам пригодитесь как медик. Ваши комнаты в Вестмил Армз. Другого места здесь нет; но я слышал, что там чисто и хорошо. Человек отнесет ваши чемоданы. Пожалуйста, джентльмены, прошу.

Он оказался очень суетливым и живым, этот суссекский детектив. За десять минут мы разместились в наших апартаментах. Еще через десять мы сидели в зале гостиницы и выслушивали стремительный рассказ о тех событиях, которые изложены в предыдущей главе. Макдональд изредка делал записи; Холмс слушал увлеченно, с тем выражением удивления и благовонного восхищения, с которым ботаник разглядывает редкий и прекрасный цветок.

— Замечательно! — сказал он, когда рассказ был закончен. — Замечательно! Вряд ли я припомню какое-нибудь дело, черты которого были бы так специфичны.

— Я не сомневался, что вы так отреагируете, мистер Холмс, — сказал Уайт Мэсон. — Я рассказал вам, как обстоит дело с того момента, когда я получил сообщение от сержанта Вильсона между тремя и четырьмя утра. Честное слово! Загнал я старую кобылу! Но оказалось, что мне не надо было так спешить, не было ничего такого, что я мог бы немедленно сделать. Сержант Вильсон собрал все факты. Я расставил их, поразмыслил над ними и, кажется, сумел к ним прибавить кое-что свое.

— Что именно? — жадно спросил Холмс.

Перевел

с английского

Алексей БИРГЕР.

Рисунки

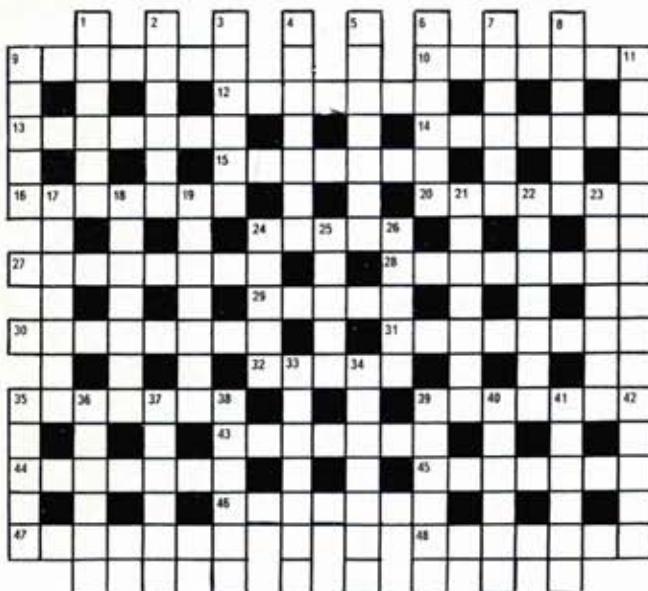
Елены

УЛЬЯНОВОЙ

КРОССВОРД

Составил Н. ЕРМАКОВ.
Славянск Донецкой области

По горизонтали:

9. Строфа, которой написана «Божественная комедия» Данте. 10. Этюд для пения на одних гласных звуках. 12. Сердце атомной электростанции. 13. Показана храбрость. 14. Равнодушный, бессердечный человек. 15. Работник, перевыполняющий задания. 16. Квадратный участок леса. 20. Название металлов, стали у древних греков. 24. «Около рудничной которы стоит ... для поселенцев, работающих в колых» (А. П. Чехов. «Остров Сахалин»). 27. ... хуже воровства (русская поговорка). 28. Эффект драгоценных камней образовывать на свету многоглубчевые звезды. 29. Роман И. С. Тургенева. 30. Грузинский поэт, в роду которого было принято обращаться друг к другу со стихотворными посланиями. 31. Язвительность, ядовитость. 32. Что город, то ... что деревня, то обычай (пословица). 35. Советский космонавт, в первый раз полетевший в космос на «Союзе-4». 39. Советский географ-картоограф. 43. Десятиногий морской рак с деликатесным мясом. 44. Личность, особа. 45. Мостовое сооружение, популярное в Древнем Риме. 46. Ополченец в опере М. Глинки «Иван Сусанин». 47. Дробь барабанная, репетиция (общее название). 48. Место, возле которого стояла изба героя в повести Д. Григоровича «Антон-Гремыка».

По вертикали:

1. Курорт на Рижском взморье. 2. Великан. 3. Подразделение для охраны военных объектов. 4. Разрывной снаряд. 5. Река, образуемая слиянием Котуя и Хеты. 6. Серия научно-популярных книг. 7. Представительница населения автономной республики, в которой долгожителей не меньше, чем на Кавказе. 8. Красная ягода, съедобная после первых морозов. 9. Упаковка для мазей, пасты, красок. 11. Точка, на которой в полдень на экваторе стоит солнце. 17. Самая высокая часть дерева. 18. Один из самых популярных в русской литературе женских персонажей. 19. Южное плодовое дерево с очень хрупкой древесиной. 21. Одно из русских названий кашки и клевера. 22. Арабское население, в начале XVII века изгнанное из Испании. 23. Местность близ впадения реки в море. 24. «Не спорь, отец мой, с ним: он, знаешь, ... знатной» (Чванкина Честону в «Хвастуне» Я. Княжнина). 25. Локатор. 26. Город на Украине, связанный с именами А. Гайдара, О. Кошевого, Т. Шевченко. 33. Старинный многоместный конный экипаж. 34. Сельскохозяйственное орудие. 35. Еле слышный разговор. 36. Английский живописец-романтик. 37. Автор романа «Барсук». 38. Советский тяжелоатлет, чемпион Европы и мира. 39. Деревянный треножник скунтиора. 40. Садовый цветок родом из Средиземноморья. 41. Советский композитор. 42. Самая мелкая монета Древней Руси.

ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 7

По горизонтали:

1. Церемония. 5. Вибростол. 10. Ливчанка. 11. Позитрон. 14. Нестинарка. 15. Хризантема. 17. «Кансса». 18. Алофема. 19. Шапито. 22. Филигранография. 23. Чалма. 24. Юстас. 29. Железнодорожник. 33. Терпуг. 34. Зависть. 35. Индекс. 38. Респиратор. 39. Иранистика. 40. Даниель. 41. Астильбе. 42. Накладная. 43. «Гайдамаки».

По вертикали:

1. Цилиндрик. 2. Ровесник. 3. Мравинский. 4. Нектар. 6. Бронза. 7. Ориентация. 8. Туркенич. 9. Лантаноид. 12. Экспериментатор. 13. Промагистратура. 16. Афины. 20. Риварес. 21. Караджа. 25. Секуринга. 26. Ядрин. 27. Гимнастика. 28. Гетеродин. 30. Руставели. 31. Тростник. 32. «Женитьба». 36. Каньон. 37. Енисей.

28-Я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

СМЕРТЬ ОТ КОНИ

Конь — самая легкая фигура. Вероятно, поэтому он единственный может брать барьера на шахматной доске. Именно в этом его своеобразная сила. На голой доске даже два коня с королем не могут дать мат неприятельскому королю. Другое дело — в стесненных позициях. Тогда и один конь может облыть короля смертельный шах — знаменитый спрятый мат!

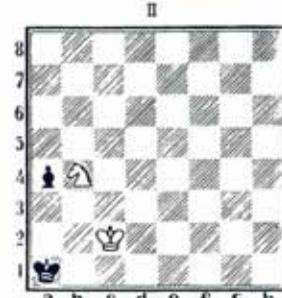
Композиций с одиноким конем очень мало. Поэтому задания сегодняшнего тура носят в значительной мере учебный характер. Главное, они дают некоторое представление о возможностях коня.

Пятый тур

Белые: Кр₂, Кб₂ (2)
Черные: Кр₈, Лh₁, Сс₈, п.п. g₂, h₂ (5)

Мат в 3 хода (1 балл)

Белые: Кр₂, Кб₄ (2)
Черные: Кр₈, п. п. a₄ (2)

Мат в 7 ходов (2 балла)

III
В. Чепижный
Публикуется впервые.

Белые: Кр₄, Кб₂ (2)
Черные: Кр₈, Сh₆, Ka₁, Kh₇ (4)

Ничья (3 балла)

Ответы на задания присыпайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 5-й тур». Последний срок отправления ответов (по почтовому штемплю) — 15 июня.

Конкурс юмористических рисунков

Рисунок Вадима ГОРЮНОВА, Рязань

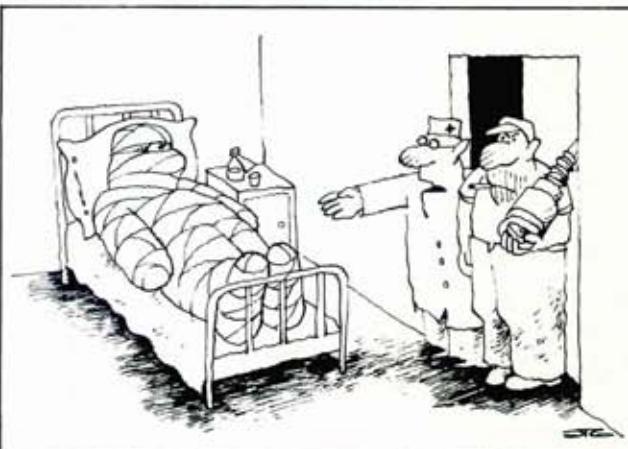

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА, Москва

Рисунок
Константина
СМИРНОВА,
Одесса

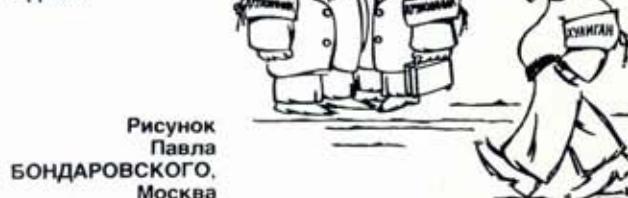

Рисунок
Павла
БОНДАРОВСКОГО,
Москва

ПОДПИСКА
НА «СМЕНУ»
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Если вы захотите подписаться на наш журнал в течение 1986 года, то можете это сделать в любом почтовом отделении связи, в агентстве «Союзпечати» до 12-го числа предподписного месяца (например, до 12 мая — на июль и далее).

Подписка проводится свободно, без ограничений.

Цена номера 35 копеек.

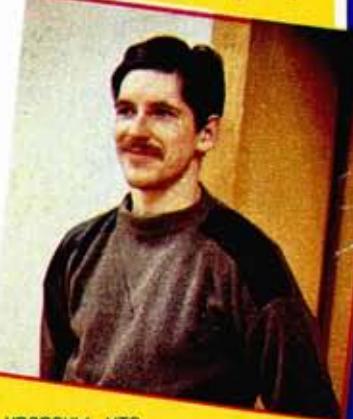
Не забудьте, что «Смена» выходит два раза в месяц. Обращаем ваше внимание на то, что в розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

Сдано в набор 04.03.86. Подписано к печати 17.03.86. А 01942. Формат 70×108^{1/8}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 865. Заказ № 2550.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Друзья! Помните, что счастье — это призрак, и идти к нему надо дальше дорогами тренировок.

V. Valters

дис — спортсмен до мозга костей. Он необычайно талантлив, поэтому с ним и спрос особый. Мы до сих пор учимся друг у друга. — И добавляет: — Ну, а характер у него далеко не сахар».

В почте
рубрики
«Спортивный
автограф»
немало
писем
с просьбой
рассказать
о представи-
телях
игровых
видов
спорта.
Встретиться
на страницах
журнала
с Валдисом
Валтерсом —
капитаном
сборной
СССР
по баскетболу
чемпионом
мира
и двукратным
победителем
первенств
Европы —
хотели:
А. Пипанс
(Елгава),
Н. Филиппович
(Гродно),
Х. Таджиев
(Наманган),
жители
пос. Коряжма
Архангельской
области
и другие
читатели.
Ждем
ваших
предложений,
уважаемые
друзья!

Рижане глубоко уверены, что футболу с хоккеем, равно как и остальным спортивным играм, не повезло: ведь Валтерс играет в баскетбол, хотя по абсолютному убеждению игроков и зрителей мог бы стать лидером в любом командном виде спорта. Именно командном, поскольку капитан ВЭФа при всей своей индивидуальности во главу угла ставит победу коллектива. Пока же его личные успехи опережают достижения рижан, однако капитан не унывает (это вообще не в его характере): главные матчи не сыграны.

В баскетболе для Валдиса секретов нет. Снайперские броски, виртуозный дрибллинг, скрытые передачи — зрителей идет «на Валтерса», заранее предвкушая удовольствие от игры десятого номера.

Мнение партнеров по команде: «Ты только подбираешься к щиту, сам еще не успел оценить позицию, и вдруг у тебя в руках оказывается мяч, и все защитники соперника отрезаны. И делает это Валдис». Стало быть, он командный игрок? Да, но не только. Команда набирает за матч в среднем 85—90 очков, Валтерс же в одной встрече забросил 69. Сенсация? Конечно. Но в другой игре он может не бросать по кольцу так интенсивно, зато отличится при передачах...

После игры он обязательно сразу же звонит домой — ведь там Валдиса ждут самые преданные и строгие болельщики: жена Зента, работающая спортивным педагогом, и сыновья Сентис и Кристопс. Надо было видеть, как Валтерс спешил на самолет после окончания турнира «Дружба-84», где был признан лучшим защитником. На следующий день Кристопс отмечал день рождения, а через два дня отец должен был вести его в школу. Пока в обычную, а там возможно, и в спортивную — восемь лет сыну, самый баскетбольный возраст. Учебный год начинался и у самого отца, пятикурсника рижского Политехнического института.

В чем же секрет мастерства Валтерса?

— Интересно играть, когда ты в хорошей форме, — говорит Валдис. — Значит, нужно быть в такой форме. Всего-навсего».

Сергей МИКУЛИК

ВАЛДИС ВАЛТЕРС

Фото
Сергея ВЕТРОВА
и Евгения
МИРАНСКОГО